

Краснодарский университет МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА**

Материалы
VII Международной научно-практической конференции

(20 февраля 2020 г.)

Краснодар
2020

УДК 347.1
ББК 67.404
А43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

А. В. Герасимов, кандидат юридических наук, доцент (председатель);
Е. С. Бескоровайная (заместитель председателя);
В. В. Стрельцов, кандидат социологических наук
(ответственный секретарь);
И. К. Харитонов, Н. В. Жукова, И. Г. Синяева

Актуальные проблемы развития гражданского права и
А43 **гражданского процесса** : материалы VII Междунар. науч.-практ.
конф. (20 февр. 2020 г.) / редкол.: А. В. Герасимов, Е. С. Бескоровайная,
В. В. Стрельцов, И. К. Харитонов, Н. В. Жукова, И. Г. Синяева. –
Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. – 180 с.

ISBN 978-5-9266-1612-2

Содержатся статьи, посвященные рассмотрению актуальных проблем реализации гражданского и процессуального законодательства, применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347.1
ББК 67.404

ISBN 978-5-9266-1612-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2020

Айбатулина Алина Каримовна,
преподаватель кафедры
гражданского
и административного
судопроизводства
СКФ Российский государственный
университет правосудия
Aibatulina Alina Karimovna,
The lecturer of the Chair of the Civil
and Administrative Proceeding of the
North Caucasus Branch of the Russian
State University of Justice

**К ВОПРОСУ О СРОКАХ ОБРАЩЕНИЯ В СУД
ПО ЖИЛИЩНЫМ СПОРАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ**

**REVISITING THE RECOURSE PERIOD IN CONNECTION
WITH HOUSING DISPUTES OF CIVIL SERVANTS AND THEIR
FAMILY MEMBERS**

Аннотация. Исследуется вопрос о сроке обращения в суд по делам об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, в частности по жилищным спорам государственных служащих (членов их семей). Автор обратил внимание при исследовании и анализе норм материального и процессуального законодательства на два аспекта «срока обращения в суд»: 1. момент (день), когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов; 2. целесообразность закрепления трех месячного срока для подачи административного искового заявления.

Abstract. The article deals with the recourse period in regards to the cases about impeachment, acts of comission (omission) of the governmentally or other way authorised body, organisation, person in particular in connection with housing disputes of civil servants (their family members). When studying and analysing the corporeal and procedural legislation the author focused on two aspects of the «recourse period»: 1. the moment (day), when a citizen, an organisation or another person became known about the infridgement of their rights,

freedoms and legitimate interests; 2. viability of preservation of three month period for the issuing an administrative claim form.

Государственным служащим и членам их семей законодательством предоставлено право на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилья (далее – ЕСВ).

Решение о постановке на учет (снятии с учета), отказе в постановке на учет для получения ЕСВ принимает комиссия в центральных аппаратах, территориальных органах, учреждениях и организациях федеральных органов исполнительной власти, в которой проходят службу (проходили) государственные служащие.

В случае, если государственный служащий (член его семьи) считает, что его право нарушено принятым решением комиссии о снятии с учета или об отказе в постановке на учет для получения ЕСВ, то он может обратиться в суд для оспаривания данного решения в порядке главы 22 КАС РФ.

В соответствии с п. 2 ч. 9 ст. 226 КАС РФ при рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд выясняет соблюдены ли сроки обращения в суд.

Что же такое «срок обращения в суд»?

Понятие «срок обращение в суд» законодательно не установлено и до сих пор является дискуссионным.

Автор предлагает свое видение определения срока обращения в суд – это установленный процессуальным законодательством промежуток времени, который необходим для защиты нарушенного или оспариваемого права гражданина, организации, не вытекающего из гражданско-правовых норм (частноправового характера спора), а вытекающего из иного характера спора, субъектный состав которых построен на иерархичности (власти-подчинении), (публично-правовой, трудовой, налоговый и др.).

По мнению некоторых авторов срок обращения в суд не является процессуальным сроком. Так, А. Закарлюка писал: «этот срок не является процессуальным, как иногда утверждается в правовой литературе, поскольку его течение началось задолго до возбуждения дела в суде. На это обращено внимание, например, в справке Свердловского областного суда от 01.10.2005: «Процессуальные сроки есть установленные законом или судьей (судом) промежутки времени, в течение которых должны быть совершены процессуальные действия судьей (судом), лицами, участвующими в деле, и иными лицами, влекущие возникновение, изменение, прекра-

шение или окончание гражданских процессуальных отношений»; Н.А. Бортникова писала, что срок обращения в суд это не процессуальные нормы (регулируемые нормами материального права).

Однако сложно согласиться с мнением авторов, по следующим основаниям. Срок обращения в суд установлен нормами процессуального законодательства, следовательно, это порождает право на обращение в суд в соответствии со ст. 4 КАС РФ, что ведет к возникновению процессуальных отношений. В случае, если срок на обращения пропущен, лицо вправе представить необходимые доказательства, свидетельствующие о причинах пропуска срока, на обращение в суд об оспаривании решений, действий(бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями. В таком случае вопрос о пропуске срока и возможности его восстановления может быть поставлен на обсуждение в предварительном судебном заседании или судебном заседании. По мнению автора закрепление срока обращения в суд в нормах процессуального законодательства, является весьма грамотным подходом законодателя, поскольку предусмотреть данную возможность в нормах материального права, является весьма нецелесообразным и утопичным в виду их количества и направленности.

Согласно ст. 219 КАС РФ административное исковое заявление может быть подано в суд в течение трех месяцев со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов.

При анализе вышеуказанной нормы хотелось бы остановиться на двух аспектах: 1. момент (день), когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов; 2. целесообразность закрепления трех месячного срока для подачи административного искового заявления.

В рамках дел об оспаривании решения комиссии об отказе в постановке на учет (снятии с учета) для получения ЕСВ государственным служащим (членом его семьи), обратимся к нормам материального права регулирующие спорные отношения.

- В соответствии с п. 7 Правил предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах РФ, утвержденные Постановле-

нием правительства РФ от 24.04.2013 № 369 «О предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах РФ» (далее – Постановление №369, Правила) о принятом комиссией решении (о постановке на учет или об отказе в постановке на учет) сотрудник уведомляется в письменном виде в течение 1 месяца со дня принятия указанного решения. Автор обращает внимание, что в Правилах не указан способ извещения в случае принятия решения комиссией о снятии с учета.

В п. 18 Правил предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками органов внутренних дел РФ» утвержденные Постановлением правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками органов внутренних дел РФ» выписка из правового акта о принятии государственного служащего на учет направляется или выдается в недельный срок. Автор обращает внимание, что в Правилах не указан способ извещения в случае принятия решения комиссией о снятии с учета и об отказе в постановке на учет. В п. 17 Правил предоставления федеральным государственным служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения утвержденные Постановлением правительства РФ от 27.01.2009 № 63 «О предоставлении федеральным государственным служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» выписка из правового акта о принятии государственного служащего на учет или снятии с учета направляется или выдается в недельный срок. Автор также обращает внимание, что в Правилах не указан способ извещения в случае принятия решения комиссией об отказе в постановке на учет.

Обратимся к примерам судебной практики, так, Расулов М.М. обратился в Красносельский районный суд Санкт-Петербурга с административным иском о признании незаконным бездействия ФСИН России, выразившееся в не рассмотрении в 3-х месячный срок вопроса о постановке Расулова М.М. на учет для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. Административный ответчик ссылаясь на пропуск срока обращения в суд административным истцом. Суд установил, что в судебном заседании Ра-

суловым М.М. представлен ответ врип начальника управления капитального строительства, недвижимости, эксплуатации и ремонта ФСИН России от 25.11.2015 № 01-20-48261, из которого следует, что комиссией ФСИН России по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения документы Расулова М.М. будут рассмотрены в порядке общей очереди.

Указанный ответ получен Расуловым М.М. по электронной почте 25.11.2015, а 26.11.2015 Расуловым М.М. обратился с заявлением в Красносельский районный суд Санкт-Петербурга.

Таким образом, суд полагает, что административным истцом Расуловым М.М. срок на обращение в суд не пропущен.

Обратимся к другому примеру. Смотров В. И. обратился в суд с иском к ГУ МЧС России по Воронежской области, министерству Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий о признании действий должностных лиц незаконными.

Судом установлено, что об обжалуемом решении Смотров В.И. узнал из письма от 24.11.2017 года №12502-14-3 (л.д.10), в суд с настоящим административным иском Смотров В.И. обратился 04.12.2017 года, таким образом, установленный законом трехмесячный срок на обращение в суд административным истцом не пропущен.

Таким образом, можно сделать вывод о недостаточности четкого механизма реализации государственным служащим (членом семьи) своего права на защиту, в случае его нарушения, в виду отсутствия единого подхода к регулированию процедуры уведомления государственных служащих о принятом комиссией решении.

Для законодательного урегулирования вопроса автор предлагает следующую концепцию изменения положений норм материального права:

Комиссия (территориальная подкомиссия) обязана:

- Копию принятого решения комиссии (территориальной подкомиссии) о постановке на учет или об отказе в постановке на учет или о снятии с учета в обязательном порядке направить почтовым уведомлением с вручением (может выдаваться сотруднику нарочно по его запросу) сотруднику по адресу его регистрации (либо по всем известным адресам его жительства, указанным в личном деле) в течение 5 дней с даты принятия указанного решения.

- Комиссия (территориальная подкомиссия) обязана направить распоряжение, в случае каких-либо изменений (затруднений) связанных с выдачей (получением, принятием решения) единовременной социальной выплаты почтовым уведомлением с вручением сотруднику по адресу его регистрации (либо по всем известным адресам его жительства, указанным в личном деле) в течение 5 дней с даты вынесения распоряжения.

В случае нарушения сроков направления почтового уведомления сотруднику, лицо (лица) ответственные за отправку почтового уведомления несут дисциплинарную ответственность.

Таким образом, предложенные изменения позволят минимизировать проблему определения и доказывания момента, когда государственному служащему (члену его семьи) стало известно о нарушении его прав принятым решением, действием (бездействием) органа, организации, лица, наделенного государственными или иными публичными полномочиями.

- Еще одним не менее важным аспектом для исследования является ограниченный срок обращения в суд, который составляет три месяца (сокращенный срок 10 дней). Возникает вопрос: разумно и справедливо ли установленное законодателем ограничение на обращение в суд за защитой нарушенного права лица (организации) органом, организацией, лицом, наделенными государственными или иными публичными полномочиями?

В своей монографии Г.А. Жилин исследовал вопрос срока обращения в суд вытекающего из публичных правоотношений со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2005 г. № 14-П указав следующее: «судебная защита является важнейшей гарантией избирательных прав и государство обязано обеспечить полное осуществление права на их судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной. Публично-правовая природа требований о защите избирательных прав, строгие временные рамки избирательного процесса требуют оперативного разрешения избирательных споров, но сокращенные сроки их разрешения не исключают судебную защиту избирательных прав за рамками избирательной кампании. Рассматриваемые положения ст. 260 ГПК – по своему буквальному смыслу и в системной связи с иными нормами действующего законодательства – выступают дополнительной процессуальной гарантией эффективной судебной защиты избирательных прав до завершения избирательной кампании и не исключают такую защиту в дальнейшем, в том числе и посредством исправления судебной ошибки. Иное было бы несовместимо с существом права на судебную защиту и

приводило бы к нарушению принципов равенства и правовой справедливости в реализации как избирательных прав граждан, так и права на судебную защиту.».

Сложно не согласиться с мнением Г.А. Жилина, что судебная защита является важнейшей гарантией конституционных прав, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной.

Таким образом, ограничивая права граждан на обращение в суд, путем установления пресекательных сроков, государство в лице государственных органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями заранее направлено в сторону злоупотребления властью, нарушения прав граждан (организаций) и самое главное ухода от ответственности.

Автор придерживается позиции, многих ученых-процессуалистов относительно необходимости законодательно исключить срок на обращение в суд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст.1391

2. Постановлением правительства РФ от 27.01.2009 № 63 «О предоставлении федеральным государственным служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения»// СЗ РФ от 9 февраля 2009 г. № 6 ст. 739

3. Постановлением правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками органов внутренних дел РФ»// СЗ РФ от 16 января 2012 г. № 3 ст. 430

4. Постановлением правительства РФ от 24.04.2013 № 369 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах РФ» // СЗ РФ от 6 мая 2013 г. № 18 ст. 2269

5. Бортникова Н.А. Исковая давность // СПС КонсультантПлюс. 2019.

6. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. – Москва: Проспект, 2010. – 576с. С.94-95

7. Закарлюка А. Пропущенный срок // ЭЖ-Юрист. 2010. № 17. Тематическое приложение. С. 1

8. Решение Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 11 января 2016 года дело № 2а-2691/2016//sudact.ru/regular/doc/ZemQJNFrunm8/

9. Решение Ленинского районного суда города Воронежа от 15.05.2018 г. дело №2а-1040/18//sudact.ru/regular/doc/h7ntMwnqqdsu/

Бескоровайная Елена Сергеевна,
заместитель начальника
кафедры гражданского права и процесса
Краснодарский университет МВД России
Beskorovainaya Elena,
Deputy head of the Department of
constitutional and administrative law.
Krasnodar University of the Ministry of
internal Affairs of Russia (Krasnodar)

**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ НА ОКАЗАНИЕ
ПЛАТНЫХ УСЛУГ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ**

**FEATURES OF CIVIL LAW REGULATION OF CONTRACTS
FOR THE PROVISION OF PAID SERVICES WITH THE
PARTICIPATION OF STATE INSTITUTIONS**

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам заключения договоров на оказание платных услуг с участием государственных учреждений. Рассматриваются вопросы применения гражданского законодательства к правоотношениям, связанным с оказанием платных услуг государственными учреждениями различных видов. Анализируются особенности содержания данного договора, существенные условия соглашений с участием государственных учреждений.

Формулируются предложения, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования заключения подобных договоров, В

частности, предлагается принятие новой нормы в Гражданский Кодекс Российской Федерации, посвященной данной категории договоров.

This article is devoted to the actual problems of concluding contracts for the provision of paid services with the participation of state institutions. The article deals with the application of civil legislation to legal relations related to the provision of paid services by state institutions of various types. The article analyzes the specifics of the content of this agreement and the essential terms of agreements involving state institutions.

The authors formulate proposals aimed at improving the legal regulation of concluding such contracts, in particular, they propose the adoption of a new norm in the Civil Code of the Russian Federation dedicated to this category of contracts.

Вопросы заключения договоров на оказания платных услуг с государственными учреждениями всегда вызывал и вызывает интерес, поскольку сфера, в которой они оказываются, имеет важное значение для человека и вызывает научные дискуссии, связанные с условиями предоставления данных услуг и их разграничения с другими видами оказываемых услуг.

Много вопросов вызывает и механизм правового регулирования данных видов услуг, о соотношении государственного и частного интереса при оказании платных услуг государственными учреждениями.

Следует отметить, что особенности данного вида услуг обусловлены субъектным составом, содержанием возникающих правоотношений и спецификой ответственности сторон.

Рассмотрим действующие нормативные правовые акты, которые регламентируют данную сферу отношений. По общему правилу, платной деятельностью могут заниматься все государственные учреждения. Об этом свидетельствует п. 4 ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ, ч. 6 ст. 4 Федерального закона от 03.11.2006 № 174-ФЗ [1].

Исходя из положений Закона № 7-ФЗ, бюджетные учреждения осуществляют деятельность в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах. Поэтому предоставление услуг на платной основе в основном соответствует деятельности, которой занимается данное учреждение. К таковым относятся:

- образовательные и медицинские услуги;
- социальные услуги;

- гостиничные услуги;
- консультационные услуги;
- издательская деятельность;
- деятельность, связанная с торговлей;
- предоставлением услуг общественного питания.

При этом государственные учреждения обладают ограниченной правоспособностью, что влияет на формы их участия в гражданском обороте.

В силу п. 3 ст. 298 ГК РФ, п. 4 ст. 9.2 Закона № 7-ФЗ бюджетное учреждение вправе осуществлять приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано, при условии, что его деятельность соответствует таким целям и сведения о ней указаны в его учредительных документах (уставе).

Например, в сфере оказания платных образовательных услуг для государственных образовательных учреждений федеральный законодатель устанавливает ряд обязательных правил. Во - первых, данный вид услуг может оказываться исключительно образовательными учреждениями среднего и высшего профессионального образования в рамках реализуемых государственных программ. Во – вторых, количество обучаемых на платной основе не должно превышать более половины от общего числа обучающихся (п. 10 ст. 41 Закона об образовании) [2].

Глава 39 Гражданского Кодекса Российской Федерации в общем виде определяет круг регулируемых общественных отношений, связанных с оказанием платных услуг, включая и образовательные, и медицинские и др. виды услуг, не конкретизируя их субъектный состав и содержание. Поэтому на практике возникает вопрос о возможности применения положений гражданского законодательства к отношениям, возникающим с участием государственных учреждений. Особенно это актуально в сфере соприкосновения гражданских и административных правоотношений.

Безусловно к договорам, заключаемым между государственными учреждениями и гражданами, применимы положения Гражданского Кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 7 февраля 1992 г. № 2300-І «О защите прав потребителей» [3]. Однако при этом возникает вопрос о том - как будут применяться данные нормы: субсидиарно или в обычном порядке.

В литературе высказываются различные мнения относительно соотношения публичных и частных норм при заключении подобного рода договоров.

При этом вопрос об имущественном характере отношений между образовательным учреждением и обучающимся является стержневым для всей дискуссии о правовой природе данных отношений.

Безусловно рассматриваемый вид договоров имеет имущественную природу, что позволяет квалифицировать его как гражданско-правовой договор.

Таким образом, имущественные отношения, складывающиеся между образовательным учреждением и обучающимся по поводу оказания образовательных услуг, носят гражданско-правовой характер, так как они основаны на равенстве, автономии воли, имущественной самостоятельности участников и возникают из соглашения сторон.

Что касается автономных учреждений, то такие учреждения вправе самостоятельно определять направления и размеры расходования средств, полученных от оказания платных услуг, если данные направления соотносятся с целями, ради которых создано учреждение (а это реализация установленных полномочий учредителя) [4]. В принципе, автономные учреждения в положении об оказании платных услуг могут использовать соответствующую формулировку из закона и больше ничего не расписывать – такая практика существует.

Что касается казенного учреждения, то на оказание платных услуг требуется разрешение учредителя. Кроме того, финансовые средства, получаемые от данного вида услуг, должны быть направлены в доход бюджета (п. 4 ст. 298 ГК, п. 3 ст. 161 БК). Если подобное разрешение отсутствует, казенные учреждения не вправе оказывать подобного рода услуги.

В отличие от казенных учреждений, бюджетные и автономные учреждения не должны согласовывать ведение данного вида деятельности со своим учредителем. Самое главное – чтобы данное право было закреплено в учредительных документах. Доходы от данного вида деятельности должны быть включены в план финансово-хозяйственной деятельности [5].

Остается дискуссионным вопрос и о правовой природе договора оказания образовательных услуг. Одни авторы утверждают, что он носит административный характер, другие считают, что он относится к образовательному праву, третьи, что он носит гражданско-правовой характер.

Так, Е.А. Суханов в своих работах считает абсурдным шагом применение Закона о защите прав потребителей к данному виду правоотношений, однако большинство склоняется к необходимости применения данного закона, но только тогда и в том объеме, если нет соответствующих норм ГК [6, С.34].

Законодатель не дает четкого определения платных государственных услуг, не раскрывает их правового содержания и специально не выделяет их объект правового регулирования. Лишь в отдельных случаях делается попытка такой квалификации, в частности, норма п. 1 ст. 45 Закона об образовании устанавливает, что под платными дополнительными образовательными услугами понимается обучение по дополнительным образовательным программам, преподавание специальных курсов и циклов дисциплин, репетиторство, занятия с обучающимися углубленным изучением предметов и другие услуги, т.е. в целом это – образовательная деятельность, не предусмотренная соответствующими образовательными программами и государственными образовательными стандартами.

Следует отметить, что специфика возникающих правоотношений обусловлена особой организационно-правовой формой юридического лица, которое оказывает соответствующую услугу.

При этом, по мнению автора настоящей статьи, частный интерес должен превалировать над государственным в силу изначального неравенства сторон и необходимостью повышенной защиты потребителя данного вида услуг.

При этом можно утверждать, что платная образовательная деятельность образовательных учреждений (организации) урегулирована правом лишь частично.

Рассмотрим более подробно основные элементы данного договора.

Объект образовательного отношения определяется, как правило, образовательным учреждением. Но в ряде случаев и обучающийся может влиять на содержание объекта, например, при выборе факультативных предметов для изучения. Поэтому в рамках конкретного правоотношения стороны самостоятельно определяют содержание объекта с учетом требований государственного стандарта.

Что касается существенных условий данного договора, стоимость платной услуги (цена) является одним из существенных условий договора, заключаемого между бюджетной организацией и потребителем услуги.

При этом для бюджетных учреждений учредителем устанавливается порядок определения указанной платы, если иное не предусмотрено федеральным законом, а для автономных учреждений не предусмотрено установления федеральными законами порядка оказания таких услуг, они решают данные вопросы самостоятельно.

Цены (тарифов) на платные услуги, если иное не установлено законодательством, разрабатываются и утверждаются руководителем учреждения.

Если учреждение является муниципальным, то в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» тарифы на услуги таких учреждений устанавливают органы местного самоуправления.

Что касается условий оказания подобного рода услуг, из п. 3, 16 Правил № 1006 [7] следует, что медицинские организации могут предоставлять платные медицинские услуги только в объеме работ (услуг), указанных в имеющейся у организации лицензии на осуществление медицинской деятельности, с заключением договора в письменной форме. Сведения о лицензии на ведение медицинской деятельности и прейскурант цен в рублях входят в число обязательной информации при заключении договора, они подлежат опубликованию на сайте медицинской организации в Интернете, а также на информационных стендах (стойках), размещаемых непосредственно в здании (пп. «в», «г» п. 11 Правил № 1006).

При этом в соответствии с положениями Бюджетного кодекса Российской Федерации учреждение имеет право оказывать услуги на платной основе только сверх задания. Учреждение не имеет права отказаться от выполнения данного государственного (муниципального) задания в пользу оказания услуг на платной основе (статья 69.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона).

Пунктом 3 Правил предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями закрепляется, что медицинские учреждения предоставляют населению возмездные медицинские услуги на основе специального разрешения (лицензии), выданного соответствующим органом управления здравоохранением.

Государственная и общественная защита прав потребителей по данному виду соглашений осуществляется в соответствии с Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

По мнению автора настоящей статьи, следует позаботиться о разработке и принятию специальных норм, регулирующих оказание платных услуг специальными субъектами, в том числе и государственными учреждениями.

Существующие требования и критерии оказания платных медицинских и образовательных услуг также требуют своего совершенствования.

С этой позиции важное значение приобретают положения или правила оказания платных услуг государственными учреждениями. В настоящее время отсутствует типовое положение об оказании платных услуг для

государственных учреждений, что снижает результативность оказываемой услуги и уровень правовой защищенности потребителя платной услуги.

При этом структура и содержание рассматриваемого документа могут быть разными – они зависят как от отраслевой специфики деятельности учреждения, так и от степени детализации вопросов, связанных с оказанием платных услуг.

На уровне субъектов Российской Федерации такие положения принимаются, утверждаются и реализуются. На федеральном уровне единого подхода, к сожалению, не выработано.

Считаем, что соответствующие положения целесообразно разрабатывать на уровне Министерства, в сфере компетенции которого они входят, то есть Министерством образования, здравоохранения и т.п.

Кроме того, стандарты оказания услуг государственными учреждениями не должны быть ниже государственных стандартов, применяемых в соответствующей сфере оказания услуг.

Предлагаем ввести статью 779.1 «Договор возмездного оказания услуг, оказываемых государственными учреждениями», в которой определить, что платные услуги, оказываемые государственными учреждениями, должны быть по качеству не ниже государственных стандартов, установленных действующими нормативными правовыми актами. Договоры, заключаемые с участием государственных учреждений, должны заключаться на основе действующего отраслевого законодательства, соответствующих правил оказания услуг и типовых положений об оказании платных услуг государственными учреждениями.

На взгляд автора, только унификация данных вопросов позволит исключить спорные ситуации и внесет окончательную ясность в отношения исполнителя – государственного учреждения и заказчика услуги – гражданина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О некоммерческих организациях» // СПС Гарант
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Гарант
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // СПС Гарант
4. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2017) «Об автономных учреждениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) //

5. URL: <https://www.budgetnik.ru/art/>

6. Е.А. Суханов Гражданское право: Учебник в 4-х томах, - М., Статут, 2019.

7. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СПС Гарант

Бондарь Олег Олегович,
кандидат экономических наук, преподаватель
кафедры конституционного
и административного права
КрУ МВД России

Bondar Oleg Olegovich,
the lecturer of the Department of constitutional
and administrative law.
Krasnodar University of the Ministry of internal
Affairs of Russia (Krasnodar);

Стрельцов Вадим Вадимович,
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры гражданского права
и процесса
КрУ МВД России
Streltsov Vadim Vadimovich,
the lecturer of department of civil law and process of
the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of
Russia

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: анализ действующей гражданско-процессуальной доктрины и законодательства не позволяют раскрыть всю сущность правового статуса прокурора в гражданском судебном разбирательстве. Данная статья отражает как существующие в науке точки зрения об участии прокурора в гражданском процессе, так и собственные идеи авторов, которые позволят повысить эффективность участия прокурора в производстве по гражданским делам.

Annotation: the analysis of the current civil procedure doctrine and legislation does not allow revealing the essence of the legal status of the prosecutor in a civil trial. This article reflects both the points of view existing in science about the participation of the prosecutor in the civil process, as well as the authors' own ideas that will improve the effectiveness of the participation of the prosecutor in civil proceedings.

Гражданский процессуальный кодекс России из числа лиц участвующих в производстве по делу выделяет прокурора. Данная законодательная позиция направлена на доступ прокурора к правосудию в целях обеспечения справедливого судебного разбирательства, которое в свою очередь базируется по средством реализации ряда принципов, таких как законности, состязательности и равноправия сторон. Всё это направленно главным образом, на недопущение ограничения прав граждан, неопределенного круга лиц и публично-правовых образований к судебной защите.

Не смотря на закрепление в содержании ГПК прокурора, который выступает в качестве субъекта судебного разбирательства, остается не решенным его процессуальный статус. Данное обстоятельство требует осуществления теоретического исследования, направленного на формулирование предложений, которые позволят раскрыть всю сущность прокурора в осуществлении гражданского судопроизводства, в аспекте конкретизации его процессуального статуса.

Прокуратора России осуществляет свою деятельность исходя из содержания Конституции Российской Федерации, иного федерального законодательства и международных договоров Российской Федерации. Гражданский процесс регламентирован нормами Конституции Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации», также следует указать в качестве источника правового регулирования международные договоры Российской Федерации, которые обладают в случае коллизий большей юридической силой чем законы.

Анализируя научные труды, созданные доктринами гражданского процесса и прокурорского надзора и нормативные правовые акты, регламентирующие участие прокурора в гражданском процессе, следует указать на отсутствие в науке единого подхода к пониманию процессуального статуса прокурора в гражданском процессе. Поскольку данное обстоятельство продиктовано законодателем, который фактически закрепил в кодексе возможность прокурора участвовать в гражданском процессе в качестве

самостоятельного субъекта производства по гражданскому делу, но в тоже время норма не является конкретной для данного субъекта.

Исходя из указанных обстоятельств следует обратить внимание на формирование различных точек зрения по существу указанного вопроса в науке гражданского процесса. В первую очередь следует проанализировать основные позиции, которые отражают правовую природу участия прокурора в гражданском процессе.

По мнению В.В. Похмелкина и М.В. Савицкого участие прокурора в гражданском процессе следует рассматривать с позиций традиционной советской юриспруденции, которая упоминала прокурора в качестве самостоятельного субъекта. Данное обстоятельство продиктовано тем фактом, что прокурор в тот период времени обладал более широким спектром полномочий и фактически выступал «оплотом законности». Однако данная позиция имеет определенное противоречие, поскольку существующая защита прав и свобод участников правоотношения возложена на специализированных субъектов, таких как адвокаты и правозащитные организации, что вызывает вопрос о сущности участия прокурора в гражданском процессе.

Гражданский процессуальный кодекс в ст. 34 содержит норму согласно которой в качестве лица участвующего в производстве по делу выступает прокурор, однако данное обстоятельство следует толковать с позиции юридической природы самого прокурора, который в своей деятельности обеспечивает состояние законности, осуществляя защиту законных интересов граждан и их объединений. С позиции гражданско-процессуальной доктрины, участие прокурора не должно сводиться лишь к представительному участию в гражданском процессе. Поскольку само участие прокурора в любой сфере общественной жизни направлено на обеспечение законности и правопорядка. Исходя из данного утверждения участие прокурора в рамках гражданского процесса следует рассматривать как необходимую меру, реализуемую государством и направленную на обеспечение состояния законности. Согласно мнению В.Г. Бессарабова и К.А. Кашаева, которые в своих научных изысканиях указывают на роль прокурора участвующего в реализации гражданского процесса с позиции реализации принципа законности в пределах всей территории страны. Указанные точки зрения говорят нам о том, что прокурор не преследует какие-то свои интересы, он действует исключительно в интересах государства, поскольку, участвуя в гражданском процессе он выполняет роль надзора за законностью от имени Российской Федерации.

Расширяя данный тезис следует указать на сам характер деятельности прокурора в рамках гражданского процесса, который по сути обладает

необходимой самостоятельностью для участия в процессе, а также индивидуальными полномочиями, имеющие кардинальные отличия от полномочий иных участников производства по гражданскому делу. Впрочем, не смотря на всю специфичность прокурора, как самостоятельного субъекта гражданского процесса, необходимо указать на его ограниченную функциональность, которая заключается в неспособности воздействовать на деятельность судебной власти, поскольку противоречит конституционным началам отправления правосудия.

К вопросу об осуществлении правосудия в Российской Федерации исходя из содержания «Основного закона» следует понимать, что данная функция возложена исключительно на органы судебной власти. Данное обстоятельство является ограничительной мерой для деятельности прокурора и мер его реагирования. Прокурор осуществляет надзор за всеми ветвями власти в том числе и за судебной, исходя из норм уголовного права, согласно которому воздействие на правосудие является уголовно-наказуемым деянием, что и ограничивает воздействия прокурора на судебный процесс.

С позиций закрепленных в ГПК прокурор участвующий в гражданском судебном разбирательстве выполняет функцию, которая отличается от надзорной. Данного мнения придерживается Л.А. Туманова, чье мнение основано на нормах Конституции России и ГПК указывает на истинную роль прокурора в гражданском процессе, которая выражается в участии по рассмотрению дела и реализации мер прокурорского реагирования.

Существуют иные точки зрения о правовой природе участия прокурора в гражданском процессе. Доктрина гражданского процесса отражает различные трактования по участию прокурора в гражданском процессе. Согласно одной из позиций, прокурор осуществляет функции, предусмотренные процессуальной нормой и направленные в первую очередь на обеспечение законности с позиций государственности и его роль должна быть рассмотрена исключительно как позитивная. Что понимается как отсутствие собственной заинтересованности и прокурор не может быть рассмотрен в качестве стороны по делу. Таким образом само участие прокурора в гражданском процессе следует рассматривать в качестве надзорной функции за законностью.

Используя буквальное толкование ст. 45 ГПК, мы не можем узреть роль прокурора участвующего в гражданском процессе которая была бы направлена на защиту незащищенных слоев населения. Прокурор участвует в деле обеспечивая интересы публичного характера. Однако скорее всего следует понимать, что участие прокурора в гражданском процессе обес-

печивает социально уязвимым лицам иметь доступ к правосудию. На наш взгляд данная форма участия прокурора является наиболее верным вариантом.

Исходя из совокупности указанных обстоятельств следует помнить, что прокурор не обладает всей самостоятельностью присущей участнику производства по делу об административном правонарушении. Поскольку на прокурора, который выделен в качестве самостоятельно участника производства в гражданском судопроизводстве возложена иная функциональная задача, а именно действие в интересах лиц, которые в силу определенных обстоятельств не могут реализовать собственное право на судебную защиту.

Следует понимать, что участие прокурора в гражданском процессе не является обязательным, поскольку, осуществляя рассмотрение полученного обращения от заинтересованного лица, призывающего его к участию в судебном разбирательстве по гражданскому делу, прокурор самостоятельно принимает решение о своем участии.

Данное обстоятельство и иные условия отличают прокурора от других государственных органов, а также органов местного самоуправления участвующих в гражданском процессе, которые реализуют собственные функциональные полномочия.

Участие прокурора в производстве по гражданскому делу построено исходя из следующих обстоятельств таких как: актуальность, сложность, состояние законности, уровень общественного интереса. Фактически прокурор действует на основании полученного обращения от одной из сторон, которая в силу определенных жизненных обстоятельств не может обеспечить собственными силами защиту своих нарушенных прав. Таким образом гражданский процесс в качестве самостоятельного субъекта в производстве по делу, который обладает широким спектром полномочий, выделяет прокурора. В целом данная совокупность факторов указывает на присущую исключительно прокурору роль в гражданском процессе, который обеспечивает законность, а также защиту нарушенных прав и свобод участников правоотношений гражданского судопроизводства.

По мнению Т.В. Ярошенко, самостоятельный участник гражданского процесса обладает двумя группами характеристик:

- участник процесса, который может обратиться за защитой нарушенного права в суд, что устанавливает определённую схожесть с правами истца;
- является представителем государственной власти, которая обеспечивает законность, справедливость и ряде иных принципов гражданского

судопроизводства, поддерживать должный уровень жизни в отдельно взятом социуме.

Обстоятельства указанные выше подтверждают заявленный в начале статьи тезис, что существующие точки зрения в гражданско-процессуальной доктрине не обеспечивают единого подхода к пониманию реального предназначения прокурора в гражданском судопроизводстве.

Но наиболее важной на наш взгляд является проблема не теоретического характера, а наоборот практического. Поскольку наименование, роль и функционал являются второстепенными при осуществлении правосудия, участия в процессе и реализации права на защиту. Законодатель предоставил прокурору право, а не обязанность для участия в гражданском процессе. Таким образом прокурор, не имея мотивирующих оснований может бездействовать при обращении заинтересованных лиц за защитой нарушенных прав.

На основании изложенных обстоятельств и исследованных точек зрения по существу участия прокурора в гражданском процессе и в целях повышения эффективности института прокурора в гражданском процессе считаем необходимым обеспечить конкретизацию норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, ст. 45 ГПК РФ должна отражать такое содержание, согласно которому прокурор будет «обязан» участвовать в гражданском процессе по защите нарушенных прав заинтересованных лиц. В этой связи термин «вправе» и само содержание п. 1 ст. 45 ГПК РФ следует изменить так, чтобы в содержании была конкретизация субъектного состава, имеющего право на защиту нарушенных прав.

Данная мера, которая не является панацеей в гражданском судебном разбирательстве, направлена на обеспечение равного доступа к правосудию, в частности для незащищенных слоев населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

3. Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 464 с.

4. Гелиева И.Н., Диденко Е.С. Проблемы, связанные с участием прокурора в гражданском процессе // Общество: Политика. Экономика. Право. №2. 2017.

5. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / [Л.В. Туманова и др.]; под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 575 с.

6. Похмелкин В. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел - юридический атавизм // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 23-27.

7. Ярошенко Т.В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском процессе // Вестник РГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 47-54.

Брагин Кирилл Сергеевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарский университет МВД России
Kirill Bragin S.,
lecturer of special disciplines
of the Krasnodar University of MIA of Russia,
police Lieutenant Colonel

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ДТП (ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

COMPENSATION FOR DAMAGE IN CASE OF AN ACCIDENT (CIVIL LAW ASPECT)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемные вопросы возмещения вреда при ДТП, в том числе и случаи, когда участники происшествия не имеют полисов ОСАГО.

Abstract: the article deals with problematic issues of compensation for damage in an accident, including cases when the participants of the accident do not have CTP policies.

Вопросы, связанные с возмещением вреда при дорожно-транспортном происшествии, остаются крайне актуальными, поскольку сфера ОСАГО затрагивает интересы большого круга лиц (водителей, пассажиров, пешеходов). Кроме того, данная сфера вызывает обоснованные нарекания гражданского общества в своей правовой регламентации, так как законодательство в области ОСАГО наиболее динамично и несовершенно. Современные исследования института страхования гражданской ответственности собственников транспортных средств в большинстве своем направлены на оптимизацию самого процесса предоставления данной услуги [1], совершенствование его правового регулирования [2], а также на определенные моменты превенции различного рода деликтов в рассматриваемой сфере [3]. Ничуть не умоляя значения проводимых ранее научных изысканий, все же позволим себе заметить, что до сих пор вопросы урегулирования вреда при ДТП остаются мало изученными, при их колоссальном значении, как для научного сообщества, так и непосредственно для правоприменителей и практикующих юристов. В связи с чем, предпримем попытку не только критически подойти к анализу рассматриваемого предмета исследования, но и предложить, на основании данного анализа определенные пути нивелирования имеющихся правовых коллизий.

И так, говоря об институте ОСАГО следует отметить, что наша страна довольно продолжительное время (принят ФЗ в 2002 году, а вступил в действие с 2003 года) использует механизм страхования гражданской ответственности собственников транспортных средств. До принятия Федерального закона «Об ОСАГО» [4] возмещение вреда при ДТП в основном происходило по двум схемам: первая из которых включала возможности добровольного страхования, а вторая в чистом виде гражданско-правовая форма, при которой виновник аварии возмещал вред потерпевшему. Справедливости ради необходимо отметить, что ни одна из приведенных в ретроспективе схем не отличались совершенством и обе имели целый ряд недостатков.

В частности, институт добровольного страхования требовал соблюдения определённых бюрократических (времязатратных) процедур, таких как заключение договора, оценка ущерба, проведение проверок на законность. На начало 90-х годов рынок добровольного страхования представлял разрозненные, подчас не взаимодействующие между собой анклавные страховые агенты, оценщики, юристы, обращение к которым не давало

ожидаемого для потерпевшего в ДТП результата. Кроме того, существовали определенные риски, связанные с банкротством страховых компаний и невозможностью последних отвечать по ранее взятым на себя обязательствам. Время становления новой российской государственности (после развала СССР) характеризовалось как время дикого капитализма, в котором личные, корыстные интересы превалировали над репутационным имиджем индивидуальных предпринимателей и целых компаний. Поэтому не редки были случаи, когда страховая компания, собрав страховые взносы объявляла себя банкротом. Соответственно не неся ни каких обязательств при наступлении страховых случаев с участием застрахованных лиц.

Вторая из указанных схем представлялась наиболее рискованной, для участников ДТП, поскольку вообще ничем не была урегулирована и приобретала правовое русло, лишь при соблюдении всех формальностей и обращении потерпевшего с иском о возмещении вреда в суд. При чем последнее, в процентном отношении, происходило крайне редко, в основном сторонам удавалось или договориться о возмещении вреда самостоятельно или попросту ответчик уходил от всякого рода выплат. Не следует забывать о криминальных схемах, реализуемых в том числе и организованными преступными группами, устраивавшими различные автоподставы и получавшими значительные денежные средства до принятия соответствующего Федерального закона. Злоумышленники специально «подставляли» в ДТП дорогой автомобиль, чтобы в последующем на месте заставить «виновника» купить этот автомобиль или заплатить крупную сумму денег на его восстановление. Подобные случаи подробно описаны в специальной литературе.

Именно поэтому ФЗ «Об ОСАГО» был ожидаем автолюбителями как панацея от всех вышеназванных проблем. Но, как показало время, введение нового и обязательного института не только не решило имеющихся на тот момент проблем, а добавило к ним ранее не известных коллизий и обструкций. ФЗ «Об ОСАГО» преподносился водителям как механизм избавления от всех ранее существующих проблем. Так, в идеалистической модели, процедура его реализации позволяла бы автолюбителям внести изначально незначительную сумму, в дальнейшем, при наступлении ДТП, претендовать на покрытие ущерба за счет значительной страховой выплаты. Регулятором своей этой деятельности стал Центробанк России, который через Российской союз автостраховщиков позволял предотвратить риски

при банкротстве конкретной страховой компании. Но на практике складывается ситуация, при которой автолюбитель вносит значительные страховых взносы, а страховых выплат не получает или если удается получить, то лишь благодаря обращению в суд. Не будем останавливаться на всех существующих проблемах в сфере страхования гражданской ответственности собственников транспортных средств, проиллюстрируем лишь коллизии в вопросах возмещения вреда. В качестве примера наличия существенных неурегулированных в праве моментов можно привести случаи, когда автомобиль только приобретен и согласно действующего законодательства собственнику дается десять дней на его надлежащее оформление. Под оформлением следует понимать совершение действий в МРЭО ГИБДД по постановке на учет автомобиля или по замене собственника. Процедура регистрации (замены собственника) предполагает наличие действующего полиса ОСАГО. Иными словами в указанные десять дней, автомобиль может эксплуатироваться без полиса. Тем самым повышаются риски ухода от гражданско-правовой ответственности при совершении ДТП. Рассматривая подобные аспекты далее, смоделируем ситуацию, при которой один водитель (собственник) застраховал свою гражданскую ответственность, а другой эксплуатирует автомобиль (возможно в разрешённый десятидневный период) без полиса ОСАГО. Так вот, при наступлении ДТП по вине водителя, который не имеет полиса ОСАГО, выплаты производиться не будут, что прямо указано в ФЗ «Об ОСАГО». Возникает вопрос, зачем необходима система обязательного страхования своей ответственности, если нет гарантии в солидарной ответственности. Подобная ситуация возвращает автовладельцев в доосаговский период (в самую рискованную схему возмещения вреда), когда необходимо устанавливать виновника ДТП, самостоятельно проводить оценку вреда имуществу (автомобилю), обращаться с исковым заявлением в суд и ждать выплат, которые в большей степени имеют риск стать факультативными в данном процессе. Самое беспроblemное взаимодействие автовладельца и страховой компании реализуется в том случае, когда первый вовремя внес плату за заключение договора ОСАГО, а страхового случая в период действия данного договора не наступило. Во всех иных случаях вскрываются колоссальные проблемы механизма ОСАГО. То есть основная ценность наличия соответствующего полиса заключается в определенном чувстве самоуспокоения застрахованного лица и не более того. По сути, институт ОСАГО оперирующий

огромными финансовыми потоками, оставил общественные отношения в сфере возмещения вреда при ДТП в «нетронутым» виде.

Решением проблемных вопросов в сфере возмещения вреда при ДТП должен стать пересмотр государственной политики в данной сфере, а именно, если это обязательная процедура, то она должна иметь государственную монополию и отвечать за риски должно государство, в противном же случае оно должно осуществляться на добровольных началах. Пересмотр подходов к сфере обязательного страхования позволит повысить защищенность участников дорожного движения, нивелировать имеющиеся риски, связанные с отказами в возмещении вреда при ДТП, снизить нагрузку на судебную систему исковых вопросах участников происшествий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Затолокин А.А. Обязательное страхование автогражданской ответственности как государственная услуга//Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 254-258.

2. Затолокин А.А. Проблемные вопросы в сфере ОСАГО: административно-правовой анализ//Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 152-153.

3. Затолокин А.А. Особенности выявления, квалификации и процессуального оформления фактов управления транспортным средством с подложным полисом ОСАГО//В сборнике: КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 138-142.

4. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/184404> (дата обращения: 04.04.2020).

Галас Елена Михайловна,
институт экономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академии труда
и социальных отношений»
г. Севастополь

Galas Elena Mikhailovna,
Institute of economics and law (branch)
«Academies of labor and social relations»
Sevastopol

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СМЫСЛ РЕШЕНИЙ ТРЕТЕЙСКОГО АРБИТРАЖА

CIVIL LEGAL MEANING OF DECISIONS OF THE ARBITRATION OF ARBITRATION

Аннотация. Гражданско-правовой спор может быть передан на разрешение третейского арбитража со ссылкой на третейское соглашение, которое соотносимо с обычным гражданско-правовым договором, в соответствии с которым для сторон возникают гражданско-правовые обязательства, среди которых согласие подчиниться третейскому арбитражу, который, в свою очередь, разрешает спор, возникающий из гражданско-правовых отношений. Таким образом, третейское решение неизбежно приобретает гражданско-правовой смысл.

Annotation. A civil dispute can be referred to arbitration with reference to the arbitration agreement, which is comparable to the ordinary civil law contract, according to which there are civil obligations for the parties, including consent to submit to arbitration, which, in turn, resolves the dispute arising from civil law relations. Thus, the arbitral award inevitably acquires civil law meaning.

Понимание гражданско-правового смысла решений третейского арбитража следует начинать с того, что, как указал Пленум Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г., стороны гражданско-правового спора вправе выбирать доступные им средства его разрешения, включая передачу на третейское разбирательство. Это право базируется на статье 45 Конституции России, в соответствии с которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В результате «третейской реформы»[4, с.126] в федеральном законе «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» от 29.12.2015 были

сформулированы и закреплены близкие к принципам гражданского процесса принципы третейского разбирательства. В этом смысле новый российский закон в целом органично вписался в соответствующее международное право, включая нормы ВТО, сохраняя гражданско-правовую сущность третейского разбирательства.

Формально, принципы являются лишь декларацией, но будучи закреплены в законе, они закладывают фундамент, основные начала правового регулирования соответствующих общественных отношений. Именно поэтому они приобретают существенное значение. В этой связи принципы распространяются также и на третейские решения, аналогично, как принципы гражданского права и процесса распространяются на соответствующие решения.

До третейской реформы гражданско-правовые аспекты (гражданско-правовая природа) деятельности третейских судов рассматривались в основном в плоскости сопоставления третейского сбора и государственной (судебной) пошлины. Они считались «платой за определенную юридически значимую деятельность», хотя и имели существенные различия[5, с.39].

Сегодня, в условиях действия нового законодательства, ситуация выглядит несколько иначе. Как гражданский и арбитражный, так и третейский суды рассматривают спорные вопросы гражданско-правового характера, которые неизбежно возникают у субъектов предпринимательской либо иной экономической деятельности[8, с. 132]. Исходя из общего гражданско-правового характера споров и отношений, соответствующие решения должны иметь точки соприкосновения по процедуре, смыслу и назначению.

Принимая во внимание положения ст. 34 №382-ФЗ форма и содержание арбитражного решения имеют некоторые черты сходства с решением по гражданскому делу. Оба решения состоят из двух частей, подписываются составом суда (арбитром, судьей), включают дату и место вынесения, указание и место нахождения сторон спора, их требования и возражения и т.д. И там и там, в резолютивной части приводятся выводы суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении иска. Есть и различия, указывающие на третейский характер производства, которые определяют суть каждого из этих видов решений.

Принимая арбитражное решение за юридический факт, необходимо остановиться на следующих аспектах. Во-первых, аналогично вступивше-

му в законную силу решению гражданского суда, также понимаемому как юридический факт, пресекающий процессуальные правоотношения суда с участниками завершившегося судопроизводства, третейское решение также пресекает схожие отношения, которые, соответственно возникли в рамках и в процессе третейского разбирательства. В этом смысле арбитражное решение, будучи юридическим фактом – процессуальным действием третейского суда, прекращает возникшие с началом рассмотрения дела (выбора арбитров) соответствующие процессуальные правоотношения. В то же время, это решение становится процессуальной предпосылкой возникновения новых, упомянутых выше процессуальных отношений.

Также арбитражное решение приобретает статус юридического факта, с которым (ч. 5 ст. 220 ГПК РФ, п.п. 3 п.1 ст. 150 АПК РФ) связано прекращение производства в суде общей юрисдикции. Здесь полезно несколько скорректировать позицию А.Г. Светланова, который обращал внимание на то, что в отличие от решений судов общей юрисдикции, решение третейского суда может лишь в силу ряда обстоятельств стать основанием прекращения судебного производства[12, с.95].

Одной из гражданско-правовых «привязок» третейского правоотношения в целом, и решения третейского суда, в частности, нередко усматривается публично-правовой характер договора.

В российской литературе идет активное обсуждение гражданско-правовых аспектов или гражданско-правовой природы третейских правоотношений в целом, а не только третейского решения. Так, В.М. Ануров с гражданско-правовых позиций усматривал в системе взаимосвязей участников третейского процесса публично-правовой характер договора, одной из сторон которого автор считал постоянно действующий третейский суд[1, с. 103].

Компромиссную трактовку процессуальных правоотношений третейского арбитража и сторон спора, предлагал Е.Ю. Новиков, видя их основу в «гражданском квазидоговорном обязательстве». Таким образом, как полагает указанный автор, его правовое регулирование заключается в применении по аналогии некоторых норм и институтов гражданского права, имея ввиду сферы регулирования услуг и поручения, на основе их системного толкования, а также учитывая нормы, предусматривающие судебную защиту субъективного права[15, с. 318]. Отсюда логично вытекает положение о том, что и арбитражное решение будет иметь гражданско-правовой характер.

Арбитражная практика показывает, что арбитражные суды не относят данный подход к рассмотрению в третейских судах, отмечая, что разрешение третейских споров нельзя считать предпринимательством и, соответственно, оказанием услуг (гл. 39 ГК РФ). В частности Е.А. Скородумов, доказал, что третейский процесс не обусловлен и не вытекает из договора возмездного оказания услуг, а деятельность третейских посредников не является предпринимательской. Это очевидно вытекает из соответствующих норм ГК РФ, так как арбитр, разрешая спор по поручению и соглашению сторон, не действует самостоятельно, на свой риск, а тем более – не ставит перед собой цель систематического извлечения прибыли, так как третейский сбор скорее может быть отнесен к категории оплаты труда и прибылью не является. В связи с этим, законодатель и не обязывает арбитров регистрироваться в качестве предпринимателей.

Третейские посредники, как обосновано указывает И.В. Поганцев, в своей деятельности, не могут заключать никакие договоры с юридическими лицами, ни с организаторами постоянно действующего третейского органа, ни со сторонами спора. В противном случае, возникала бы зависимость арбитров[11, с. 124]. Таким образом, их деятельность нельзя считать предпринимательской в сфере возмездного оказания услуг.

Не соглашаясь с оценкой третейского посредничества как извлечения предпринимательской прибыли, Р.Ф. Каллистратова указывает на то, что третейский сбор в большей степени схож по своей природе с пошлиной, а не с прибылью. Таким образом, в третейских отношениях между арбитрами и сторонами не могут применяться гражданско-правовые условия договора оказания услуг. Средства, которые выплачиваются сторонами арбитрам, подвергаются налогообложению по правилам физических, но не юридических лиц и ИП. Эту же позицию занимает и Е.А. Суханов. Автор исходит из того, что третейский суд есть «орган судебной защиты гражданских прав», но никак не служба по оказанию «юридических услуг», а уж тем более – ведения предпринимательской деятельности[16, с.22].

Привязка к предпринимательству, т.е. гражданско-правовым отношениям, неизбежно вытекает из того, что развитие теории третейского разбирательства всегда шло за практикой, которая зависела от политического режима и социально-экономического строя. Государствам было выгодно придавать третейским решениям гражданско-правовой смысл, так как они снимали часть нагрузки со своей судебной системы.

Исторически третейское решение всегда имело гражданско-правовой смысл (как и смысл вообще) лишь при функционирующем гражданском обществе. В условиях диктатуры, авторитаризма, полного огосударствления собственности, такой смысл всегда утрачивался.

Таким образом, что чем сильнее гражданское общество, тем более авторитетны и востребованы третейские институты и наоборот, чем гражданское общество слабее (и преобладают авторитарные или централизаторские тенденции), – тем слабее третейские институты. Очевидно, что то же относится и к гражданско-правовым институтам. В этой связи несложно прогнозировать их слабость или возможную стагнацию, связанную с растущим доминированием в российской экономике государственной собственности, государственных корпораций и банков, чья доля в ключевых отраслях превышает 70%.

Как ситуация отразилась на третейских институтах сказать пока сложно, так как период функционирования новой системы третейского разбирательства в России, насчитывает всего немногим более года, прошедшего с окончания третейской реформы (2018 г.). Это создает определенные сложности в предпринимаемом теоретическом анализе, так как различные концептуальные положения сложно «приложить» к актуальной ситуации.

В литературе, при анализе правовой природы третейского решения и суда, доминируют исследования практиков, которые, в противовес теоретикам, стремятся выявить «истинную роль института арбитражного (третейского) разбирательства в отечественной правовой системе с позиции юриста-практика»[13, с. 125], что формирует особое, «прагматическое», т.е. практико-эмпирическое направление.

Исходя из того, что процессуальная (публичная) теория представляет арбитраж как одну из форм отправления правосудия, которое всегда относится к исключительной функции государства, которое, в свою очередь, разрешает сторонам решать свои споры с помощью посредника, соглашаясь, таким образом, на «нейтрализацию» и разгрузку судов, что придает арбитражу публично-правовую функцию, эту же функцию получает и арбитражное решение.

Таким образом, современная процессуальная теория исходит в основном из того, что третейские посредники, как и государственные судьи, обладают независимостью по отношению к сторонам договора и процесса, соответственно. Статус и тех и других закреплён в соответствующем законодательстве[14, с.53], соответственно

Принимая публично-правовой характер третейского договора средствами соответствующей концессуальной теории, третейское рассмотрение дела, завершающееся вынесением третейского решения, необходимо анализировать как реализацию обычного гражданско-правового договора и присущего ему отношения. В то же время, рассматриваемое производство нельзя ставить в рамки гражданского процесса, в связи с тем, что предоставление сторонам возможности (при наличии соответствующего их соглашения) разрешить спор, таким образом, породит гражданское правоотношение[3, с. 29].

В пределах анализируемой концепции третейское соглашение вполне соотносимо с обычным гражданско-правовым договором, в соответствии с которым для сторон возникают гражданско-правовые обязательства, среди которых согласие подчиниться третейскому арбитражу, заключая договор о котором, стороны берут на себя соответствующие обязательства[14]. Арбитражное соглашение, как и последующее третейское решение, следует признать двумя частями договора о третейском арбитраже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануров В.М. Юридическая природа международного коммерческого арбитража. Вопросы теории и практики. – М.: Изд-во: Проспект, 2000. – 200 с.
2. Волков А.Ф. Торговые третейские суды. – СПб., 1913. – 212 с.
3. Гавриленко В.А. Особенности процедуры доказывания в третейском судопроизводстве// Исполнительное право. – 2007. – № 3. – С. 28-37.
4. Гальперин М.Л. Куда идет третейское разбирательство?// Закон. – 2019. – № 8. – С. 125-139.
5. Гимазова Э.Н. Гражданско-правовое значение актов третейского суда// Вестник экономики, права и социологии. 2007. №3. С. 38-44.
6. Гимазова Э.Н. Гражданско-правовые средства обеспечения третейской защиты субъективных гражданских прав: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.
7. Гимадрисламова О.Р. Арбитражное соглашение: проблемы исполнимости// Евразийский юридический журнал. 2019. – № 10 (137). – С. 127-130.
8. Вороненков Н.Д. Роль арбитражных судов в осуществлении контроля и оказании содействия третейским судам// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 10. С. 131-136.

9. Орлова Д.А., Смирнова Д.А. История развития третейских судов в России//
10. Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 29-37.
11. Поганцев И.В. Анализ практики применения государственными арбитражными судами положений главы 30 АПК РФ и ФЗ «О третейских судах в РФ»// Третейский суд. 2004. № 4. С. 120-128.
12. Светланов А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции. – Монография. М.: ТОН - Остожье, 2002. – 182 с.
13. Казаченок С.Ю. Прагматическая оценка арбитражного соглашения сторон внешнеэкономического контракта// Legal Concept. – 2012. – №2. – С. 121-126.
14. Курочкин С.А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2004. – 216 с.
15. Новиков Е.Ю. К вопросу о правовой природе третейского разбирательства // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002 - 2003. (СПбГУ). – 2004. – № 2. – С. 307-321.
16. Суханов Е.А. Третейские суды при ТПП как эффективная форма развития разбирательства экономических споров// Третейский суд. – 2008. – № 4 (58). – С. 20-24.

Герасимов Александр Владимирович,
начальник кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
Gerasimov Alexander Vladimirovich,
candidate of jurisprudence, associate professor, chief of
department of civil law and process of the Krasnodar
university Ministry of Internal Affairs of Russia

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕНСИОННЫЙ ФОНД КАК УЧАСТНИК ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

NON-STATE PENSION FUND AS A PARTICIPANT OF INVESTMENT RELATIONS

Аннотация: в статье рассмотрены общие положения об инвестиционных правоотношениях, вопросы правоспособности негосударственных

пенсионных фондов, правовой природы отношений между вкладчиками и негосударственными пенсионными фондами, пенсионного договора.

Abstract: the article considers the general provisions on investment legal relations, the legal capacity of non-state pension funds, the legal nature of relations between investors and non-state pension funds, a pension agreement.

В цивилистической доктрине отсутствует единая трактовка дефиниции «инвестиционное правоотношение». Приведем одно из определений: правоотношение, которое возникает относительно материальных и нематериальных благ, которые вносят инвесторы в объекты предпринимательской и других видов деятельности, чтобы извлечь прибыль либо достичь получение какого-либо положительного социального эффекта [1, с. 259].

При этом дискуссии вызывают вопросы относительно отраслевой принадлежности исследуемых правоотношений. Отдельные авторы считают, что эти отношения обладают межотраслевым характером [2, с. 206]. Другие определяют их как общественные отношения, которые касаются инвестиций, инвестиционной деятельности, предусмотренные нормами Гражданского кодекса, в результате которых у субъектов этих отношений возникают имущественные и личные неимущественные права и обязанности [3, с. 116].

В ст. 1 Закона РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» инвестиции означают деньги, целевые банковские вклады, ценные бумаги, технологии, машины, иное имущество, имущественные права, объекты интеллектуальной собственности, которые вносят инвесторы в коммерческую деятельность для получения прибыли (дохода), иного положительного социального эффекта. Инвестиционная деятельность раскрывается как процедура внесения инвестиций и комплекс выгодных действий по реализации вкладываемых инвестиций.

В ст. 1 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» инвестиции определены следующим образом: деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, которые вносятся в коммерческую либо иную деятельность, чтобы извлечь прибыль или получить какой-либо полезный результат. Под инвестиционной деятельностью подразумевается процедура внесения инвестиций и совершение практических действий для извлечения прибыли либо получения иного полезного эффекта.

В юридической литературе нет единого подхода к понятию «инвестиции». По мнению отдельных ученых, инвестиция представляет объект гражданских прав [4, с. 10].

Согласно второй позиции инвестиция означает процесс, т.е. вложение капитала [5].

Можно назвать еще один подход, по которому инвестиции - это имущественные отношения, возникающие с целью получения прибыли либо иного полезного результата, основанием которых являются равенство, автономия воли, имущественная самостоятельность субъектов, урегулированные нормами гражданского права [6].

Учитывая, что в науке отсутствует единое понимание инвестиционного правоотношения, предлагается следующая дефиниция:

Инвестиционные правоотношения – это имущественные и тесно с ними связанные неимущественные правоотношения, которые возникают в процессе осуществления инвестиционной деятельности путем внесения инвестиций для получения прибыли либо достижения иного полезного результата.

Основным субъектом этих отношений является инвестор, т.е. субъект инвестиционных отношений, который вкладывает собственные либо привлеченные средства в объекты инвестирования. Специфика деятельности негосударственного пенсионного фонда (далее – НПФ) имеет существенные отличия от классических инвесторов, которые создаются с целью получения прибыли. НПФ можно считать субъектами, которые не обладают полной свободой при совершении предусмотренной законом деятельности. Ограничения связаны с их определением в качестве «институциональных инвесторов». Данные субъекты вносят средства вкладчиков в отдельные активы и обязуются возратить их в виде пенсионных выплат.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона «О негосударственных пенсионных фондах» (далее – Закон о НПФ) фонд может образовываться в качестве акционерного общества. Нормы об акционерных обществах используются в отношении фондов с учетом особенностей, определенных Законом о НПФ. При этом в доктрине дискуссионным остается вопрос об организационно-правовой форме, поскольку, с одной стороны, инвестиционный фонд является некоммерческой организацией (подп. 7 п. 3 ст. 50 ГК РФ), а, с другой стороны, он создается в форме акционерного общества.

Рассмотрим более подробно правоспособность НПФ. Как известно, у юридических лиц правоспособность и дееспособность совпадают, и возни-

кают в момент образования. Их правосубъектность может быть общей и специальной. НПФ наделен специальной правоспособностью. В результате напрашивается вопрос: каким образом правоспособность фонда как некоммерческой организации отличается от правоспособности фонда, который образовался в форме акционерного общества? В качестве ответа можно сказать, что деятельность НПФ направлена на достижение двух целей: коммерческой и социальной. Однако, заметим, что исходя из содержания норм, социальная цель лишь подразумевается. Закон о НПФ императивно не связывает ограничение правоспособности фонда с целями его деятельности. В нем речь идет о конкретных видах деятельности и функциях фонда. Уставная деятельность фонда проявляется в действиях, которые в ст. 2 Закона о НПФ именуются исключительными. Термин «исключительный» применяется и в других нормативных правовых актах: в Федеральных законах «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об инвестиционных фондах» и т.д. Пункт 4 ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах» гласит о том, что, если в лицензии предусмотрено требование о занятии деятельностью, названной исключительной, то общество в течение срока действия данной лицензии не вправе осуществлять иные виды деятельности, за исключением тех, которые зафиксированы в разрешении. Условиями передачи лицензии на осуществление негосударственного пенсионного обеспечения и обязательного пенсионного страхования в соответствии с п. 4 ст. 7.1 Закона о НПФ считаются обстоятельства относительно: 1) организационно-правовой формы; 2) определения пенсионных правил организации, а в случае заявления о намерении фонда осуществлять деятельность по обязательному пенсионному страхованию также формулирования страховых правил фонда; 3) субъектов, выполняющих функции единоличного исполнительного органа фонда, его заместителей, членов коллегиального исполнительного органа фонда, главного бухгалтера и его заместителей, а также контролеров или руководителей службы внутреннего контроля организации; 4) организации внутреннего контроля; 5) размера уставного капитала; 6) учредителей (акционеров).

Законодатель не устанавливает императивных правил в виде запрета на совершение каких-либо иных видов деятельности, за исключением тех, которые реализуются на основании лицензии. Положения п. 4 ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах», констатируют, что данное

юридическое лицо может совершать деятельность, которая является побочной той, которая реализуется на основании специального разрешения.

В пользу этого вывода регламентирован открытый перечень функций фонда (ст. 8 Закона о НПФ), и существование в имущественном комплексе собственных средств, которые не являются пенсионными накоплениями или резервами (ст. 16 Закона о НПФ). Это проявляется в возможности использовать 15% полученных от размещения пенсионных резервов и инвестирования пенсионных накоплений прибыли на иные нужды, нежели пополнение названных резервов (ст. 27 Закона о НПФ). Закон о НПФ не рассматривает деятельность фондов по размещению средств пенсионных резервов и инвестированию средств пенсионных накоплений в качестве предпринимательской. Однако ей свойственны все признаки коммерческой деятельности. Важно поддерживать баланс между коммерческим характером деятельности фонда и его социальными задачами.

Дискуссионным является вопрос о правовой природе пенсионного договора. По мнению некоторых ученых, указанные отношения являются полностью инвестиционными, поскольку участник договора вправе ожидать получение выгоды от другой стороны в виде негосударственной пенсии. С позиции других, данный договор наделен основными признаками, присущими для личного страхования (накопительное страхование на дожитие). Однако, для признания исследуемого договора инвестиционным требуется установить намерение инвестора получить доход. Участник сочетает в себе характерные признаки застрахованного лица и выгодоприобретателя. В любом случае, к данному договору применяются общие положения о сделках, обязательствах, гражданско-правовом договоре. Так, с иском к Государственному учреждению Управлению Пенсионного фонда РФ к НПФ «Европейский пенсионный фонд» обратился прокурор района с требованием признать недействительным (незаключенным) договор обязательного пенсионного страхования между этим фондом и гр. Х. В результате было установлено, что Х. обратилась в прокуратуру района с заявлением о проведении проверки по вопросу незаконного перевода ее пенсионных накоплений в НПФ «Европейский», при этом пояснила, что с заявлением о переходе из одного фонда в другой не обращалась, договор об обязательном пенсионном страховании с НПФ «Европейский» не заключала. Договор от имени данного фонда подписан действующим на основании Устава и доверенности старшим менеджером Ш.Е.А. От имени заявителя Х. в договоре имеются две подписи. Пунктом 37 договора установлено, что данный договор заключен на неопределенный срок. В соот-

ветствии с п. 4 договора Фонд обязуется совершать деятельность по обязательному пенсионному страхованию, включающую учет средств пенсионных накоплений, организацию их инвестирования, назначение и выплату застрахованному лицу накопительной части трудовой пенсии при наступлении пенсионных оснований, а в установленных случаях производить выплаты правопреемникам застрахованного лица. В п.33 указанного договора сказано, что он может быть изменен по соглашению сторон путем подписания сторонами дополнительного соглашения к договору, являющему его неотъемлемой частью. По требованию одной из сторон договор может быть изменен по решению суда в порядке, установленном законодательством РФ. Между тем, Х. обратилась в прокуратуру района, указывая на тот факт, что вышеприведенный договор она не подписывала, волеизъявления о передаче средств пенсионных накоплений из НПФ «Газфонд» в НПФ «Европейский» не выражала. В ходе проверки по обращению Х. было установлено, что У.Л.В., работая по договору возмездного оказания услуг с НПФ «Европейский», заполнила от имени Х. договор об обязательном пенсионном страховании. Следовательно, и право выбора НПФ, с которым бы застрахованное лицо желало заключить договор обязательного пенсионного страхования, нарушено ответчиком. Исковое заявление прокурора в интересах Х. удовлетворено [7].

Подводя итог, можно сделать вывод, что акционерный негосударственный пенсионный фонд представляет собой коммерческую организацию с установлением некоторых ограничений в своей деятельности. Он обладает специальной правоспособностью и может осуществлять не являющуюся производственной или торговой деятельность, включая коммерческую, за счет собственных средств, не касаясь средств пенсионных резервов, пенсионных накоплений, при наличии гарантии обеспечения защиты прав вкладчиков и застрахованных лиц, при соблюдении соответствия этой деятельности социальной функции НПФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мороз С.П. Инвестиционное право Республики Казахстан: научное издание. - Алматы: НИИ частного права КазГЮА, 2006. – 508 с.
2. Терехова Е.В. К вопросу о финансово-правовой сущности инвестиционного правоотношения // Вопросы экономики и права. - 2012. - № 2. - С. 206-208.
3. Фархутдинов И.З., Трапезников В.А. Инвестиционное право: учеб.- практ. пособие. - М.: ВолтерсКлувер, 2006. – 354 с.

4. Инвестиционное право: учебное пособие / И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова, А.А. Спектор, О.М. Шевченко. - М.: Проспект, 2019. – 296 с.

5. Ратникова Д.С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: теоретические основы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2011. – 26 с.

6. Кропотов Л.Г. Коммерческие инвестиции в объекты капитального строительства: правовое регулирование. М.: Инфотропик Медиа, 2012 // справочная правовая система «КонсультантПлюс».

7. Решение Советского районного суда г. Волгограда от 27 февраля 2015 года по делу № 2-537/2015. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eRsIgJoTVr6t/>

Голубева Елена Александровна,

курсант взвода 0317

Краснодарский университет МВД России

Golubeva Elena Aleksandrovna,

cadet of platoon 0317

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia;

Герасимов Александр Владимирович,

начальник кафедры гражданского права и процесса,

кандидат юридических наук, доцент,

Краснодарский университет МВД России

Gerasimov Alexander Vladimirovich,

candidate of jurisprudence, associate professor, chief of
department of civil law and process of the Krasnodar
university Ministry of Internal Affairs of Russia

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ КОРОНОВИРУСА

ABOUT CERTAIN WORKING CONDITIONS IN THE CONDITIONS OF CORONOVIRUS

Аннотация: в статье проводится анализ работы организаций в условиях распространения коронавирусной инфекции, проблемы законода-

тельного регулирования данных вопросов, предлагаются меры по их предотвращению.

Ключевые слова: коронавирус, предприятие, организация, налоговое бремя, налоговые санкции, кредитные послабления.

Annotation: The article analyzes the work of organizations in the context of the spread of coronavirus infection, the problems of legislative regulation of these issues, and offers measures to prevent them.

Keywords: coronavirus, enterprise, organization, tax burden, tax sanctions, credit relief.

Вопрос о том, как предприятия функционируют в нынешних условиях злосчастного COVID-19 достаточно актуален. Ведь пандемия уже подвергла параличу развитие большого числа компаний и организаций не только на территории стран Российской Федерации, но и по всему миру. В большинстве своем коронавирус оказывает серьезное влияние на те предприятия, которые относятся к малому и среднему бизнесу, а также и на те, чья деятельность направлена на исполнение и реализацию гособоронзаказа. В данной статье постараемся рассмотреть и определить наиболее рациональные пути существования организаций и предприятий в столь непростой период распространения COVID-19.

Прежде чем начать говорить о средствах нормализации функционирования и работы компаний, необходимо понять, что же такое вирус с приставкой «Корона».

Коронавирусы, по мнению большинства исследователей-вирусологов, представлены в виде детонатора обычного ОРВИ заболевания [1]. На данный момент он распространен по всему миру. Оказывает поражающее воздействие, как на животных, так и на людей. Стоит отметить, для мест с умеренным климатом вершина развития очагов инфекции COVID-19 приходится на зимнее время года. В период болезни и в момент выздоровления у человека возникает иммунитет к коронавирусу.

Инкубационный период данного заболевания равен 14-ти дням. Как правило, заражение COVID-19 – явление контактное, то есть, больной человек, носитель, чихая или кашляя, способствует распространению частиц слизи, которые содержат в себе этот вирус.

К симптомам, подтверждающим коронавирус, относят: лихорадочное состояние, слабость, утомляемость, сухой кашель, потерю аппетита, боль в мышцах, одышку, кашель с мокротой, головную боль, тошноту, расстройства желудочно-кишечного тракта.

Обозначив черты коронавирусной инфекции, считаю целесообразным рассмотреть вопрос о том, как же все-таки существуют целые организации и предприятия в режиме реального времени.

Как известно, с 30 марта по 30 апреля в Российской Федерации были обозначены нерабочие дни, согласно приказу № 206 [2], № 239 [3]. К числу тех, кто на законных основаниях не прекращали свою работу, относится целый ряд организаций, поскольку результаты их деятельности имеют огромную значимость для жизнеобеспечения и их производство не подлежит остановке.

Таковыми организациями являются:

- медицинские учреждения и аптеки;
- продовольственные магазины и магазины, осуществляющие торговлю товарами первой необходимости;
- постоянно действующие, службы коммунального обеспечения, почтовые организации;
- станции, операторы связи;
- органы власти.

Проанализировав данные, приведенные в ведомостях газеты «Harvard Business Review», продемонстрируем организационные работы компаний и предприятий в условиях коронавируса.

Во-первых, работодатели отказались от командировок – отменили их. Ряд компаний международного класса определили перечень предположительно опасных и подверженных вирусу регионов с учетом рекомендаций властей тех стран, где располагаются их штаб-квартиры. Так, компания Danone подвергла запрету международные поездки до 31 марта. Представители Unilever говорили о том, что под строжайшим запретом визиты в такие страны, как: Гонконг, Иран, Италия, Китай, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Южную Корею, Японию и др.

«Yandex», Mail.ru Group отменили командировки в следующие страны: Китай, Италию, Иран, Сингапур, Южную Корею. Renault ограничила визит сотрудников в Китай, Южную Корею, Иран и на Север Италии.

«М.видео-Эльдорадо» подвергли отмене командировки не только в зарубежные страны, ограничению подлежали и города России. «Транснефть» поддержала тенденцию и отменила командировки по России, призывая своих сотрудников прибегнуть к помощи видеоконференцсвязи, которую можно осуществить посредством платформы ZOOM. Райффайзенбанк запретил проведение корпоративных мероприятий и очных тренин-

гов, сообщил руководитель управления по работе с персоналом Владимир Химаныч. Стоит отметить и то, что определенные организации разработали обособленные отделы и службы, целью которых является молниеносная реакция и предупреждение COVID-19.

Президент «Транснефти» Токарев Николай 2.03.2020 года подписал распоряжение «О проведении комплекса превентивных мер по нераспространению коронавирусной инфекции». Относительно данного документа компания произвела ограничение к работе тех сотрудников, у которых выявлены признаки ОРВИ. Компания первоочередной целью ставила закупку медицинских тепловизоров, необходимых для последующей установки при входах в административные здания компании. «Лаборатория Касперского» пришла к решению временно закрыть офисы в Пекине, Тяньцзине и Шанхае. Сотрудники, проживающие на территории Китайского государства, работают в удаленном режиме. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона в офисах был установлен гибкий график работы, также сотрудникам раздают респираторные маски и санитайзеры (антисептические средства для обработки рук).

Сотрудники фирмы Danone, которые вернулись из отпуска в Китае или Италии, в обязательном порядке подлежали 14-дневному карантину, работая удаленно с полным сохранением заработной платы.

Удаленная работа не влияет на эффективность сотрудников, отмечает наблюдениями представитель Danone. По словам Григория Финкельштейна эффективность удаленной работы зависит от корпоративной культуры только в том случае, если она поощряет самостоятельность сотрудников.

«Камаз» разработал приказ относительно дополнительных мер по предупреждению распространения риска коронавируса. Завод оказывает медицинской и материальной поддержке сотрудников в том случае, если они будут вынуждены не посещать работу из-за профилактических мер. Также, руководители компании говорят о том, что у «Камаза» отсутствует потребность переводить сотрудников офиса на режим удаленной работы либо ограничивать командировки в страны, где сильно получил распространение вирус. Подобные меры, по его мнению, скажутся на производительности труда. Андрей Меняйлов, директор департамента исследований условий труда Клинского института охраны и условий труда, утверждает, что предупредить стремительное развитие болезни сотрудников можно путем информирования о мерах предосторожности, которые

они должны соблюдать, а именно: мыть руки, носить маски, не приходить на работу с кашлем.

Сервис вызова такси «Ситимобил» разослал всем партнерам и водителям памятку, содержанием которой является информация об обязательных мерах предосторожности. Водителем рекомендовали обрабатывать ручки автотранспорта антисептиком и осуществлять проветривание салона не менее двух раз в сутки. О дезинфекции говорят все компании, которые работают с населением. Сотрудники «Вкусвилла» обеспечили масками и бесконтактными градусниками. Metro следит, чтобы возле касс не скапливалось большое количество людей.

«Тинькофф банк» также закупил для персонала маски, санитайзеры, в офисе банка дежурит врач несколько дней в неделю. Райффайзенбанк установил дополнительные станции, предназначенные для дезинфекции рук. Сбербанк увеличил концентрацию дезинфицирующих средств при уборке. Ими обрабатываются перила, мебель внутри отделений.

При переводе на дистанционный режим работы следует оформить дополнительное соглашение с работником [4]. Содержание данного соглашения должно включать в себя следующие пункты:

- фиксация нового условия о проведении работы в режиме онлайн;
- указание на место работы;
- описание порядка обеспечения безопасных условий и охраны труда работнику, которые предусмотрены в абзаце 17, 20, 21 и ч 2. Ст. 212 Трудового кодекса Российской Федерации [5];
- обозначить условия обмена электронной документации между подчиненным и его нанимателем;
- прописать порядок обеспечения работника всеми необходимыми средствами для осуществления трудовых функций;
- указать правила и формы контроля работодателя за исполнением обязанностей.

Если проанализировать федеральные и региональные (Краснодарский край) меры поддержки, которые предоставлены организациям в период карантина и после него, то можно сказать следующее.

Закреплено снижение налогового бремени. Правительству РФ и высшим органам исполнительной власти субъектов РФ расширили полномочия на 2020 год. В частности, Правительству РФ добавили право предоставлять в 2020 г. отсрочки (рассрочки) по уплате налогов и сборов (пп. б п. 1 ст. 1 Федерального закона от 01 апреля 2020 года № 102-ФЗ [6].

Постановлением Правительства РФ от 02 апреля 2020 года № 409 [7] перенесен срок уплаты налогов и страховых взносов от 3 до 6 месяцев для субъектов малого и среднего предпринимательства — по заявлению налогоплательщика. Аналогичные положения закреплены в постановлении главы администрации (губернатора) Краснодарского края [8].

Установлен мораторий на налоговые санкции. ФНС России не будет штрафовать налогоплательщиков, которые не представили документы или сведения по запросу налоговой инспекции (по статье 126 НК РФ). Эта мера действует для тех случаев, когда срок представления документов пришелся на период с 1 марта по 1 июня 2020 г. До 1 мая 2020 г. для малого и среднего бизнеса не будут применять меры взыскания задолженности. ИП или организациям ФНС России не пришлет требование с начисленными пенями и штрафами, не спишут задолженность и не заблокируют счета в банках (п. 7 Постановления Правительства РФ № 409) [9].

В соответствии с постановлением Правительства РФ № 409 продлены сроки предоставления отчетности (п. 3).

Относительно кредитных послаблений. Постановление Правительства РФ от 02 апреля 2020 года № 422 [10] предусмотрено, что заёмные средства будут предоставляться компаниям, которые действуют не менее 1 года, и владельцы которых хотя бы раз платили налоги, при сохранении численности персонала на весь период кредитования или сокращение персонала не более чем на 10% в месяц. Гарантия по кредиту обеспечивается поручительством ВЭБ (до 75%). Ставка для заемщика – 0%.

В заключение хотелось бы сказать: какой-либо конкретной терапии при COVID-19 не существует. Как и абсолютное большинство других вирусных инфекций, коронавирус лечат лишь симптоматически: отдых, обильное питье, безрецептурные обезболивающие. В настоящее время апробируется вакцинация от коронавируса. Необходим аналитический анализ конкретных обстоятельств: какие именно предприятия, организации критически важны для страны в данный период с точки зрения занятости населения, а также обеспечения граждан необходимыми товарами и услугами. Требуется и выполнение и основной социальной функции – сохранение рабочих мест.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасюк Е. Коронавирус: что важно знать. –URL: https://yandex.ru/health/turbo/articles?id=7260&text=коронавирус+это&ids=7260&utm_source=yandex&utm_medium=search&utm_campaign=yandex-searchster&utm_content=article&saas_webreqid=1587312254958359-626081088369643388715956-production-app-host-sas-web-yp-118.

2. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13. Ст. 1898.

3. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 02 апреля 2020 г. № 239 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2082.

4. URL: <https://www.pro-personal.ru/article/1099030-20-m4-trebovaniya-k-rabotodatelyam-v-svyazi-s-koronavirusom>

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

6. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01 апреля 2020 года № 102-ФЗ // Рос. газ. 03.04. 2020. № 72.

7. О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики: Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 409 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2020.

8. О продлении сроков уплаты налогов в консолидированный бюджет Краснодарского края в условиях режима повышенной готовности на территории Краснодарского края: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 08 апреля 2020 года № 202 // <https://admkrasnodar.ru/content/1291/show/530652/>

9. О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики: Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 409 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.04.2020.

10. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости: Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 422 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.04.2020.
2. <https://www.pro-personal.ru/article/1099030-20-m4-trebovaniya-k-rabotodatelyam-v-svyazi-s-koronavirusom>;
3. <https://v8.1c.ru/metod/article/koronavirus-vazhnaya-informatsiya-dlya-direktora.htm>;
4. <https://2035.government-nnov.ru/ru-RU/news/organizacii-i-predpriatia-v-usloviyah-koronavirusa-instrukcia-po-tomu-kak-legalno-vyjti-na-rabotu>.

Данилов Давид Борисович,
кандидат юридических наук, доцент
начальник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
Danilov David Borisovich,
candidate of law, associate Professor
head of research Department
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of
Russia

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ

JUDICIAL PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS: REALITY OR FICTION

Аннотация. В исследовании рассматривается вопрос о понятии и природе, а также защите цифровых прав граждан. Особое внимание уделяется применению рассматриваемых норм в гражданско-правовых отношениях. Также акцентируется внимание на их развитие в современном российском праве.

Annotation. The study examines the concept and nature, as well as the protection of digital rights of citizens. Special attention is paid to the application

of these norms in civil law relations. It also focuses on their development in modern Russian law.

Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ)», вступил в силу с 1 октября 2019 года.[1,2,3]

Новый закон ввел в ГК РФ статью 141.1 «Цифровые права». В ней закреплены базовые определения «цифрового права», означающего в юридический терминологии аналог «токена».

Фактически эти новые объекты создаются и используются как в России, так и за рубежом, но российским законодательством напрямую не регламентируются. Поэтому лица, приобретающие такие объекты, а также их кредиторы и наследники могут оказаться без правовой защиты.

Чтобы облегчить проведение сделок, в новых положениях кодекса усовершенствованы правила ведения договорной базы. Так, цифровая сделка, или «выражение воли лица с помощью электронных или других технических средств», отныне приравнивается к классической сделке в простой письменной форме. Для этого потребуется соблюдение двух обязательных условий. Технические средства должны позволять воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде. Кроме того, должен быть использован один из способов достоверного определения лица, выразившего волю.

Принятие поправок также узаконило цифровые «смарт-контракты», которые еще называют «быстрыми сделками», потому что они могут заключаться в интернете в одно нажатие клавиши для выражения согласия. ГК РФ дополнен правилом о совершении сделок такого рода автоматически, с помощью информационной системы.

Закон «о цифровых правах» ввел в обиход новые цифровые формы договоров, например договора номинального счета и договора страхования. Направление сторонам юридически значимых уведомлений в электронной форме также получило правовой статус.

В широком смысле цифровые права – набор прав каждого человека на доступ к цифровым медиа и на использование компьютеров, сотовой связи и интернета для передачи информации.

В российском законодательстве понятие «цифровые права» трактуется значительно уже. Согласно поправкам в ГК РФ, цифровые права — это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы.

За пределами экономической сферы в российском законодательстве понятие цифровых прав не рассматривается.

Таким образом, можно констатировать, что закон не дает прямого и четкого определения, что есть цифровые права. Он дает им характеристику и говорит нам о том, что это обязательственные права или иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Под обязательственными правами следует понимать право требования на получение какого-то результата, совершения действия, передачи имущества и прочее. Применительно к цифровым правам они существуют в электронном виде.

Цифровые права в их широком значении дают больше возможностей для реализации уже существующих прав человека — права на свободу мысли и слова, на неприкосновенность частной жизни, на доступ к информации. На наш взгляд именно с ограничением цифровых прав, связаны российские законодательные нововведения последних лет — закон Яровой и закон о суверенном интернете.[5,6]

Когда в 2018 году по решению Роскомнадзора был заблокирован Telegram, борьба за его работу была важна не столько из-за самого мессенджера, созданного Павлом Дуровым, сколько из-за права на шифрование. Право на шифрование – важное право, и сейчас предпринимается огромное количество попыток его уничтожить. Хотя ни в одной из международных конвенций право на шифрование не указано, заявлены только тайна частной жизни и тайна переписки, это право содержится в так называемых нормах мягкого права, которые ежегодно формируются международными организациями.

Весьма важно, чтоб государство поддерживало эти права, иначе это приведет к полному отсутствию права на доступ к информации.

Цифровые права под угрозой не только в России. Так разведывательный альянс «Пять глаз», в который входят Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и США, призывает технологические компании ослабить шифрование под предлогом угрозы терроризма в киберпространстве.

Вышеназванный закон предусматривает и наличие иных прав содержание и условие которых определены правилами информационной системы. Здесь ключевое это то, что информационные права живут в рамках

информационной системы. И их содержание определяется правилами такой информационной системы.

Цифровые права отнесены к объектам гражданских прав. Это означает, что с цифровыми правами можно совершать любые сделки, которые прямо не запрещены законом и не противоречат сути таких прав.[8]

Когда мы говорим о сделке в электронном виде, у нас должна присутствовать цифровая среда.

Применительно к смарт-контрактам закон дал возможность исполнять сделку в электронном виде, включая оплату. Естественно, поскольку речь идет о цифровой среде, каждое действие стороны фиксируется в системе через электронную запись.

Переход цифровых прав ничем не отличается от перехода любых иных прав. Это означает:

1. переход прав, в том числе цифровых, осуществляется в форме сделок – купли-продажи, дарения, залога и прочее;
2. сделка по переходу или распоряжению цифровыми правами должна быть совершена полностью в электронном виде и в рамках одной информационной системы;
3. при этом стороны сделки должны быть однозначно идентифицированы;
4. ничто не мешает совершить такую сделку в формате смарт-контракта.

Принятый закон не предусматривает никаких изменений в налоговый кодекс, а значит, система налогообложения измениться не должна. Это значит, что правоотношения и сделки, к которым применяются электронные права, будут подлежать налогообложению в том режиме, в котором они и сейчас подлежат налогообложению. Хотя не исключаю, что когда в законе будут определены конкретные цифровые права, будет уточнена и система налогообложения.

На наш взгляд закон о цифровых правах это шаг в правильном направлении. Но как защищать цифровые права – пока не очень понятно. Судебной практики по возникающим проблемам применения указанного закона пока нет. Самая эффективная защита в первую очередь судебная, то есть надо принести доказательства, которые суд сможет прочесть и «пришить к делу».[7]

Обобщая вышесказанное стоит отметить, что сейчас темпы развития цифровых технологий неумолимы. Это безусловно хорошо сказывается на

повседневной жизни всех людей, существенно ее упрощая. Появляются новые возможности, как например совершение дистанционных сделок, что является отличной возможностью гражданско-правового взаимодействия между людьми, особенно в данный непростой период, период пандемии COVID-19. Однако законодатель, на данный момент, пока что не успевает совершенствовать нормы права в соответствии с актуальными возможностями цифрового общества. Но нельзя сказать, что на данный момент законодательство переживает стагнацию, оно все же переживает изменения. Примером этому служит введение понятия «цифровые права» в ГК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, № 32, ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 5, ст. 410.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2006, № 52 (часть 1), ст. 5496.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. Федерального закона от 1 мая 2019 г. N 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

6. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»

7. Данилов Д.Б. К вопросу о признании использования товарного знака незаконным в арбитражном суде: теоретические и практические аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 7. С. 32-36.

8. Ситдикова Р.И., Ситдилов Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав//Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 75-80.

Доев Виталий Александрович,
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет
МВД России

Doev Vitaliy Aleksandrovich,
lecturer, Department of Civil Law and
Procedure, Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia;

Павлюк Владимир Александрович,
управляющий партнер юридической
компанияи «Интеллект»,
член Общественного Совета

при Уполномоченном по защите прав
предпринимателей в Краснодарском крае

Pavlyuk Vladimir Alexandrovich,
Managing Partner, Intellect Law Firm,
Member of the Public Council under the Commissioner
for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Krasnodar Territory

К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

TO THE QUESTION OF SUBSIDIARY RESPONSIBILITY

Изначально, в 2002 году законодательными органами был принят закон, в котором субсидиарной ответственности (далее СО) была отведена единственная статья. Этого оказалось недостаточно, и сейчас данной теме отведена специальная глава. Но и теперь, когда законодательство модернизировано и обрело почти заверченный вид, часто возникают споры и разногласия, которые никак нельзя назвать незначительными.

Изначально предполагалось, что к субсидиарной ответственности привлекается ограниченный круг лиц из числа должностных, например, руководство обанкротившегося предприятия, учредители, члены органов правления, совета директоров, а также ликвидаторы. Однако с годами законодатель постарался дать определение этому кругу лиц. Так появился термин контролирующее должника лицо (далее КДЛ). Отсутствие конкретики позволило недобросовестным гражданам уйти от ответственности. При этом законодатель расширил спектр привлекаемых лиц, и теперь си-

туация неоднозначная, и часто вызывает недопонимание, разночтения и споры.

Законодательный орган, стараясь конкретизировать КДЛ, сделал так, чтобы в законах была явная взаимосвязь между контролирующим должником лицом и их правами давать распоряжения с целью повлиять на деятельность банкрота, когда он таковым не являлся. Сейчас согласно Федеральному закону о несостоятельности физических и юридических лиц в перечень КДЛ включают родственников, свойственников, граждан, действующие на основании доверенностей и других полномочий, иных должностных лиц, а также субъектов, которые смогли повлиять на руководство компании-банкрота или вынудить их к производству неких действий.

При этом стремлении конкретизировать КДЛ ситуация сложилась таким образом, что на сегодняшний день конкретно лиц, которые имеют возможность повлиять на банкрота, не называют. Четких признаков принадлежности субъекта к данной категории в законе не указано. Зато есть указания на разного рода группы КДЛ, причем классификация производится по косвенным признакам. Например, в Федеральном Законе №127-ФЗ сказано, что характерной чертой КДЛ является юридическая возможность оформлять сделки, занятие соответствующей должности или наличие родственных связей с банкротом. Свойственные отношения, извлечение собственной выгоды также можно расценивать как повод к призыванию к субсидиарной ответственности.

Эта путаница способствует «затягиванию» судебных процессов, количество которых с 2017 года увеличилось в 4 раза. Общая исковая сумма по данным, предоставленным И.Ю. Рыковым, превысила 170 млрд. рублей. Ситуация осложняется тем, что формулировка о принуждении руководителей компании остается «размытой». Совершенно непонятно, кто входит в эту категорию КДЛ. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к письму ФНС Российской Федерации №СА-4-18/16148. Согласно тексту, сюда относятся бывшие сотрудники предприятия-банкрота, даже если это юрист или рядовой бухгалтер, руководитель или штатный сотрудник структурного подразделения и т.д. А если речь идет о несостоятельном физлице, это может быть одноклассник, однокурсник и т.д.

Следом за Федеральной Налоговой Службой внести ясность решил и Верховный Суд России. После издания постановления, датированного 2017 годом, к субсидиарной ответственности привлекаются лица, извлек-

шие выгоду из банкротства физического или юридического лица. Иными словами, к КДЛ можно причислить любого, кто в результате деятельности банкрота получил некие активы. Даже если будет выявлена взаимосвязь признания несостоятельным с увеличением дохода, лицо, получающее большую прибыль привлекут к СО. Из вышесказанного видно, что стремление конкретизировать юридическое понятие КДЛ приводит пока лишь к тому, что появляется большое количество споров, а главное, лазеек для недобросовестных граждан, которые действительно сознательно довели субъект до банкротства.

Между практикующими юристами и исследователями в области юриспруденции велись и по сей день ведутся споры, касающиеся самого определения субсидиарной ответственности. Одни убеждены, что это деликт, другие считают, что это дополнительная классическая субститутивная ответственность. Многие ученые работали на данным вопросом, писали статьи и монографии, защищали диссертации. Однако ответ можно найти, если обратиться к Новеллам о СО и к соответствующему постановлению Пленума Верховного Совета Российской Федерации. Анализ этих документов определяет субсидиарную ответственность как деликт. Согласно Постановлению Пленума данный тип ответственности имеет набор признаков, указывающих на принадлежность к категории гражданских правонарушений. Субъектами признаны контролирующие должника лица. Объект – интересы кредиторов, имеющие имущественный характер.

Если говорить об объективной стороне нарушения такого рода, то она заключена не только в действиях, но и в бездействиях, которые нанесли непоправимый вред материальному положению дел банкрота. Например, это когда в установленные сроки не подаются заявление или другие документы, в ЕРГЮЛ не вносятся положенные сведения, заключаются договора, которые заведомо причиняют вред именно кредиторам.

Есть и субъективная сторона правонарушения, определяющаяся наличием вины. В частности в Федеральном Законе «О банкротстве» сказано, что контролирующее должника лицо освобождается от субсидиарной ответственности, если будет доказана его невиновность. Здесь необходимо понимать, что непреднамеренные действия или бездействия, ставшие причиной причинения материального вреда кредиторам, еще не является правонарушением. Речь о виновности идет лишь если имеют место преднамеренные действия или бездействия. Естественно, чтобы КДЛ признали не-

виновным, нужно доказать отсутствие его личной выгоды, а также привести доказательства, что его действия были разумными и нацеленными на исключение вреда, наносимого кредиторам.

Верховный Суд Российской Федерации определил, что при привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности пользуются общими положениями Гражданского Кодекса, а именно статьями, регламентирующими обязательства и следствия в случае нанесения материального вреда. А значит, становится возможным оперировать такими терминами и понятиями, как соисполнительство, соучастие, пособничество. Но ведь эти понятия применяются не только в административном, но и в уголовном праве.

При этом, чтобы судья отменил СО, обвиняемый должен предоставить неопровержимые доказательства, указывающие на конкретное, фактическое контролирующее должника лицо, вина которого должна быть установлена. Но ведь это и есть так называемая «сделка со следствием» по принципу «сдай нарушителя и не будешь нести ответственность». Это окончательно указывает на то, что СО нужно рассматривать как деликт, и никак иначе.

Вместе с тем, следует отметить, что Арбитражные суды РФ часто обращают внимание на то, что в судебном споре о СО, согласно статье 65 АПК РФ, обязанность доказывания и предоставления аргументов об отсутствии вины и причинно-следственной связи между должником и лицом привлекавшимся к субсидиарной ответственности возлагается на последнего. При этом, в особенности в случае привлечения к СО контролирующего лица, в частности бенефициара, возникает особая объективная сложность в доказывании доводов. Суды неоднократно обращали внимание на признаки контроля, такие как синхронность действий лиц без объективных на то экономических причин, влияние отрицательных результатов активной или пассивной предпринимательской деятельности на рост финансово-экономических показателей контролирующего лица, причем данные признаки должны указывать на взаимосвязь именно с контролирующим лицом, и только с ним. В данной ситуации очевидно, что такие доказательства выглядят как косвенные. При этом, несмотря на позиции арбитражных судов о бремени доказывания обратного, образно говоря «обвиняемым», именно в законодательстве вопрос не урегулирован в полной мере и не находит однозначную поддержку в сложившейся судебной практике. Кредиторам, арбитражным управляющим, де-факто приходится самосто-

ятельно собирать и доказывать свои доводы о юридически значимых действиях с целью привлечения лица к СО. Имеющийся в настоящее время данный законодательный подход, не корреспондирует с прослеживающийся, на наш взгляд, устойчивой тенденцией государства по защите прав кредиторов, в особенности «потребителей, участников договора долевого участия».

Неточности, недоработки, погрешности в законодательстве касаются не только тех сторон, которых мы коснулись в данной статье. Так, к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина, судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке Рустем Мифтахатдинов крайне резко выражается о законах, касающихся ООО. С его слов Общество с Ограниченной Ответственностью есть некий «уродец». При определении понятия законодателем изначально были взяты конструкции из законодательства Германии, а нормы и правила формирования уставного фонда заимствованы у Соединенных Штатов.

В своих лекциях ученый затрагивает проблему, касающуюся того, что ООО с уставным капиталом в 10000 руб. имеет ограниченную ответственность. В США деятельность этих структур жестко контролируется государством. У нас же ООО с минимальным, формальным уставным капиталом вправе заключать сделки на десятки и сотни миллионов. Им выдают многомиллионные кредиты, давая возможность «играть в бизнес» за чужой счет. Причем под угрозой находятся не только частные, но и бюджетные деньги. И при всем при этом законодательство не дает четкого определения ключевым терминам, давая возможность для маневра, если КДЛ решит избежать ответственности. Законы еще придется дорабатывать, но из вышесказанного видно, что изначально необходимо прийти к единому мнению в ключевых понятиях. И дорабатывать придется не только законы о СО.

Жукова Наталья Владимировна,
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Краснодарского университета
МВД России
Zhukova Natalya Vladimirovna,
lecturer civil law and process
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia

**ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛКИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБМАНА**

**ON SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE
CONDITIONS OF THE CONTRACT OF STORAGE IS CONCLUDED
BY THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS**

Аннотация: в статье освещаются вопросы, направленные на раскрытие особенностей механизма гражданско-правовой ответственности за совершение сделок с использованием обмана, в частности, описывается его структура, субъектный состав, предлагаются меры, направленные на совершенствование данного механизма.

Review: The article highlights the issues connected with execution of contracts of storage concluded by the bodies of internal Affairs in respect of property which was the object of the crime, in particular, deals with the problems of lack of criteria for selection of subjects of storage, retention periods, as well as the burden of maintaining property and the possibility of determining the legal fate of the bodies of internal Affairs.

В связи с развитием рыночных отношений граждане Российской Федерации постоянно совершают действия, направленные на установление, изменение либо прекращение у них гражданских прав и обязанностей, то есть совершают сделки. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплено понятие сделок, порядок их совершения. Перечислены виды недействительных сделок. В науке гражданского права эта сфера изучена достаточно подробно. Вместе с тем недостаточно изучен механизм гражданско-правовой ответственности конкретных сделок - совершенных с использованием обмана. В настоящее время отсутствует четкая схема, направленная на предупреждение и пресечение совершения та-

ких сделок. Граждане не застрахованы от того, чтобы стать жертвами обмана, а с другой стороны некоторые лица продолжают совершать сделки с использованием обмана, так как не встречают на ее пути препятствий.

Исходя из изложенного, в настоящей статье дана попытка отразить особенности механизма гражданско-правовой ответственности (далее – МГПО) за совершение сделок с использованием обмана. Но прежде, чем перейти к описанию особенностей МГПО необходимо понять, что значит совершение сделки с использованием обмана.

Изучение понятия «обман» позволило сделать вывод, что им являются целенаправленные осознаваемые действия, слова, поступки, а также умолчание, которые вводят других лиц в заблуждение.

В судебной практике обманом также считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборот.

Таким образом обман имеет два признака: 1) он совершается путем действия либо бездействия; 2) совершается осознанно.

Соответственно, если говорить о сделках, совершенных с использованием обмана, то ими являются осознанные действия, поступки, слова соответствующих лиц, совершаемые ими для ввода в заблуждение других лиц и направленные на незаконное установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Как известно в случае, если лицо нарушило нормы, регулирующие имущественные и обязательственные отношения, при наличии соответствующих условий оно подлежит привлечению к гражданско-правовой ответственности, одному из видов государственного принуждения. В качестве гарантии того, что потерпевший сможет удовлетворить свои требования, направленные на возмещение причиненного ему ущерба, в государстве создается соответствующий порядок привлечения к гражданско-правовой ответственности или механизм, способствующий защите нарушенных прав. Такой механизм представляет собой взаимосвязанную систему, он упорядочивает ее действие и включает в себя набор правовых средств, направленных на защиту. Соответственно, МГПО за совершение сделки с использованием обмана является совокупность правовых средств, используемых субъектами для защиты своих нарушенных прав.

В структуру МГПО за совершение сделки с использованием обмана следует отнести: 1) правовое регулирование гражданско-правовой ответственности; 2) субъектов применения гражданско-правовых санкций.

Основным источником правового регулирования является ГК РФ, в ст. 179 которого установлено, что сделки, совершенные под влиянием обмана признаются недействительными по иску потерпевшего и к ним применяются последствия, установленные ст. 167 ГК РФ. Таким образом, для действия МГПО за совершение сделки с использованием обмана необходимо два условия: волеизъявление потерпевшего, направленное на защиту нарушенных прав и наличие у него доказательств того, что он был обманут. Однако, с наличием второго условия могут возникнуть проблемы, потому что факт обмана следует доказать. Так, например, гражданин обратился в суд с иском о признании недействительным договора займа, факт заключения которого подтверждался распиской. Расписку он не писал, и подпись свою в ней не ставил, она поставлена другим лицом. По его мнению, ответчик сам подписал документ за обе стороны, взыскав в дальнейшем через суд весь займ вместе с процентами и неустойкой. Потерпевшему не удалось доказать свою правоту. Проведенная по делу судебная почерковедческая экспертиза не смогла дать точного ответа о принадлежности подписи, а экспертиза, проведенная ответчиком и опрос эксперта с его стороны, подтвердили принадлежность подписи истцу. Таким образом, условие о доказательственной базе может сработать не всегда. Это пробел можно заполнить внесением разъяснений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» путем перечисления того, как именно необходимо доказать факт обмана.

Отдельного внимания в МГПО за совершение сделки с использованием обмана заслуживает изучение субъектов, участвующих в таких сделках, то есть использующих обман.

Если говорить о юридических лицах (коммерческих и некоммерческих), то, учитывая условия наступления гражданско-правовой ответственности (установление факта обмана; причинение ущерба (вреда, убытков); наличие причинной связи между фактом обмана и причиненным ущербом; установление вины причинителя вреда), основное затруднение будет связано с установлением вины. С одной стороны, в правоприменительной практике эта ситуация урегулирована. Так, признается, пока не

доказано иное, что субъекты должны действовать добросовестно. Раскрыто понятие недобросовестности юридических лиц. Например, принятие решения с учетом личной, а не корпоративной заинтересованности; утаивание сведений о проведенных экономических операциях. Такой же подход возможен в правоотношениях с участием некоммерческих юридических лиц. Однако, чтобы выявить факт утаивания необходимо время, которое зачастую в таких ситуациях работает против потерпевшей стороны. Вместе с тем, для совершенствования МГПО за совершение сделки с использованием обмана с участием юридических лиц следовало бы установить стандарт добросовестного поведения, способствующий налаживанию взаимовыгодных гражданских правоотношений, удовлетворяющих не только рынок, но и все общество в целом. К тому же, по аналогии с реестром недобросовестных поставщиков необходимо создать реестр недобросовестных юридических лиц, которые использовали в своей деятельности обман, по результатам судебных решений. Такие меры в значительной степени повлияли бы на развитие гражданского общества, способствовали бы с одной стороны не участвовать в отношениях с теми, кто содержится в данном реестре, а с другой удерживали от использования в отношениях обмана.

Для наступления гражданско-правовой ответственности физического лица, как и юридического, необходимо наличие тех же условий. И в отношении физических лиц действуют нормы ч. 5 ст. 10 ГК РФ о добросовестности их действий. Но если для юридических лиц характерно совместное принятие решений и есть возможность установить недобросовестность их действий с помощью документации, соглашений, переписки и т.д., то в случае с физическими лицами все усложнено потому, что зачастую они совершают сделку впервые и их нельзя назвать активными участниками гражданского оборота, к тому же они не обладают необходимыми познаниями для совершения тех или иных сделок. Вместе с тем, для физических, участвующих в сделке с использованием обмана характерно: сообщение ложных сведений либо умолчание о значимых для сделки обстоятельствах; создание у участника сделки представления об обстоятельствах, которые не соответствует действительности и влияют на решение об участии в ней. В настоящее время количество сделок, совершаемых физическими лицами значительно и застраховаться от участия в той из них, где используется обман, довольно сложно. Вместе с тем, учитывая, что физические лица обращаются в суд для решения своих проблем, в том числе и в данной сфере,

то по аналогии с юридическими лицами можно было бы в субъектах создать реестр недобросовестных граждан.

В настоящее время видится, что такой шаг является пока единственным способом в преодолении формирования правового сознания, направленного на достижение своих целей обманным путем. В правовом государстве, которое строится в России, предстоит еще многое сделать, чтобы граждане не только не совершали обманных действий, а осознавали их постыдность.

Завьялова Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры специальных дисциплин.
Краснодарский университет МВД России
Zavyalova Natalia Yurievna,
assistant professor of the Department of
of Special Disciplines. Candidate of
sciences (jurisprudence / law).
Krasnodar University of the Ministry of
the Interior of Russia

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

FEATURES OF CIVIL LEGAL RELATIONS WITH PARTICIPATION OF SOCIAL COMMUNITIES

В статье рассматриваются социальные общности как субъекты гражданских прав. Автор доказывает гражданскую правосубъектность тех общностей, которые структурированы на основе социальных критериев. Свои выводы автор строит, опираясь на законодательно закрепленные права этих общностей на отдельные объекты гражданских прав.

The article considers social communities as subjects of civil rights. The author proves the civil legal personality of those communities that are structured on the basis of social criteria. The author builds his conclusions based on the legislatively fixed rights of these communities to individual objects of civil rights.

Среди субъектов гражданского права принято выделять физические и юридические лица. При этом в качестве юридических лиц выступают не

только юридические лица в прямом смысле слова, но и иные коллективные субъекты – государства, международные организации, муниципальные образования, городские и сельские поселения и т.п. Так, по правилам пункта 1 статьи 124 ГК РФ «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами» [1].

С недавних пор среди коллективных субъектов права стали признаваться социальные общности – нации, народы, группы граждан, участвующие в референдуме, в публичных мероприятиях, террористические организации и т.д. Однако об этих структурах как участниках гражданско-правовых отношений отечественная наука не упоминает. Более того, как указала И.В. Шахновская, некоторые правоведы вообще не считают социальные общности отдельным субъектом права, относя их к юридическим лицам или организациям [2, с. 148].

По нашему мнению, прежде всего, следует определиться с кругом лиц, подпадающих в категорию «социальная общность». Из круга этих структур исключим такие, которые зарегистрированы в качестве юридических лиц (хотя в широком смысле их также можно было бы считать общностями), поскольку они уже являются признанными законом субъектами права, имеющими четкие временные границы своего бытия. Мы же рассмотрим только те образования, появление и прекращение существования которых неоднозначно. Помимо неопределенности моментов начала и окончания бытия этих общностей, нестабильным является и их состав, на который большое влияние оказывают процессы миграции, рождаемости, смертности, правосознания и др.

Любой субъект права должен обладать качеством правосубъектности, то есть быть право-, дее- и деликтоспособным. Иными словами, субъект может быть наделен правами и нести обязанности, а также должен быть способен самостоятельно, от своего имени реализовывать свои права и обязанности, в том числе нести юридическую ответственность.

Представляется, что не все из указанных в юридической литературе социальных общностей выступают в правоотношениях как единое целое. Так, молодежь, будучи социальной структурой, являет собой некое синергетическое образование, структурируемое по объективным законам приро-

ды, в данном случае по возрастному (или физиологическому) критерию, но в этой системе каждый индивидуум выступает от собственного имени. Иначе говоря, молодежь не является субъектом права, хотя и выделяется из всего социума едиными качествами – взглядами, интересами, готовностью к выполнению социально значимых функций при отсутствии жизненного опыта и др. Заметим, что возрастной критерий не зависит от воли или сознания ни самой молодежи, ни всего социума, содержащего молодежь. Таковы юридические качества и иных подобных обществ – детей, женщин, пожилых людей, инвалидов и т.д.

Иначе ведут себя такие социальные общности как народ, нация, население отдельного муниципального образования и т.п. Эти общности формируются на основе общих духовных и культурных факторов (мировоззрение, религия, своеобразие обычаев и проч.), то есть таких, которые имеют социальную природу. Для удобства будем называть их социальными общностями второго типа. Внимательное изучение указанных социальных общностей позволяет утверждать о наличии у них, как минимум, политической правосубъектности. Так, данные субъекты участвуют в государственноустройстве, принимая государственную конституцию, устав субъекта федерации (конфедерации), муниципального образования, принимая решения на референдуме, а также могут иметь закрепленные законом права сепарации, самоопределения и т.п. На политическую правосубъектность данных структур указывают И.В. Шахновская, Э.В. Сухов и др. [3, 4].

Мы же беремся утверждать, что данные общности помимо политической имеют также и гражданскую правосубъектность. Известно, что предметом гражданского права являются имущественные и личные неимущественные отношения. Применительно к социальным общностям второго типа следует признать наличие у них имени, отграничивающего их от подобных структур, например: русская нация, население Краснодарского края. Следовательно, эти общности могут вступать в личные неимущественные отношения. Подтверждением тому является признанное законодательно право на такое средство индивидуализации как наименование места происхождения товара («географические указания»). В соответствии со ст. 1516 IV части ГК РФ наименование места происхождения товара – это «обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, а также обозначение, производное от та-

кого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами», например, оренбургский платок, хохломская роспись, тульский пряник и т.п. К людским факторам здесь следует относить традиции и обычаи производства товаров, характерные именно для данной местности. Как указали А.А. Семенова, М.В. Трифонов и С.М. Оплачко [5, с. 38], «НМПТ имеет не только экономическое, но и социальное значение, так как данное средство индивидуализации связано, преимущественно, с традиционными товарами, сопровождающими объекты культурного наследия России». Правом использования наименований мест происхождения товаров «могут обладать не один, а все производители аналогичных товаров в границах данной местности или географической территории» [6, с. 71]. При этом «право использования наименования места происхождения товара не возникает автоматически в силу факта его создания творцом, оно появляется после его государственной регистрации» [7]. Следовательно, потенциальную возможность использовать наименование своей местности имеет все население этой местности, но только при соблюдении определенных законом условий: при регистрации представителя населения в качестве юридического лица или предпринимателя, его обращении в патентное ведомство (в России – в Роспатент) и получении охранного документа (патента). Однако право использования наименований мест происхождения товаров, принадлежащее такой социальной общности как население определенной местности, реализуют отдельные представители этой общности, вступая в соответствующие правоотношения от своего имени, самостоятельно. Считаем, что это противоречие устранимо следующим образом. Социальная общность в виде населения определенной территории обладает гражданской правоспособностью использовать такой объект как наименование места происхождения товаров, который, как мы указывали выше, имеет экономическое и социальное значение. Представляется, что рассматриваемая общность как единое целое реализует только социальный аспект этого объекта; претворение же его экономического аспекта воплощается волевыми усилиями отдельных членов этой общности после официального признания такой возможности в виде выдачи патента. Отсюда – социальная общность имеет правоспособность и частичную (социальную) дееспособность; остальная часть дееспособности (а вместе с ней и деликтоспо-

способность) может быть реализована отдельными представителями этой общности от своего имени.

Одним из важнейших гражданских прав является право собственности. Рассмотрим, как оно может быть реализовано социальными общностями.

Представляется, что социальные общности, структурированные на основе социально значимых факторов (выше мы назвали их социальными общностями второго типа) могут иметь общую собственность, ограниченную от прочих объектов. Например, в качестве таковой можно признать национальное достояние, которое, даже судя по названию, принадлежит всей нации, а не отдельным ее лицам. Воспользуемся определением, предложенным А.П. Бибаровым-Государевым: «национальное достояние — это принадлежащая народу универсальная совокупность определенных неотчуждаемых материальных, духовных и интеллектуальных ресурсов и ценностей, имеющих общенациональное значение, признанных обществом уникальными» [8, с. 22]. Например, к объектам национального достояния народов России можно отнести природу и ее богатства, так как она является «естественной основой их устойчивого социально-экономического развития и благосостояния человека» [9]. Народы России в лице отдельных их представителей могут иметь права собственников в отношении вышеназванного объекта, как минимум иметь правомочие пользования этими объектами. Анализ законодательства, называющего эти и иные объекты национального (или народного) достояния, дает основание утверждать, что при пользовании отдельными лицами общенародным (или национальным) достоянием не должна уменьшаться ценность этого достояния. В этом мы видим специфику реализации права собственности, принадлежащей социальным общностям.

Управление общенародным (или национальным) достоянием может быть поручено конкретным субъектам права. Так, Конституция СССР 1977 года упоминала об общенародной собственности, отождествляя ее с государственной: «Государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности» (далее в Конституции приведен подробный перечень объектов этой собственности) [10, статья 11].

К сожалению, в рамках заданного объема статьи невозможно привести иные аргументы наличия гражданской правосубъектности социальных общностей.

Итак, подведем итог изложенному.

1. Социальная общность, структурируемая по социальному критерию, может иметь гражданские права на отдельные объекты (например, право на наименование места происхождения товара («географические указания»), право собственности на национальное (народное) достояние).

2. Реализации социальной общностью своих гражданских прав имеет определенную специфику, которая заключается в том, что реализация правомочий гражданских прав социальных общностей осуществляется отдельными индивидами, принадлежащими этой общности. При этом пользование индивидами правами не должно уменьшать ценности объекта права социальной общности.

3. От имени социальной общности управление правами на отдельные объекты может быть поручено конкретному субъекту, например, государству.

4. Вышеназванные положения дают основание утверждать, что социальные общности, структурируемые по социальному критерию, имеют гражданскую правосубъектность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2. Шахновская И.В. Подходы к понятию «социальная общность» в правоведении и иных социальных науках // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. - 2015. - № 5. - С. 148-152.

3. Шахновская И.В. Правоспособность социальных общностей в конституционном праве // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. - 2016. - № 2. - С. 95-99.

4. Сухов Э.В. Проблема определения правового статуса национальных меньшинств // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2015. - № 1-6. - С. 49-51.

5. Семенова А.А., Трифонов М.В., Оплачко С.М. К вопросу о правовой охране наименований мест происхождения товаров // Все о мясе. - 2011. - № 6. - С. 38-41.

6. Щербачева Л.В., Кубышко М.В. Государственная регистрация наименования места происхождения товара // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 69-71.

7. Борисов А.Б. Комментарий к ч. 4 ГК РФ (постат.) // Консультант-Плюс. - 2011. - Ст. 1517.

8. Бибаров-Государев А.П. Национальное достояние как категория интегральной юриспруденции // Юридическая наука и практика: история и современность: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции. Филиал МИГУП в Рязанской области / Под ред. И.В. Пантюхиной. - 2014. - С. 20-22.

9. Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об одобрении экологической доктрины РФ» // СЗ РФ. - 2002. - № 36. - Ст. 3510.

10. Конституция СССР 1977 г. URL: [https:// constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/](https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/) (дата обращения: 19.02.2020).

Захарова Галина Серафимовна,
профессор кафедры государственных
и гражданско – правовых дисциплин.
Кандидат юридических наук, доцент.

Ставропольский филиал
Краснодарского университета
МВД России

Zakharova Galina Serafimovna,
professor of the Department of State
and Civil Law Disciplines. Candidate of
Law, Associate Professor.
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

К ВОПРОСУ О НОВОМ ОБЪЕКТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

TO THE QUESTION OF A NEW OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые гражданско - правовые аспекты регулирования новых объектов общественных правоотношений. Делается вывод о необходимости специального правового регули-

рования робота и объектов робототехники как нового объекта гражданских правоотношений.

Annotation: in the article the some civil is examined are legal aspects of adjusting of new objects of public legal relationships. Drawn conclusion about the necessity of the special legal adjusting of robot and objects of robotics as a new object of civil legal relationships.

«В 1982 году профессор университета Васэда Итиро Като показал мне искусственную руку, которая могла открывать дверь, сама программируя собственные усилия, в зависимости от натяжения пружины в дверном замке, от веса двери и от того, куда – вовнутрь или вовне – дверь распахивается. В 1985 году на Всемирной выставке «Экспо-85» Като представил робота, играющего на рояле, ноги робота нажимали на педали, а пальцы скользили по клавишам, подчиняясь командам, поступавшим из телекамеры, которая вмонтирована в голову» [1, С.84]. Эти слова принадлежат журналисту-международнику В.Я. Цветову, долгое время прожившему в Японии, знавшему не понаслышке о японской робототехнике. Да и сегодня Япония продолжает лидировать в производстве роботов. В 2015 году в Японии на государственном уровне утверждена стратегия развития робототехники. В стремлении сделать «робогород» не уступает и сегодняшний Китай, где ключевыми разработками робототехники стали глобальные государственные программы и планы действий вплоть до 2025 года. Разработаны концептуальные вопросы робототехники в США, Германии, даже Эстония постаралась этому вопросу уделить внимание, там принят закон о робото-курьерах. На международном уровне прорывным документом стала принятая Парламентом Европейского Союза Резолюция №2015/2103/«Нормы гражданского права о робототехнике».

На настоящий момент в России нет разработанной самостоятельной программы по развитию робототехники, тем не менее начиная с 2017 года приняты значимые законодательные акты, в которых одним из основных направлений развития российских высоких технологий выступают робототехника и искусственный интеллект. Центральными документами правового регулирования робототехники является «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2033 гг.», программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В них определено, что робототехника отнесена к высокой цифровой технологии, которая необходима для решения в первую очередь задач национальной безопасности. Продолжает оставаться актуальным вопрос создания на государственном

уровне концепции развития робототехники. В этом вопросе можно было бы использовать положительный опыт зарубежных стран.

Российские ученые предлагают разработать Планы основных мероприятий по развитию робототехники по всем направлениям: экономической, социальной, промышленной, в том числе юриспруденции. В них необходимо определить этапы, цели, задачи, финансовую поддержку развития робототехники и главное для юриста – создать правовую базу для адаптации к правовой системе по всем этим направлениям.

Наша задача в этой статье показать объективную необходимость правового регулирования робота и объектов робототехники, как новых объектов гражданского права. Конечно, эти понятия должны рассматриваться совместно с другими терминами. Технизация общества требует анализа правовой составляющей не только в роботизации, но и в цифровизации и информатизации. Всё это предопределяет вызовы, в том числе, для теории права.

Мы остановимся на некоторых гражданско - правовых аспектах регулирования объектов робототехники как нового объекта общественных правоотношений, тем более из – за пробелов в законодательстве возникают на практике множество вопросов, касающихся, в первую очередь, возмещения вреда, причиненного при использовании специфического объекта. Итак, сегодня можно констатировать тот факт, что специального законодательства об использовании роботов и объектов робототехники в области гражданских правоотношений нет, поэтому применяются общие нормы гражданского права, но их применение на практике вызывает определенные трудности.

В нашу повседневную жизнь уже давно внедрились и во многом заменили человека автоматизированные системы, механизмы, высокотехнологичное оборудование, работающее без участия самого человека. Эти объекты не выделены в качестве самостоятельного объекта гражданских правоотношений, что подтверждается статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Надо отметить, что с 1 октября 2019 года введена новая статья 141.1 ГК РФ «Цифровые права», которая дополняет основной перечень объектов гражданских правоотношений. Видимо, это один из первых шагов в правовом регулировании новых объектов.

Следует согласиться с мнениями учёных, предлагающих рассматривать роботов и объекты робототехники как объекты вещного права, а в качестве агентов их – в обязательственном праве [2, С.3]. Есть и другие мне-

ния ученых в определении объектно-субъектного состава: некоторые специалисты считают возможным определение робота как субъекта гражданского правоотношения и наделение его гражданскими правами и обязанностями, некоторые ученые проводят аналогию правовой конструкции робота с юридическим лицом, другие – с животным, даже есть мнения ученых о приравнивании правового статуса робота по аналогии к статусу ребенка и др. [3, С. 7]. Возможно такая, абсурдная на первый взгляд, точка зрения, в перспективе будет преобладающей, но на сегодняшний день все-таки роботы – это объекты права. Более того это особые объекты, которые следует отнести к источникам повышенной опасности, дабы свойства этих вещей и их использование не поддаются до конца контролю со стороны человека, могут создать достаточно высокую степень вероятности причинения вреда жизни, здоровью и имуществу человека. Так, встречались на практике случаи, когда при использовании роботизированной техники при проведении диагностических или хирургических манипуляций гражданам был нанесен вред здоровью, жизни. В таких случаях резонно возникает вопрос о юридической ответственности, о необходимости возмещения причинённого ущерба и компенсации морального вреда.

Ввиду отсутствия специальных норм гражданского законодательства в данной области, следует использовать общие нормы об ответственности. В частности, считать, что вред, причиненный роботом или объектом робототехники, носит внедоговорной характер. Субъектами ответственности должны выступать владельцы или собственники, операторы, пользователи и иные третьи лица, вовлеченные во взаимодействие с таким источником повышенной опасности.

Имущественный вред подлежит возмещению в виде реального ущерба, а также упущенной выгоды. Потерпевшая сторона может потребовать и компенсацию морального вреда. Размер возмещаемого вреда определяется также по общим нормам ГК РФ. На наш взгляд, такой размер возмещения может быть снижен судом в случаях, установленных ГК РФ, например, отсутствие вины владельца робота или грубой неосторожности потерпевшего.

Надо обратить внимание на то, что возможно возложение возмещения причиненного вреда не по правилам деликта, а по нормам, относящимся к страхованию отдельных видов имущества, а также жизни или здоровью граждан.

Одним из общих условий гражданско-правовой ответственности является противоправное поведение причинителя вреда. В нашей ситуации вероятность противоправного поведения не предполагается, но вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению.

Вред может быть причинен совместно несколькими лицами, например для случаев, связанных с хирургическими роботами, когда хирурги работают в команде. Не учитывается и вина причинителя вреда, в гражданском праве возможно привлечение к «безвиновной» ответственности. Причинно-следственная связь между наличием вреда и противоправным поведением (правомерным поведением) считается всегда обязательным условием для привлечения к гражданско-правовой ответственности. Наш случай не исключение.

Подводя итог, мы можем сказать, что на начальном этапе создания гражданско-правового регулирования высоких технологий, в частности таких новых объектов, как роботы и другие объекты робототехники, с позиции теории гражданского права, субъектами новых правоотношений остаются люди, объектами правоотношений – роботы, содержание их правоотношения – гражданско-правовая ответственность.

Разработка законов, регулирующих новый пласт общественных отношений, предполагает совместную работу не только юристов, но и программистов, социологов, экономистов, психологов и других специалистов.

Независимо от наличия или отсутствия специального правового регулирования, в любом случае должны всегда соблюдаться фундаментальные права человека и общепринятые нормы морали и нравственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цветов В.Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – 312 с.
2. Попова Н.Ф. Основные направления развития правового регулирования использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в сфере гражданских правоотношений // Современное право. - 2019. – № 10. - С. 69 - 73.
3. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. – 240 с.

Зубович Михаил Мстиславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
Почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации
Zubovich Mikhail Mstislavovich,
Assistant professor of the Department of Civil and
Administrative Justice, Russian State University of Justice.
North-Caucasian branch. Ph. D. (candidate) in Law,
Associate Professor.
Honoured Workman of Higher Education of Russia.
Russian State University of Justice.
North Caucasus branch

**ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ И ЕГО ПРЯМОЕ
ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ**

**THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY AND ITS DIRECT APPLICATION
IN CIVIL PROCEDURAL LAW**

В статье рассматривается принцип диспозитивности в гражданском процессуальном законодательстве как принцип косвенного закрепления. Показаны проблемы с практическим применением принципа. Предлагается более четкая детализация принципа диспозитивности в гражданском процессуальном законодательстве, перевод этого принципа из режима косвенного закрепления в полноценный режим прямого провозглашения принципа диспозитивности и закрепления его содержания.

The article considers the principle of dispositivity in civil procedural legislation as a principle of indirect consolidation. Problems with the practical application of the principle are shown. We propose a more precise specification of the principle of dispositivity in civil procedural legislation, the transfer of this principle from the mode of indirect consolidation to the full-fledged mode of direct proclamation of the principle of dispositivity and consolidation of its content.

В начале 2000-х годов в правовом пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) вполне очевидной представлялась необходимость разработки не только инновационных юридических формул, определяющих как саму сущность принципов гражданского судопроизводства, но и, самое главное, их проникновение в нормативно-правовую «ткань» всего процессуального права. С учетом анализа и обобщения позитивного опыта национального законодательства в данной сфере, нового видения значимости основополагающих начал организации и осуществления правосудия указывалось на целесообразность включения в модельный Кодекс гражданского судопроизводства СНГ целого ряда основополагающих начал организации и осуществления правосудия, в частности – принципа «свободы тяжущихся в распоряжении процессуальными правами» [1, с.26]. К сожалению, данная Концепция и Структура модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств - участников СНГ не были восприняты российскими законодателями.

Принцип диспозитивности, содержание которого в самом *общем* виде можно определить как возможность участников гражданского процесса свободно распоряжаться своими правами в порядке, установленном законом, в российском гражданском процессуальном законодательстве, по-прежнему, является принципом «косвенного» закрепления, что затрудняет его применение [2, с.72]. В российском гражданском процессуальном законодательстве термин «диспозитивность» не используется, отсутствует и единая норма, провозглашающая данный принцип. Высказывается мнение, что такое положение привело к «неправильному пониманию принципа диспозитивности», а «наиболее важной проблемой этого принципа является необходимость его закрепления» [3, с.72].

Вместе с тем, новеллы гражданского процессуального законодательства ряда государств-членов СНГ демонстрируют оправданное внимание законодателей к названной проблеме. Так, в новом Гражданском процессуальном кодексе Республики Армения (далее – ГПК РА) появилась статья 12 «Диспозитивность»:

«1. Суд возбуждает гражданское дело только на основании искового заявления или заявления.

2. Лицо, участвующее в деле, осуществляет свои процессуальные права, распоряжается средствами и способами судебной защиты по своему усмотрению в установленном законом порядке.

3. В порядке, установленном настоящим Кодексом, истец (заявитель) имеет право полностью или частично отказываться от своего требования, изменять предмет и основание иска или каждый из них, ответчик имеет право полностью или частично принимать требование истца, стороны могут разрешать спор соглашением о примирении, начинать процесс примирения с участием лицензированного примирителя или передавать дело на рассмотрение арбитража» [4].

Ю.В. Айрапетян справедливо называет «в числе неоспоримых преимуществ» нового ГПК РА конкретизированное закрепление фундаментального принципа диспозитивности, «который не имел и не имеет конкретного статейного закрепления ни в ГПК РА прежней редакции, ни в действующем ГПК РФ», а также появление отдельной главы, посвященной принципам гражданского процесса, которая отсутствовала в старой версии кодекса [5, с. 546]. На наш взгляд, следует также отметить определенные новизну и технико-юридические достоинства приведенной новеллы, предусмотревшей распоряжение «средствами и способами судебной защиты».

В условиях отсутствия в российском процессуальном законе закрепления процессуального *права* для всех участников судебного разбирательства, так и возложения процессуальной *обязанности* по распоряжению средствами и способами судебной защиты, хотя бы и по своему усмотрению, но *в установленном законом порядке*, порождает ряд правоприменительных проблем.

Так, в судебной практике сегодня весьма распространен отказ в иске в связи с «избранием истцом ненадлежащего способа защиты». В таких случаях суды ссылаются для обоснования решения об отказе в иске на нормы материального права (ст.12 ГК РФ и др.). Вместе с тем, существуют не только способы защиты гражданских прав, которые действительно имеют материально-правовую природу, но и способы защиты прав процессуальных, имеющих процессуальную природу. Например, таким способом является «возмещение сторонам судебных расходов» (ст.ст.98,102 ГПК РФ и др.).

Указанный способ защиты имущественных интересов участников гражданского дела применяется только в *специальном процессуальном порядке* для взыскания судебных расходов (ст.103.1 ГПК РФ и др.). Взыскание «убытков в виде судебных расходов» в самостоятельном отдельном производстве судебная практика в настоящее время, как правило, отверга-

ет со ссылкой на нормы *процессуального* права, установившего указанный специальный порядок взыскания судебных расходов [6].

Вместе с тем, в процессуальном законе четко не определено: должен ли суд решать вопрос о возмещении истцу суммы уплаченной им государственной пошлины, если требование об этом не заявлено истцом. Анализ судебной практики подтверждает, что суды в *инициативном* порядке принимают решения о таком возмещении, а также о возврате излишне уплаченной суммы государственной пошлины [7].

Закрепление принципиальных положений о диспозитивности помогло бы создать *процессуально-правовую основу* для решения вопросов о выборе способа защиты как материальных, так и процессуальных прав, конкретизировать соотношение активности суда и активности сторон в этих правоотношениях.

В ГПК РФ с 25 октября 2019 г. действует новая глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», в которой нашли закрепление равные диспозитивные права сторон на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора, судебного примирителя (ч.3 ст.153.1 ГПК РФ). Аналогичным образом урегулированы примирительные процедуры в российском арбитражном процессуальном законодательстве [8]. Активное внедрение примирительных процедур также потребует четкой детализации принципа диспозитивности в российском гражданском процессуальном законодательстве, перевод этого принципа из режима косвенного закрепления в полноценный режим прямого провозглашения принципа диспозитивности и закрепления его содержания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств - участников Содружества Независимых Государств. Принята на двадцать первом пленарном заседании МПА СНГ (постановление № 21-6 от 16 июня 2003 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901883015> (дата обращения: 31.01.2020).

2. Курас Т.Л. Вопросы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе РФ // Сибирский юридический вестник. 2008. №3. С.76-79.

3. Письменная В.А. Проблема закрепления принципа диспозитивности в гражданском процессе [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2018. № 15. С.71-72.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения. Принят Национальным Собранием Республики Армения 9 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=111767 (дата обращения: 31.01.2020).

5. Айрапетян Ю.В. Принципы гражданского процессуального права в свете нового гражданского процессуального кодекса Республики Армения // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 19. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2019. С. 543-546.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2016 г. по делу № А60-62332/2015 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/iwQLJj48h1ov/> (дата обращения: 31.01.2020).

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2020 г. по делу № А60-35448/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/UYNXex789PWg> (дата обращения: 31.01.2020).

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля.

Иваненко Анна Владиславовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой теории и истории государства и права
Сочинского филиала ФГБОУ ВО Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России), г. Сочи

Ivanenko Anna Vladislavovna,
Candidate of Law Sciences, associate professor, manager of
the Department of the theory and history of state and law of
Sochi branch of All-Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of the Russia), Sochi;

Шавешов Георгий Автандилович,
магистрант 2 курса заочного отделения
Поволжского института (филиала) ФГБОУ ВО
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Сочи

Shaveshov Giorgii Avtandilovich,
2-year graduate student of the correspondence department
Volga Institute (branch) of All-Russian State University of
Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

FORMATION OF THE INSTITUTE OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN RUSSIA

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы формирования института квалифицированной юридической помощи в России, неразрывно связанного с процессом становления адвокатуры и во многом обусловленного эволюцией российской государственности. Дается авторская периодизация развития института отечественной адвокатуры на основании критерия институциональности.

Annotation. In the article, the author considers the issues of formation of the Institute of qualified legal assistance in Russia, which is inextricably linked with the process of formation of the bar and is largely due to the evolution of the Russian state. The author's periodization of the development of the Institute of domestic advocacy is given on the basis of the criterion of institutionality.

Формирование квалифицированной юридической помощи в России неразрывно связано с процессом становления адвокатуры, что обусловли-

вадет необходимость выделить сущностные признаки последней. Среди важнейших признаков можно перечислить следующие: наличие законодательства, закрепляющего требования к адвокату (профессионализм, образование, стаж работы и т.д.), обязанности, гарантии его деятельности и другие характеристики правового статуса; публичный характер деятельности, начало чему положил еще Тиберий Корунканий в III в. до н.э., который первым из римских юристов стал давать ответы на отдельные юридические вопросы всем обратившимся к нему гражданам и показал гражданам Рима юриспруденцию, которая ранее скрывалась от народа [13, с.126]; корпоративная организация; представление интересов лица в правоотношениях, в которых второй стороной зачастую выступает государство, отсюда еще один определяющий признак – независимость от администрации.

Точкой отсчета процесса становления квалифицированной юридической помощи, и, одновременно, критерием периодизации многие отечественные правоведы называют принятие нормативного правового акта, регулирующего устройство и деятельность адвокатуры, а именно, Судебных уставов 1864 года [18; 21; 28].

Некоторые исследователи предлагают использовать также и критерий фактического существования прообраза адвокатуры - «квазиадвокатуры», как отмечает С.И. Черепанов [28, с.38], «доистории» адвокатуры, по мнению С.Н. Гаврилова [16, с.75], докорпоративной адвокатуры, согласно позиции Р.Г. Мельниченко [21, с.35]. В.А. Виссаров отождествляет с адвокатурой институт судебного представительства, известный по Псковской Судной грамоте [15, с. 108], что, на наш взгляд, не вполне корректно.

Правовой статус судебных представителей до реформы 1864 г. отличался правовой неопределенностью, не было закреплено даже единое название (судебных представителей могли называть стряпчими, ябедниками, ходатаями и т.д.), отсутствовали требования к кандидатам - соответствующее юридическое образование, стаж работы и др., не было специальной организации или структуры [25, с.86].

Подобной точки зрения придерживались и юристы XIX в., например, И.В. Гессен не просто констатирует отсутствие юридического института адвокатуры до Судебной реформы, но и категорически отвергает преемственность между дореформенными судебными представителями и пореформенными присяжными и частными поверенными [19, с.1-3]. Как нам представляется, подобное разграничение вызвано не только негативным

отношением общества к стряпчими ходатаям [28, с.38], но и четким пониманием существенных различий между до- и пореформенными институтами.

Общеизвестно, что законодатель, разрабатывая положения об отечественной адвокатуре, использовал нормы французского законодательства, в котором уже в XIII в. прослеживалась тенденция институционализации адвокатуры (Кутюмы Бовези). Российские юристы, современники Судебной реформы, могли сравнить неопределенное правовое положение судебных представителей в России до второй половины четверти XIX в. с правовым статусом французских адвокатов, уже с XIV в. объединенных в организованное сообщество, независимое от властных органов, отстаивающее интересы и права своих членов, и предъявлявшее к последним достаточно жесткий набор требований, в том числе и этического характера [14, с.47]. Отсюда понятны высказывания И.В. Гессена об отсутствии связи между пореформенными и дореформенными поверенными.

Тем не менее, появление любого жизнеспособного правового института предполагает длительный период вызревания в рамках формирующейся общественной потребности, и, в полной мере, это можно отнести и к институту квалифицированной юридической помощи, что позволяет нам выделить в периодизации становления адвокатуры *доинституциональный период*, с XV в. по 1863 г.

В XV в. в отечественном законодательстве были закреплены положения о судебных представителях, например, согласно Псковской судной грамоте, услугами представителя могли воспользоваться женщины, дети, дряхлые старики, монахи и глухие. В данном документе содержались и ограничения к участию представителей [23, ст.58].

Упоминание о правозаступниках, которые представляли в суде интересы лиц, не обладающих необходимыми юридическими знаниями, содержится и в Судебниках 1497 г. и 1550 г. В Царском Судебнике есть нормы о праве лица на привлечение к защите поверенных, и регламентирующие поведение сторон во время процесса на состязательной основе [27, ст.13]. Таким образом, подтверждается точка зрения В.А. Виссарова о том, что уже в XV в. можно обнаружить первые свидетельства законодательного оформления деятельности представителей или поверенных в судах [15, с.107].

Дальнейшее развитие судебного представительства связано с Указом Петра I «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. [7], согласно которому представители получили возможность оказывать правовую помощь в рамках

судебного производства. Указ Екатерины II «Учреждения о губерниях» 1775 г. закрепил появление института губернских стряпчих, которые выступали в качестве помощника прокурора и защитника казенных интересов [8]. Стряпчие осуществляли сбор и оформление документов, пытались затянуть судебный процесс или повлиять на него незаконными способами. Государство контролировало деятельность стряпчих путем их фиксации в Конторе адресов (подразделение полиции) в соответствии с Актом от 15 октября 1809 г. [15].

В Своде законов Российской империи 1832 г. за каждым лицом закреплялось право на подачу иска. Право привлечение к участию в процессе поверенного, предоставлялось каждому лицу, которое могло выступать в качестве истца или ответчика [9, ст.184, 191].

Таким образом, на протяжении первого этапа становления квалифицированной юридической помощи в России появились нормы, закреплявшие право лица на получение юридической помощи и право на судебное представительство. В обществе сформировалась категория стряпчих, ходатаев, поверенных, располагавших необходимыми юридическими знаниями и оказывающих помощь заинтересованным лицам в суде. Однако в российском крепостническом полицейском государстве существование независимой от власти корпорации адвокатов было невозможно до Великих реформ XIX в., в отличие от Франции, в которой ранняя юридизация адвокатуры (XIV-XV вв.) обуславливалась развитием института частной собственности, формированием тенденции к установлению юридического равенства и, в конечном итоге, началом становления гражданского общества, элементом которого и является адвокатура.

Трудно переоценить влияние, которое оказали на российское общество, Судебные Уставы 1864 г., поэтому исследователи справедливо полагают их принятие началом нового этапа в развитии института адвокатуры. Впервые в законодательстве были установлены требования к кандидатам в адвокаты: наличие русского подданства, возраст не менее 25 лет, высшее юридическое образование, стаж практической деятельности по специальности (не менее пяти лет), финансовое обеспечение, незапятнанная репутация [10]. Возникла корпоративная организация адвокатов, органами управления которой были Общее собрание присяжных поверенных и Совет присяжных поверенных. Совет разрабатывал и закреплял в локальных актах обязанности присяжных поверенных, наравне с их правами и ответственностью по конкретным делам, проводил конференции по различным

вопросам права и судопроизводства, способствовал созданию консультационных бюро, подготавливал и предлагал на рассмотрение правительству проекты реформ.

Следует отметить, что единой корпорации адвокатов, которая действовала бы на всей территории Российской империи, не было создано, хотя попытка создания общероссийской организации адвокатов была, в Санкт-Петербурге в марте 1905 г. прошел первый съезд русской присяжной адвокатуры [17].

Таким образом, в пореформенный период в России начинают вырабатываться следующие принципы оказания квалифицированной юридической помощи: совмещение правозаступничества с судебным представительством; относительная свобода профессии; отсутствие связи с магистратурой; сословная организация и отчасти дисциплинарное подчиненность судам; заключение договора о финансовом вознаграждении. Участие защитника допускалась только на стадии судебного разбирательства [25, с.94].

С 1860-х гг. и до 1917 г. присяжный поверенный выступает в качестве профессионального специалиста, оказывающего юридическую помощь любому обратившемуся к нему лицу, а адвокатура становится профессиональным сообществом адвокатов и одним из основных институтов складывающегося в России гражданского общества, поэтому Р.Г. Мельниченко называет данный промежуток времени периодом присяжной адвокатуры [21, с.36], а С.И. Черепанов - «дореволюционным периодом адвокатуры» [28, с.40]. Однако, если обратить внимание на содержание процесса, начавшегося с 1864 г. то становится ясно, что это был период институционализации отечественной адвокатуры, *институциональный* период.

События Октября 1917 г. привели к революционным изменениям во всех сферах общества, и, естественно, изменили правовое положение лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь гражданам, что дало основания исследователям говорить о начале нового этапа в развитии адвокатуры.

Общеизвестно, что многие представители пришедшей к власти партийной элиты были юристами – П. Красиков, Н. Крестинский, П. Стучка, В.И. Ленин и др., и, более остро ощущали потенциальную опасность, которую могли представлять для советского строя квалифицированные адвокаты, со сформировавшимся профессиональным правосознанием, с опорой на законность, с умением видеть и использовать в пользу клиента про-

тиворечия в большевистской пропаганде социализма. В.И. Ленин называл адвокатов «сволочью», которая постоянно пакостничает и призывал держать их в ежовых рукавицах [20, с.171].

Тем не менее, на наш взгляд, не следует акцентировать внимание на особом неприятии большевиками адвокатов. Вряд ли можно согласиться с мнением С.В. Юношева, что отношение к адвокатуре изменилось [29, с.89], ведь власть всегда настороженно и с опаской относится к лицам, знающим законы, способным добиваться их исполнения, в том числе и от представителей самого государства. Например, Екатерина II презрительно относилась к адвокатам, называла их людьми, одинаково способными «поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость», Николай II считал их врагами государства, и, отмечая роль адвокатов в Великой французской революции 1789 г., заявлял: «Адвокаты погубили Францию. Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие? Нет, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты; проживет и без них» [12, с.192].

Подобное отношение власть имущих к адвокатуре нельзя рассматривать как типично русскую черту, ведь и Наполеон отказался подписать проект декрета об адвокатуре со словами: «Проектне оставляет никакого средства против адвокатов; они мятежники, виновники преступлений и измен; пока я буду носить шпагу, я не подпишу подобного декрета; я хочу, чтобы можно было отрезать язык всякому адвокату, который употребил бы его против правительства» [14, с.47].

С 1917 г. начался новый этап в развитии адвокатуры, который Р.Г. Мельниченко характеризует как период «советской адвокатуры» [21]. Хронологические рамки окончания данного периода являются дискуссионным вопросом.

Одни исследователи заканчивают третий этап 1988 г., как Р.Г. Мельниченко, когда был принят Закон «О кооперации СССР», сделавший возможным создание адвокатского правового кооператива «Товарищество юрисконсультов» [21]. Промежуток до 2002 г. исследователь называет «вольной адвокатурой». Для В.А. Виссарова датой окончания советского периода является 1991 г., когда перестал существовать Советский Союз [15].

Ввиду того трудно оспоримого факта, что с 1991 г. по 2002 г. адвокатура действовала, основываясь на советском законодательстве, а немногочисленные общества «вольных адвокатов» представляли собой аналог частным поверенным по Судебным Уставам 1864 г., мы присоединяемся к

точке зрения С.И. Черепанова [28], связывавшего окончание третьего периода с принятием Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3], заложившего основы новой, современной адвокатуры.

Для историка права очевидно, что правовая политика Советов не была однородной на протяжении всего периода Советской власти, что обуславливает и несколько внутренних этапов развития советской адвокатуры. Промежуток времени 1917-1922 гг. можно назвать «романтическим» периодом большевизма, периодом «ниспровержения основ», когда победа мировой революции казалась столь близкой и поэтому многие вопросы, в том числе и вопросы оказания квалифицированной юридической помощи были неактуальны (ведь в государстве рабочих и крестьян не может быть места эксплуатации, несправедливости, преступлениям, тюрьмам).

Представляется интересным предложение С.И. Черепанова выделить в третьем этапе подпериод 1917-1922 г., обозначенный исследователем как хронодискретная пауза в истории отечественной адвокатуры. И, действительно, Декрет о суде 1917 г. упразднил институт адвокатуры, в течение этого периода отсутствовала корпоративная организация адвокатуры, не было четко определенных норм, регулировавших деятельность защитников в уголовном процессе и представителей в гражданском процессе. Поверенными и защитниками могли быть любые «неопороченные» лица обо-его пола, иных требований, том числе юридическое образование, стаж работы законодатель не предъявлял (Декрета «О суде» от 24 ноября 1917 г.) [11, абз. 3 п. 3].

Лишь Положение об адвокатуре, принятое ВЦИК в 1922 г. возобновило деятельность адвокатов в рамках организационной структуры. Следуя предложенному нами критерию периодизации – а именно признаку институциональности, предлагаем назвать данный небольшой период (1917-1922 гг.) *деинституциональным*, поскольку адвокатура как институт перестала существовать.

Подпериод со времени принятия Положения об адвокатуре 1922 г. и до вступления в силу ФЗ №63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» 2002 г. С.И. Черепанов называет «советским» периодом истории адвокатуры [28].

Следует отметить неоднозначность самого применения понятия «институт» к советской адвокатуре. С одной стороны, в Советском Союзе функционировало законодательство, регламентирующее устройство и дея-

тельность адвокатуры, адвокатура имела корпоративную организацию. С другой стороны, адвокатура не была независимым институтом, даже применительно к дореволюционному и тем более, к современному периоду. В СССР над адвокатурой действовал жесткий административный, а в 1956-1970 гг. и судебный контроль [17], что позволяет говорить о включенности адвокатуры в советскую государственную систему правосудия и подвергает сомнению ее существование как независимого института. Исходя из вышеизложенного, период 1922-2002 г. следует признать *неинституциональным* или *квазиинституциональным* периодом в развитии отечественной адвокатуры.

С 2002 г. начался четвертый период формирования института оказания квалифицированной юридической помощи, который мы предлагаем назвать *постинституциональным* ввиду того, что были восстановлены многие принципы дореволюционного института адвокатуры. Главной особенностью текущего этапа является то, что он еще не завершился. Бесспорно, что российская адвокатура действует на основании развитого законодательства, в условиях активно формирующегося гражданского общества, и является одним из его институтов и имеет независимую корпоративную организацию.

Однако эту независимость адвокатам приходится отстаивать в условиях отсутствия баланса между статусом субъектов стороны обвинения и статусом субъектов стороны защиты в уголовном судопроизводстве, и обеспечения принципов равноправия и состязательности сторон в гражданском судопроизводстве.

До сих пор адвокаты по-прежнему не имеют равных прав со следователем [26]. Причиной подобного положения М.В. Слифиш называет инертность правоприменителя, сохранившего с времен существования советской системы априорно-критическую оценку доводов защиты, и курс на устройство препятствий реализации стороной защиты своих полномочий и т.д. [26, с.18]. В отечественном законодательстве отсутствует ответственность за вмешательство в деятельность адвоката, в отличие от судьи, прокурора, следователя или дознавателя УК РФ не защищает адвоката [1]. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2] предусматривает ответственность за воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля и даже народного дружинника или

внештатного сотрудника полиции. Административная ответственность за незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность отсутствует.

Неоднозначной представляется и позиция Конституционного Суда. Если в Определении КС РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О [4], и в Постановлении КС от 28 января 1997 г. № 2-П [5] указывается на необходимость создать лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, условия для осуществления их деятельности, то в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П [6] признаны обоснованными действия представителя правоохранительных органов, который без решения суда произвел осмотр служебного помещения адвокатов и изъял документы, составлявшие адвокатскую тайну.

Таким образом, в формировании института квалифицированной юридической помощи мы предлагаем выделить следующие этапы:

- 1 этап (XV в. – 1863 г.) - доинституциональный;
- 2 этап (1864 -1917 гг.) – институциональный;
- 3 этап (1917- 2002 гг.) – квазиинституциональный, в котором следует выделить период 1917-1922 г. – период хронодискретной паузы в развитии адвокатуры;
- 4 этап (2002 г. – по настоящее время) – постинституциональный, период дальнейшего совершенствования института квалифицированной юридической помощи.

Институт квалифицированной юридической помощи в России продолжает динамично развиваться, что обусловлено и неразрывно связано с эволюционными периодами развития отечественного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (от 07.04.2020 № 112-ФЗ); офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. (дата обращения 30.04.2020).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 № 133-ФЗ); офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. (дата обращения 30.04.2020).

3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 №63-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 № 400-ФЗ); офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

4. Определение КС РФ от 8 ноября 2005 г. N 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, Н.В. Буробина, А.В. Быковского и др. на наруше-

ние их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

5. Постановление КС от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова»: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других»: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

7. Именной Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://base.garant.ru/57566520/> (дата обращения 12.05.2020).

8. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/> (дата обращения 15.05.2020).

9. Свод законов Российской империи. СПб. 1857. Т. X. Ч. 2.: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

10. Учреждения Судебных Установлений от 20 ноября 1864 г. СПб. 1864: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

11. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде»: офиц. текст // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

12. Адвокат в уголовном процессе. Учебное пособие / Сост.: Гаврилова С.Н.; Под ред.: Лупинская П.А. - М.: Новый Юрист, 1997. - 544 с.

13. Алейников Б.Н. Собственность в Древнем мире: юридический справочник / Б.Н. Алейников. — Пенза: Ин-т истории и права Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2004. — 221 с.

14. Белозерова И.И. Историко-правовой анализ статуса адвоката в России и Франции // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017, № 4 (40) 4. С.46-50.

15. Виссаров В.А. Проблемы периодизации истории адвокатуры в России // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 2(32). С.106-110.

16. Гаврилов С.Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозаступничества и судебного представительства (XV – начало XX века) / под общ. ред. Е.В. Семеняко, Г.К. Шарова, А.В. Крохмалюка. - М.: ИГ «Граница», 2009. - 352 с.

17. Горбунова Н.А. Исторические особенности развития адвокатуры в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2017. Т. 5, № 1 (17). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 10.06.2020).

18. Демичев А.А., Исаенкова О.В. Теоретико-методологические проблемы изучения российского суда присяжных. - Н. Новгород: Изд-во Нижегород. филиала МГЭИ, 2005. - 187 с.

19. История русской адвокатуры: Том первый: Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство: 20.XI.1864—1914. М., 1914.

20. Ленин В.И. Полное собрание сочинений 5-е изд. Т. 4. - М., Изд-во политической литературы, 1967. - 580 с.

21. Мельниченко Р.Г. Генезис и периодизация истории российской адвокатуры // Адвокатская практика, 2011, № 4. С. 34–37.

22. Новгородская судная грамота. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Изд-во Московского университета, 1994.

23. Псковская судная грамота. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Изд-во Московского университета, 1994.

24. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. - 430 с.

25. Соломатин Е.Н. Институт адвокатуры как субъект правозащитной деятельности в дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета, 2015, № 3. С.84-95.

26. Слифиш М. В. О новых правилах защиты адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридическая профессия: адвокатура, нотариат, прокуратура, 2018, №5. С.15-25.

27. Судебник 1550 года. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Изд-во Московского университета, 1994.

28. Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры)// Вестник Нижегородской академии МВД России, 2016, № 3 (35) 3. С.37-41.

29. Юношев С.В. Очерк развития адвокатуры в России // Вестник Самарского университета, 2018, №1. С.88-92.

Г.Р. Игбаева,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции

G. R. Igbaeva,
Head of the Department civil law disciplines
Saint Petersburg Academy of Investigative Committee
candidate of law sciences, associate Professor,
colonel of justice;

З.Р. Шакирова,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского ЮИ МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции

Z. R. Shakirova,
Associate Professor of the Department of administrative
and legal disciplines
Ufa law institute of the Ministry of internal Affairs
of Russia,
candidate of law sciences, colonel of police

ТЕНДЕНЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

THE CIVIL LAW REGULATION TRENDS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

Аннотация. В статье раскрывается значение и роль гражданско-правового регулирования и гражданско-правовых механизмов в условиях цифровой экономики. Авторами отмечается, что появляются новые виды отношений, новые объекты. На примере цифровых прав авторами рассматриваются ключевые проблемы правоприменения, требующие научного осмысления, обозначаются тенденции их правового урегулирования. Отмечается важность сохранения приоритета прав человека в цифровой экономике.

Annotation. The article reveals the sense and role of civil law regulation and civil law mechanisms in the digital economy. The authors note that new types of relationships and new objects are emerging. By the example of digital rights the key problems of law application, that require scientific research, and trends of their legal settlement, are determined. The importance of maintaining the priority of human rights in the digital economy is noted.

Развитие цифровых технологий обусловило переход общества к новой постиндустриальной стадии. Вступление Российской Федерации в эпоху цифровой экономики констатируется в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы.

Стратегия констатирует «проблемы невосприимчивости российской экономики к инновациям, существенное отставание российских исследований по сравнению со странами лидерами в этой сфере, слабое взаимодействие сектора разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла, несогласованность приоритетов и инструментов научно-технического развития Российской Федерации, обесценивание внутренних инвестиций в сферу науки и технологии». По мнению Бостон консалтинг групп, Россия занимает 39 место среди цифровых экономик мира. Отставание в этом вопросе имеет существенный положительный момент, поскольку есть шанс избежать ошибок и учесть опыт передовых стран.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «цифровую экономику необходимо поставить на правовые рельсы». В новой реальности преломляется действие многих социальных институтов и регуляторов, изменяются содержание, форма, механизм действия права, в первую очередь вносятся тематические изменения в те отрасли законодательства, которые обеспечивают нормальное функционирование экономических отношений – гражданское и трудовое, далее в отрасли, обеспечивающие надлежащее исполнение и реализацию прав – административное, уголовное и другие отрасли.

В условиях цифровизации экономической среды возрастает значимость гражданско-правовых механизмов в регулировании инновационной деятельности, как в целом и гражданско-правового регулирования. Уникальность цивилистики проявляется в направленности на обеспечение реального сектора экономики и повседневной жизни.

Цифровизация порождает новые общественные отношения, которые прежде не существовали, либо не требовали правового регулирования, либо объективно не могли быть урегулированы. Так, цифровая экономика

дополнила сферу гражданско-правового регулирования новыми отношениями, связанными

- «с нетипичными объектами,
- с участием новых субъектов, являющихся «цифровыми личностями»,
- с юридической идентификацией личности в виртуальном пространстве,
- с реализацией прав человека в виртуальном пространстве («цифровая смерть и др.).
- с применением робототехники;
- с новыми особенностями реализации обязательств и другие».

Каждый вид данных отношений потребует серьезного научного осмысления и обоснования, будет связан с введением новых юридических норм и дополнением уже имеющихся. Представляется целесообразным, кратко рассмотреть первый вид, чтобы обозначить на его примере, основные тенденции гражданского – правового регулирования в условиях цифровой экономики.

Цифровая экономика способствует появлению новых объектов гражданских прав. Гражданский кодекс уже дополнен нормой о цифровых правах. Появление цифровых объектов обуславливает изменение не только его форм, но и состояние самого гражданского права. Понять правовую природу таких новых объектов как цифровые права достаточно сложно. В научной среде высказывается мнение, что дальнейшее развитие системы объектов гражданских прав приведет к включению новых объектов в имущественную группу в качестве промежуточной (между вещами и имущественными правами) объектной категории, а также будет способствовать сложностям их участия в гражданском обороте, например, при наследовании.

Дело в том, что технически невозможно осуществление наследование цифровых активов, если наследник не обладает информацией, обеспечивающей доступ к ним, хотя, как справедливо отмечает Т.С. Яценко, «с юридической точки зрения, такие права как цифровые, включаются и могут включаться в наследственную массу и передаваться наследнику». Вопрос принадлежности цифровых прав и получение доступа к ним наследником наследников на сегодняшний день не урегулирован и не решаем технически.

Соответственно, одна из тенденций в сфере гражданско-правового регулирования цифровой экономики будет заключаться в создании новых гражданско-правовых механизмов и институтов для решения этого вопроса. Высказывается мнение, что «решение предполагается в предоставлении доступа к реестру цифровых транзакций только через цифровой кошелек,

который будет открываться оператором обмена цифровых финансовых активах лишь после прохождения процедуры идентификации его владельца».

В этой связи возникнет необходимость создания контролирующего органа, в функции которого могло бы входить отслеживание сделок с цифровыми активами и обеспечением доступа к ним. Конечно же создание дополнительного контролирующего органа может породить определенные негативные последствия, связанные с уязвленностью носителей персональных данных.

Интенсивное развитие интеллектуального права в условиях цифровизации экономики порождает проблему урегулирования больших данных, которая заключается в поиске оптимального соотношения между законодательными ограничениями и административными барьерами и правами физических лиц, обусловленных защитой их персональных данных физических лиц.

Необходимость соблюдения баланса с иными конституционными правами, особенно правом каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также свободой массовой информации, становится ключевым фактором развития гражданско-правового регулирования в условиях цифровой экономики.

В любом случае, общая гуманистическая концепция приоритета прав человека и положения ст.2 Конституции РФ остаются в основе любых изменений, в том числе в формирующемся обществе цифровой экономики

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25 - 42.

2. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 15 - 30.

3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017.

4. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами современности // Журнал российского права. 2018. № 9.

5. Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. 2019. № 2. С. 11 - 14.

Казанцева Екатерина Валентиновна,
старший преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук.
Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России

Kazantseva Ekaterina Valentinovna,
Senior lecturer of the Department of state and civil law
disciplines. Candidate of sciences (jurisprudence / law).
Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ СДЕЛОК: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

STATE REGISTRATION OF TRANSACTIONS: THE ISSUES OF LEGAL REGULATION

Автором проанализировано правовое регулирование понятия «государственная регистрация сделки» в гражданском законодательстве. Указано на недостатки правового регулирования и пути их устранения.

The author analyzes the legal regulation of the concept of "state registration of a transaction" in civil legislation. The author points out the shortcomings of legal regulation and ways to eliminate them

Понятие «государственная регистрация сделки» впервые появляется с принятием нового Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 1994 году в ст. 164 [3]. С момента принятия нового кодекса и до сегодняшнего дня указанная статья претерпела существенных изменений лишь раз и только в 2013 году. И если первичное ее [нормы] утверждение содержало описательный характер, то после внесения изменения норма стала отсылочной, отправляя субъектов правоотношений к различным нормативно-правовым актам. Основным законом, к которому отсылала норма, был Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», однако с 1 января 2020 года он утратил силу в связи с изданием Федерального закона от 03.07.2016 № 361-ФЗ [11]. Несмотря на это сегодня, действует достаточное количество законодательных актов содержащих нормы о необходимости государственной регистрации сделок, к примеру: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижи-

мости» [10] (далее – ФЗ № 218-ФЗ от 13.07.2015) – указанный закон направлен на государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделки с ним; Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ – следует отметить то, что данный закон содержит указание на «государственную регистрацию договора», но ведь общеизвестно, что договор это разновидность сделки [8]; Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ, также содержит норму (ч. 3 ст. 12) с указанием на государственную регистрацию договора водопользования [2]; Федеральный закон от 25.12.2008 № 284-ФЗ – с указанием на необходимость государственной регистрации сделок, предусматривающих использование единых технологий (ст. 14 закона) [8] и так далее.

Не стоит забывать и об указаниях, на необходимость государственной регистрации сделок непосредственно, в гражданском законодательстве. Такое указание, в некоторых случаях опосредуемое, содержат нормы: п. 3 ст. 8.1 ГК РФ (при регистрации прав на имущество); п.3 ст. 131 ГК РФ (при регистрации прав на недвижимость); п. 2 ст. 389 ГК РФ (об уступке требования из сделки) [3]; п. 2 ст. 573 ГК РФ (отказ от дара); п. 2 ст. 609, п. 2 ст. 651, п. 2 ст. 658 ГК РФ (аренда имущества, в том числе предприятия) [3]; п. 2 ст. 1028 ГК РФ (права пользования по договору коммерческой концессии) [4] и так далее.

Следует отметить, что указанные нами перечни далеко не полные, несмотря на это законодатель не раскрывает понятия государственная регистрация сделки, к тому же не придает должного внимания его правовому регулированию. Ученые, затрагивающие вопросы государственной регистрации сделки, ее определения также не наводят, при этом определяют ее место или роль в гражданских правоотношениях, по-разному. Так, например, по мнению одних ученых государственная регистрация сделок является одним из видов государственной регистрации [1, С.101], по мнению других – она носит вспомогательный характер [7, С. 153].

Поведенный анализ ГК РФ и иных законодательных актов, на предмет указания и раскрытия понятия «государственной регистрации сделки» позволяет утверждать следующее:

Во-первых, государственная регистрация сделки неразрывно связана с такими понятиями как: государственная регистрация прав на имущество (ст. 8.1 ГК РФ) и государственная регистрация недвижимости (ст. 131 ГК РФ). Эта неразрывная связь проявляется непосредственно на указаниях законодателя о возникновения правоотношений только после соответствующей

щей записи в государственный реестр. Принимая во внимания тот факт, что действия указанные в ст. 8.1 ГК РФ и ст. 131 ГК РФ осуществляются на основании сделки (договора) субъектов правоотношений, считаем, что государственная регистрация сделки является родовым понятием, тогда как государственная регистрация прав на имущество и государственная регистрация недвижимости – видовым.

Во-вторых, требование о «государственной регистрации сделок» – это существенное условие сделки (договора).

Так, одним из существенных условий, как определил законодатель в п. 1 ст. 432 ГК РФ, является условие, которое указано законодателем и необходимо для данного вида договора. Правило о государственной регистрации сделок – это императивное требование законодателя, но применимое не ко всем сделкам, а только к четко указанным законодателем, к тому же правовые последствия по таким сделкам возникают только после их государственной регистрации. Такое существенное условие содержат, к примеру:

- ч. 1 ст. 1232 ГК РФ, где указано, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности признается и охраняется при условии государственной регистрации такого результата;
- п. 2 ст. 658 ГК РФ, согласно которой договор аренды предприятия подлежит государственной регистрации;
- п. 2 ст. 1028 ГК РФ, указывает, что предоставление права использования в предпринимательской деятельности пользователя комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав по договору коммерческой концессии подлежит государственной регистрации и так далее.

Также законодатель в п. 3 ст. 433 ГК РФ указал, что «договор, подлежащий государственной регистрации, считается ... заключенным с момента его регистрации ...», таким образом, без государственной регистрации договор считается незаключенным или не совершившейся или несостоявшейся.

На основании изложенного можно сделать два вывода:

- 1) государственная регистрация сделки – это одно из существенных условий сделки (договора), которое названо в законе;
- 2) законодатель расширил понятие «заключенный договор», включив в него государственную регистрацию сделок, при этом не уделил должного внимания ее правовому регулированию.

В-третьих, несмотря на расположение законодателем ст. 164 ГК РФ в § 1 (Понятие, виды и формы сделок) главы 9 ГК РФ, государственная регистрация сделки не является формой сделки. Напомним, что форма сделки – это внешний способ выражения и фиксации воли субъектов гражданских правоотношений. Выделяют два основных вида сделки: устная форма и письменная (простая и нотариальная).

Мы считаем, что государственная регистрация сделки – это письменная форма сделки. Такое утверждение нами основывается на анализе законодательных актов. Так, к примеру, в ФЗ № 218-ФЗ от 13.07.2015, указано, что для осуществления государственной регистрации собственнику имущества необходимо лично предоставить заявления и пакет иных необходимых документов, в том числе подтверждающих факт совершения сделки, непосредственно на бумажных носителях (ст. 11). Таким образом, можем констатировать, что сделки (договора), которые подлежат государственной регистрации, должны быть составлены в письменной форме.

К тому же, одни нормы гражданского законодательства указывают на государственную регистрацию как на форму договора, к примеру, ст. 658 ГК РФ: «... договор аренды предприятия подлежит государственной регистрации....» (п.2), «... несоблюдение формы договора влечет его недействительность» (п.3). А другие на требования, к примеру, ст. 1028 ГК РФ: «... несоблюдении требования о государственной регистрации предоставление права использования считается несостоявшимся» (п.3). Считаем, что разное использование законодателем терминов приводит только к неправильному пониманию, на наш взгляд правильнее вести речь о форме договора, то есть о его способе выражения, а не о требовании.

На наш взгляд, законодателю необходимо п. 1 ст. 158 ГК РФ изложить в редакции: «Сделки совершаются в устной или в письменной (простой или нотариальной, или подлежащей государственной регистрации) форме» [6, С. 205-206].

Также следует отметить, что законодатель в ФЗ № 218-ФЗ от 13.07.2015 допускает осуществления регистрации права на имущество или регистрацию недвижимости в электронной форме, при условии соблюдения проставления электронной подписи на документе уполномоченным лицом и заверением данного электронного документа электронной подписью уполномоченного должностного лица органа осуществляющего регистрацию. Однако в таком случае следует вести речь о третьей форме сделки – электронной.

В-четвёртых, государственная регистрация сделки – это юридический акт.

Юридический, так как осуществляемый, согласно действующего законодательства, только федеральным органом исполнительной власти, в том числе его территориальными органами и направлен на признания и подтверждения права (возникновения, изменения, прекращения) лица на недвижимое имущество или ограничения такого права. А акт, так как это действия, к тому же сделку законодатель определил, как действия субъектов правоотношений (граждан и юридических лиц), которые направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и гражданских обязанностей» (ст. 153 ГК РФ).

Таким образом, можем дать следующее определение государственная регистрация сделки – это юридический акт, осуществляемый федеральным органом исполнительной власти и его территориальными органами и направленный на признания и подтверждения (возникновения, изменения, ограничение или прекращения) объекта гражданских прав определенного субъекта правоотношений.

Подводя итог сказанному, отметим что, несмотря на закрепление в гражданском законодательстве ст. 164 ГК РФ «государственная регистрация сделок», а также указание законодателя на обязательность (императивность) государственной регистрации некоторых видов сделок ее правовое регулирование отсутствует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016.
2. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

6. Казанцева Е.В., Вертий С.Д. Кратко о признаках договора об установлении права застройки / Е.В. Казанцева, С.Д. Вертий // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 204-206.

7. Семенова Е.Г. Государственная регистрация сделок с недвижимостью как юридический факт в имущественных правоотношениях / Е.Г. Семенова // Сборник научных статей по итогам II Севастопольского юридического форума, прошедшего 27–28 сентября 2019 года на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / отв. ред. С.А. Васильев. — М.: Центркаталог, 2020. — С. 100-106.

8. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

9. Федеральный закон от 25.12.2008 № 284-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О передаче прав на единые технологии» // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.01.2020) // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

11. Федеральный закон от 03.07.2016 № 361-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Лазутина Людмила Федоровна,
профессор кафедры правовых
дисциплин, кандидат юридических
наук, доцент, Могилевский институт
МВД Республики Беларусь
Lyudmila Lazutina,
professor of the Department of legal
disciplines. Candidate of law,
associate Professor.
Mogilev Institute of the Ministry of
internal Affairs of the Republic of
Belarus

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК ПУТЬ ПОВЫШЕНИЯ ОТКРЫТОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INFORMATIZACSIYA I TSIFROVIZACSIYA V GRAZHDANSKOM PROTSESSE KAK PUT' POVYSHENIYA OTKRYTOSTI SUDEBNOY DEYATEL'NOSTI

Аннотация: Статья посвящена исследованию информационных технологий, применяемых в национальном гражданско-процессуальном законодательстве, анализу современных теоретических и практических направлений, проблем в области оптимизации, информатизации и цифровизации судебной деятельности

Annotation: The article is devoted to the study of information technologies used in the national civil procedure legislation, analysis of modern theoretical and practical directions, problems in the field of optimization, Informatization and digitalization of judicial activity

Право на судебную защиту закрепляется ч.1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь, где каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки и принадлежит к числу основных конституционных прав граждан и организаций в области правосудия [1].

В свою очередь обеспечение доступности правосудия для граждан, юридических лиц, как и справедливое своевременное рассмотрение, и разрешение судами гражданских дел, исполнение судебных постановлений с

целью защиты их прав и интересов, включено в число задач гражданского процессуального законодательства (ст. 5 ГПК Республики Беларусь).

На сегодняшний день обеспечение права на справедливое и публичное разбирательство в разумные сроки обуславливает необходимость оптимизации механизмов проведения судебных процессов.

В протоколе поручений Президента Республики Беларусь отражен ряд задач, где одной из приоритетных обозначена как обеспечение доступа граждан к правосудию, стимулирование эффективной и качественной работы судов, что во многом связано с ускорением работы по информатизации и цифровизации судебных заседаний и во всех видах судопроизводства. Пока эти задачи не решены в полной мере.

Для их реализации, в ближайшем будущем, безусловно, потребуется в первую очередь техническое и программное переоснащение судов, а это потребует от государства вложение соответствующих инвестиций в судебную инфраструктуру. Кроме того, дальнейшее совершенствование цифровизации судебной деятельности повлечет за собой неизбежность получения, углубления компьютерной грамотности судей и других специалистов судов.

Также, широкое внедрение компьютерных технологий в гражданский, уголовный или административный процесс потребует, как изменения квалификационных требований в отношении отдельных должностей, так и проведения системных, конкретных мероприятий по их обучению с современным программным обеспечением [2, С. 6].

Что, в общем, можно понимать под информатизацией? Под информатизацией судебной деятельности следует понимать совокупность процессов проектирования, создания, внедрения и эксплуатации правовых ресурсов, средств, способов их формирования, обработки и использовании в целях повышения эффективности и качества правосудия, для своевременной защиты и реализации прав граждан [3].

Необходимо отметить, что отдельные элементы информатизации и цифровизации в национальном гражданско-процессуальном законодательстве закреплены и действуют. Так, приказом Председателя Верховного Суда Республики Беларусь 20.09.2018 № 74 утверждена инструкция по делопроизводству в районных (городских) судах Республики Беларусь, регламентирующая в п.119 алгоритм действий в частности секретаря судебного заседания. На современном этапе, при наличии в суде технической возможности судьями при поступлении соответствующего ходатайства,

принимаются решения об использовании звуко- или видеозаписи, системы видеоконференцсвязи и мотивируется как для обеспечения полноты протокола судебного заседания. Однако не всегда удовлетворения заявленных ходатайств возможно.

Так, при возникновении обстоятельств, не позволяющих осуществить фиксацию хода судебного заседания, с использованием, установленного в зале судебного заседания комплекса звукозаписи, в большинстве случаев используется диктофон.

В случае если в судебном заседании по гражданскому делу использовалась звуко- или видеозапись, система видеоконференцсвязи, специалист, в сфере информационных технологий после окончания судебного процесса: производит запись фонограммы с комплекса звукозаписи на электронный носитель информации; осуществляет проверку качества записи и сохранения целостности данных при их копировании. В последующем действие специалиста, секретаря судебного заседания осуществляются по правилам п.128 вышеуказанной инструкции.

После проверки запись фонограммы передаются секретарю судебного заседания, для проверки фонограммы на электронном носителе информации на предмет принадлежности рассматриваемому делу путем выборочного прослушивания, где последний упаковывает электронный носитель информации в конверт, маркирует его и электронный носитель информации, приобщает к материалам дела с последующим хранением.

При проведении аудиофиксации с использованием диктофона секретарь судебного заседания по окончании процесса передает диктофон специалисту для осуществления копирования на электронный носитель информации и создания резервной копии фонограммы на серверном носителе. Резервная копия файла хранится в суде первой инстанции в течение двух лет со дня проведения судебного процесса на серверном оборудовании. Электронный носитель информации уничтожается вместе с делом по окончании срока хранения дела, при этом в соответствии с действующим гражданско-процессуальным законодательством протокол судебного заседания составляется обязательно и в полном объеме.

Однако уже в ожидаемом, скором времени принятия в данном направлении законопроекта Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь—протокол судебного заседания заменит аудио или видеозапись, составляться будет, но предельно кратко.

Следует отметить, что в большинстве судов Республики Беларусь ведение всех гражданских процессов в судах первой инстанции осуществляется с использованием именно диктофонов в виду недостаточной оснащенности и приспособленности помещений, исключение составляют лишь недавно построенные так называемые «Дворцы правосудия». Как элемент применения информатизации в судах Республики Беларусь в гражданском процессе можно рассматривать тот аспект, что с некоторой, дозированной информацией можно ознакомиться на сайте Верховного суда Республики Беларусь, на Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь в разделах—правосудие в Республике Беларусь, суды, судебная практика, т.е. можно ознакомиться с некоторыми откорректированными постановлениями Верховного суда Республики Беларусь размещенными на сайте и в открытом доступе.

Информатизация судебной системы внедрение и использование современных информационных технологий в деятельность судебной системы называется одним из основных направлений комплекса мероприятий по повышению качества правосудия, является одним из способов доступности, прозрачности и эффективности ее деятельности.

Стремительное развитие информационных технологий, диктуют необходимость использования в деятельности судебной системы новых подходов. На основе международного опыта в судах Республики Беларусь в ближайшее время планируется оптимизация работы по созданию и внедрению новой автоматизированной информационно-аналитической системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) и обеспечению информационного взаимодействия с базами отдельных государственных органов. Цель сотрудничества государственных органов с Верховным судом в рамках двухсторонних соглашений—оперативное получение информации необходимой для правосудия.

Кроме того, данная система позволит в автоматическом режиме исключить из текстов персональные данные и обеспечит условия для формирования общедоступного электронного банка судебных решений и организации доступа к нему на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь.

Разительно в плане информатизации и цифровизации отличается работа судов Российской Федерации.

В настоящее время в судебной системе Российской Федерации применяется Государственная, автоматизированная система «ПРАВОСУДИЕ»

которая предусматривает автоматизацию рабочих мест судей и других работников судов, ведение аудиозаписи судебных процессов, информирование граждан о деятельности судов, путем публикаций на Интернет-сайтах информации о рассматриваемых делах и судебных решениях. Практически все залы где проходят судебные заседания оснащены системами аудиопроколирования.

Официальные сайты в сети «Интернет» имеют все суды где постоянно размещается определенная информация о их деятельности. Работа по размещению в электронном виде текстов судебных решений в Верховном Суде РФ началась еще в 2002 году. В настоящее время используются и другие системы в регионах, например, «Судебный кабинет» [4].

Вместе с тем необходимо отметить существенные критерии, такие как этический или моральный при введении новых технологий при проведении судебных процессов. Полагаю, что не все граждане и юридические лица готовы ко всем новшествам в частности размещения на интернет-портале информации о них или о гражданском деле с их участием даже при удалении персональных данных из судебных постановлений. Проживание в небольшом населенном пункте участника процесса делает быстрой и доступной информацию о нем или его деятельности для всех, но которую он намеривался скрыть или не желал бы предать огласке.

Таким образом, можно констатировать внедрение новых, современных технологий в судебную систему Республики Беларусь бесспорно позволит значительно повысить уровень доступа населения к правосудию, в значительной степени улучшить его качество, создаст оптимальные, реальные условия для быстрого получения необходимой информации в том числе и о деятельности судов. Информатизация и цифровизация способны оптимизировать деятельность судебной системы в целом, приведения всех процессов станут более прозрачными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. Калинкович, В. Л. Работу судов – на принципиально новый организационный, качественный и технический уровень / В. Л. Калинкович // Судовы веснік. – 2019. – № 4. – С. 6.

3. Информатизация судебной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/dannie/o/licah/opravdanni/sudami/>. – Дата доступа : 06.02.2020

4. Информационные технологии в судах России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://worldjurist.ru/content.php?id=68>. – Дата доступа : 06.02.2020.

Малышева Наталия Александровна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Malysheva Natalia Alexandrovna,
student past graduate of the faculty of training of scientific,
pedagogical and scientific personnel.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ
ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ
ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ,
И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF LEGAL RELATIONS FOR
COMPENSATION OF DAMAGE CAUSED BY LAWFUL ACTIONS OF
STATE BODIES, AND THEIR CURRENT STATE**

В статье рассмотрен генезис правоотношений по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов. Автор статьи указывает, что существовавшие источники гражданского законодательства до 2012 года не предусматривали отдельную статью для указанной группы правоотношений. Однако, вступившие в силу изменения повлекли за собой многочисленные дискуссии относительно места указанных правоотношений в системе гражданско-правовой ответственности и обязательственном праве.

The article considers the genesis of legal relations for compensation of harm caused by lawful actions of state bodies. The author of the article points out that the existing sources of civil legislation before 2012 did not provide for a separate article for this group of legal relations. However, the changes that have

come into force have led to numerous discussions about the place of these legal relations in the system of civil liability and liability law.

Деятельность государства на протяжении всей истории его существования была направлена на обеспечение охраны прав личности и собственности. Неотъемлемым атрибутом жизни любого общества являлись и являются проблемы реализации субъективных прав граждан, так как их нарушение неизбежно влечет причинение вреда. Потребность в возмещении причиненного вреда упоминалась еще в древнейшем памятнике права Древнего мира – в законах Хаммурапи [1, С.129]. Несмотря на казуистичность и примитивную правовую технику, Законы Хаммурапи обладали правовым воздействием на членов общества. Кроме того, в тексте Законов содержались зачатки современных правоотношений по возмещению причиненного вреда. Далее отношения по возмещению причиненного вреда получили свое закрепление в первых римских писаных законах – Законах XII таблиц, в Законе Аквилы (Lex Aquilia) - приблизительно от 286 г. до н.э. Последующее развитие правоотношений по возмещению причиненного вреда шло по пути дифференциации деяний, за которые предусматривалась ответственность.

Первым древним источником русского права, объединяющим обычное право, право византийских источников, и законотворческую деятельность древнерусских князей, принято считать Русскую Правду (XI–XII вв.). Русская Правда предусматривала возникновение правоотношений по возмещению вреда, причиненного преступлением (обидой). При этом в Русской Правде нет разграничений уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений в силу недостаточной развитости системы права в целом. Так, укрывающий холопа должен был вернуть его и заплатить штраф; взявший чужое имущество (коня, одежду) должен вернуть его и заплатить 3 гривны штрафа (ст.ст. 12,13 Краткой Правды) [2].

Анализ норм дореволюционного законодательства позволяет утверждать, что отношения по возмещению вреда возникали либо из договоров, либо из противоправных действий. В случаях же причинения вреда правомерными действиями, его возмещение законом не предусматривалось. Закон вообще не предусматривал ответственность государства и государственных органов за причинение вреда.

Впервые идеи ответственности государства за вред, причиненный его должностными лицами, были установлены в Судебнике 1550 года, который устанавливал материальную и уголовную ответственность судей за

неправильно вынесенное решение за взятку. Судья обязан был возместить истцу сумму иска, а также все судебные пошлины в трехкратном размере. Само деяние рассматривалось, как должностное преступление. Возмещение ущерба, назначалось Судебником в случаях превышения должностными лицами своих полномочий («лихоимство») или неправосудия [3, С. 13].

Устав гражданского судопроизводства 1864 года в Книге третьей «Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства» предусматривал раздел II «О взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц». С.Ф. Афанасьев и Т.А. Григорьева справедливо отмечают, что законодательство того времени довольно полно раскрывало процедуру судебного ведомства ко всякого рода юридической ответственности [4, С. 24].

С образованием СССР все действующее в период Российской Империи законодательство было нивелировано в силу несоответствия сложившимся общественным отношениям. Довоенное гражданское законодательство было представлено Гражданским кодексом СССР 1922 года, который устанавливал ответственность учреждения за вред, «причиненный неправильными служебными действиями должностного лица лишь в случаях, особо указанных законом, если неправильность действий признана надлежащим судебным или административным органом» [5]. Указанная формулировка не могла считаться удачной, поскольку законодатель был вынужден принимать новые законодательные акты. Такая позиция законодателя практически исключала возможность привлечения государства к ответственности. По справедливому замечанию К.М. Варшавского, советское право провозглашало принцип безответственности государства в области внедоговорного вреда, причиненного действиями должностных лиц [6, С. 180].

5 декабря 1961 года седьмая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва утвердила Основы гражданского законодательства СССР (далее – Основы 1961 года), а вместе с тем, и новый порядок компенсации вреда, причиненного государством и его органами. Ст. 89 Основ 1961 года устанавливала ответственность государственных учреждений за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц в области административного управления. Данная норма значительно упрощала процедуру привлечения государства к ответственности по сравнению с Кодексом 1922 года. Отдельным видом обязательства в ГК СССР 1964 года являлось возмещение вреда, понесенного гражданином при спасании

социалистического имущества от угрожающей ему опасности. В данном случае вред должен был быть возмещен той организацией, имущество которой спасал потерпевший. Данная норма стала одним из первых шагов на пути правоотношений возмещения вреда, причиненного правомерными действиями. С принятием ГК РФ 1994 года вопрос о возмещении вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов, также не решался. До 2012 года ГК РФ предусматривал нормы, регулирующие отношения по возмещению ущерба, причиненного только незаконными действиями государственных органов, должностях лиц. Однако Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, принятая в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Концепция), установила, что с начала 1990-х годов в стране произошли значительные экономические и социальные преобразования, требующие должного отражения в законодательстве. При этом Концепция исходила из экономически и логически обоснованного, оправдавшего себя существовавшего гражданского законодательства [7]. Одним из пунктов развития гражданского законодательства, согласно Концепции, стало усиление и повышение эффективности гражданско-правовой ответственности, а также усиление компенсаторной функции гражданского законодательства.

С 1 марта 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 30.12.2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой гражданского кодекса Российской Федерации» [8] (далее – Закон), положивший начало новому витку развития гражданских правоотношений. Прежде всего, названный Закон установил принципиально новую возможность компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления.

В соответствии со ст. 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), «в случаях и в порядке, предусмотренных законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации» [9]. Указанная норма стала поистине новой, но в то же время действительно необходимой для реализации прав граждан доступа к правосудию, поскольку прежние нормы предусматри-

вали возмещение убытков, причиненных только незаконными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. В.А. Бабаков утверждает, что правомерные действия, влекущие причинение вреда, достаточно распространены в гражданском обороте, и прежнее законодательство фактически обязывало суды отказывать заявителям в удовлетворении требований о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государства [10, С. 294]. С.В. Потапенко называет возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями публичной власти, явлением новым, но не революционным [11, С. 39].

На сегодняшний день отношения по возмещению ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, как новый вид гражданско-правовых отношений, порождают дискуссии среди цивилистов относительно их места в гражданском праве.

Статья 16.1 ГК РФ предусматривает компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия. Законодатель применяет в данном случае понятие «компенсация ущерба», что, по нашему мнению, окрашивает возникающие правоотношения в «мирные тона». Иными словами, государство как бы согласно возместить ущерб, но при этом не считает это мерой ответственности и обязательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идрисов Х.В. История зарождения института правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека: законы Хаммурапи и Дигесты Юстиниана // Вестник Чеченского государственного университета. № 4. Т.36, 2019. С. 122-128

2. Русская Правда // [Электронный вариант] : http://www.rpravda.uniyar.ac.ru/book/rusprav_long.pdf

3. Ананьева Н.Г. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1550 года / Вектор науки Тольятинского государственного университета. № 2 (13), 2013. С. 12-14

4. Афанасьев С.Ф., Григорьева Т.А. Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный виновными действиями суда, и

процессуальный механизм его осуществления: вопросы истории // Администратор суда. 2013. № 4. С. 24-27.

5. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 12.06.1945) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Известия ВЦИК, № 256, 12.11.1922

6. Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда. М., 1929. 228 с.

7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009.

8. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012 г. № 53 (ч.1), ст.7627

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «Консультант Плюс»

10. Бабаков В.А. Гражданско-правовая защита интересов государства: монография // под науч. ред. Е.В. Ваваилина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 344 с.

11. Потапенко С.В. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления // Власть Закона. 2013. № 4 (16). С. 39. 38-42.

Мельник Сергей Васильевич,
профессор кафедры гражданско-правовых
и экономических дисциплин
Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
Орловский юридический институт МВД России
им. В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент
Melnik Sergey Vasilievich,
Professor of the Department of Civil Law and Economic Disciplines
of the Federal State Treasury Educational Institution
of Higher Education Orel Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation V.V. Lukyanova,
Candidate of Law, Associate Professor;
Ломовская Алина Вячеславовна,
курсант 301 учебной группы факультета подготовки
следователей Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
Орловский юридический институт МВД России
им. В.В. Лукьянова
Lomovskaya Alina Vyacheslavovna,
Cadet 301 of the study group of the faculty for the train-
ing of investigators of the Federal State Treasury Educa-
tional Institution of Higher Education Orel Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Fed-
eration named after V.V. Lukyanova

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

INTERSTATE AUTHORITIES FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы межгосударственной защиты прав и свобод человека. Дана характеристика межгосударственным и региональным органам по защите прав и свобод человека. Выяснено, что деятельность их различна, но все они имеют общую цель - защита прав и свобод человека.

Abstract: This article discusses the problems of interstate protection of human rights and freedoms. The article describes interstate and regional bodies for the protection of human rights and freedoms. It was found out that their ac-

tivities are different, but they all have a common goal - the protection of human rights and freedoms.

Современная эпоха международного права отличается интенсивным развитием права прав человека.

Одновременно с тенденцией интенсивного развития прав человека наблюдается проблемы международной защиты прав человека, обусловленные такими вызовами и угрозами как этнические и религиозные конфликты, дискриминация и сепаратизм, нарушение свободы выражения мнения и мысли, т.е. в совокупности личных, социальных, экономических, политических прав. Поэтому ключевой интерес вызывает степень ответственности государства за нарушение различных категорий прав и свобод человека.

В связи с развитием общества, международному праву так же необходимо совершенствоваться. О развитии данной отрасли права свидетельствует усовершенствованная система защиты прав человека, так как права и свободы являются приоритетными.

Названная система защиты состоит из трех уровней: международный, региональный и национальный. Каждый уровень характеризуется своими особенностями и имеет различные этапы развития. Самый авторитетный механизм сотрудничества в области прав человека создали действующие межгосударственные органы защиты прав и свобод человека. Государства мира заключают значительное количество договоров между собой в сфере защиты прав и свобод человек.

Устав ООН уделил правам человека много внимания и вскоре связал себя с ними родственными связями, приняв 10 декабря 1948 года Всеобщую декларацию прав человека.

Этот основополагающий документ обладает огромным моральным и политическим значением в международном праве. Он определил вектор и механизм развития различных Советов и Комитетов по защите прав человека в структурах ООН. На протяжении второй половины 20 века создаются новые органы и посты в ООН, обеспечивающие защиту прав человека.

На современном этапе в состав Совета входят 47 государств, в том числе Российская Федерация.

ООН включает в себя различные способы защиты прав и свобод человека, например, существует специальное учреждение – Международная организация труда (далее – МОТ).

МОТ занимается вопросами регулирования трудовых отношений и приняла за время существования 188 конвенций и 199 рекомендаций в области занятости и защиты прав трудящихся. В Декларации МОТ, в настоящее время включенную в Устав МОТ включены определенные принципы, способствующие функционированию данного учреждения

Помимо органов по защите прав человека при ООН, существуют механизмы защиты прав человека, применяемые регионально.

Практически неизвестный в России Межамериканский Суд по правам человека (сокращенно МАСПЧ) является вторым по активности и по авторитету международным судом по правам человека[1, с. 57].

Межамериканский Суд, созданный по инициативе Объединения Американских государств, является продолжателем идей Панамериканского союза, который существовал с 1889 года.

В 1959 году в г. Сантьяго было принято решение о создании Межамериканской комиссии по правам человека (далее – МАКПЧ), деятельность которой регламентируется утвержденным в октябре 1979 г. Резолюцией Генеральной ассамблеи (далее - ГА) ОАГ № 447 Статутом Суда, а также принимаемыми самой Комиссией Правилами-процедурами.

Межамериканский суд по правам человека (далее - МАСПЧ) является ключевым элементом региональной межамериканской системы защиты прав человека, имеющей давнюю историю, начавшейся, как и в Европе, после Второй мировой войны[2, с. 99].

Однако в силу экономических, политических, культурных и иных особенностей, присущих странам Южной и Латинской Америки, межамериканская система изначально покоится на ином фундаменте, идет своим путем, накопила уникальный опыт, который может быть использован другими региональными судебными системами.

В настоящее время членами ОАГ являются 35 государств: среди них такие хорошо развитые страны как: Куба, Мексика, США, Канада и наименее развитые страны: Уругвай, Ямайка, Гренада, Суринам, Доминика, Гайана и другие.

Главной функцией Суда является продвигать соблюдение и защиту прав человека и служить консультативным органом на Американском континенте. Штаб-квартира МАКПЧ расположена в г. Вашингтоне.

В 1981 году была создана Комиссия по правам человека и Африканский Суд по правам человека, местонахождением которых является г. Бан-

джуле (Гамбия) и г. Аруше (Танзания). АСПЧ начал действовать лишь в 2006г., приняв к 2012 г. решения по 11 делам.

В арабских странах и странах Юго-Восточной Азии существуют зачатки механизмов защиты прав человека: Арабская Хартия прав человека 1984г. и Азиатская Декларация прав человека 2012г. и созданные Арабский Комитет по правам человека и региональная комиссия по правам человека Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, в сокращении АСЕАН. Из-за отсутствия реально действующей системы применения Азиатской Декларации на практике, т.е. отсутствие палаты или суда по правам человека - эта декларация является необязательной к исполнению.

Если рассматривать межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, созданные на постсоветском пространстве, то следует отметить Комиссию СНГ по правам человека.

На рубеже 1991–1992 гг. было создано Содружество Независимых Государств. На настоящий момент Конвенцию СНГ ратифицировали три государства: Республика Таджикистан, Российская Федерация, Республика Беларусь. Подписали межгосударственное соглашение и не ратифицировали до настоящего времени: Республика Армения, Грузия, Киргизская Республика, Республика Молдова. Сессии созываются не реже 1 раза в год.

Конвенция СНГ содержит общепризнанные нормы и принципы прав и основных свобод человека, а также гарантирует их соблюдение Содружеством Независимых Государств. Важно отметить, что СНГ и его органы не являются надгосударственными образованиями и функционируют на добровольной основе.

Для развития правовой и судебной системы России наибольший интерес представляет региональная общеевропейская система защиты прав человека. Именно она общепризнана как наиболее эффективная, т.к. Совет Европы является старейшей региональной организацией в международной системе прав человека.

Подводя итоги можно утверждать, что в современном мире существует значительное число межгосударственных органов по защите прав и свобод человека. Наряду с организациями по защите прав человека при Организации Объединенных Наций, почти на каждом континенте мира осуществляют деятельность межгосударственные судебные органы. Регламент и компетенция их деятельности различны. Все они руководствуются международными договорами в области защиты прав и свобод человека.

Цель их деятельности – защита основных прав и свобод человека, провозглашенных Всемирной декларацией прав человека 1948 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожеуров Я.С. Консультативная юрисдикция международного суда: опыт межамериканского суда по правам человека //Российский юридический журнал, 2012, № 4.

2. Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие, 2017, № 1 (21).

Петров Игорь Валентинович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической безопасности
Кубанского государственного технологического
университета; профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Южного института менеджмента

Petrov Igor Valentinovich,
Doctor of Economics ' Professor. Professor of the
Department of economic security of the Kuban state
technological University; Professor of the Department of
civil and legal disciplines of the southern Institute of
management;

Балабанов Андрей Александрович,
аспирант кафедры экономической безопасности
Кубанского государственного технологического
университета

Balabanov Andrei Aleksandrovich,
Post-graduate student of the Department of economic
security of the Kuban state technological University

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

PROBLEMS OF LEGAL ENSUREMENT OF ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Аннотация: в статье дается анализ угроз экономической безопасности Республики Крым, предлагаются меры по их минимизации

Annotation: the article gives an analysis of the threats to the economic security of the Republic of Crimea, offers measures to minimize them

Экономическая безопасность как общественное явление имеет свою структуру. Элементами можно считать финансовую, внешнеэкономическую, продовольственную, отраслевую, региональную составляющие. Основная цель экономической безопасности выражается в стабильности экономики государства, возможности ее эффективного саморазвития. Учитывая значительную протяженность границ и федеративное устройство РФ, особую актуальность исследуемые вопросы получают на уровне регионов [1].

Экономическая безопасность государства в целом зависит от эффективности реализации элементов всей системы на уровне субъектов РФ. Экономическая безопасность региона обусловлена следующими факторами:

- требуется строить собственную экономическую политику;
- необходима реализация значимых политических и экономических преобразований в государстве;
- требуется реализовывать эффективные экономические мероприятия по определенным социально-экономическим экстремальным ситуациям в рамках определенного субъекта РФ;
- следует оказывать помощь по договорным обязательствам отдельным регионам;
- необходимо соблюдать соответствие на территории региона экономических нормативов, которые считаются общепринятыми в мировой практике и обеспечивают достойный уровень и качество жизни населения [2, с. 129].

Социально-экономическое развитие Республики Крым осуществляется в достаточно сложных условиях, с точки зрения экономического и геополитического положения. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации усугубили многие проблемы, которые в любое время могут повлечь за собой военный конфликт на границе с Украиной. Все это создает угрозу экономической безопасности данного субъекта РФ.

Обеспечение экономической безопасности конкретного региона обусловлено определенными обстоятельствами, которые оказывают существенное влияние на экономику, соответственно, позитивно либо, напротив негативно отражаются на социальном благополучии населения.

Если рассматривать вопросы экономической безопасности какого-либо региона РФ, то в первую очередь будут превалировать организационные, социальные, финансовые условия. Относительно Крыма, то эти усло-

вия и факторы значительно осложняются. В настоящее время на границах Украины возникла военная угроза, поскольку многие иностранные государства не признают интеграцию Крыма в состав Российской Федерации. В результате можно наблюдать негативный фон для жизнедеятельности данного региона. В Республике Крым имеют место и внутренние трудности: коррупция, непрофессионализм кадров, неумение и нежелание некоторых представителей власти исполнять функциональные обязанности, национальные конфликты. Названные обстоятельства затрудняют развитие легкого вхождения Республики Крым в правовое поле Российской Федерации.

Рассматривая условия и факторы экономической безопасности Республики Крым, можно наблюдать как положительные, так и отрицательные аспекты.

Возможности успешного развития экономической безопасности региона во многом зависят от таких факторов, как географическое положение, климат, уровень экономического роста. Учитывая уникальное географическое положение, Республика Крым занимает важное геополитическое место в Азово-Черноморском бассейне.

Можно назвать и негативные факторы. С момента вхождения региона в состав Российской Федерации Украина приостановила подачу днепровской воды в Республику Крым. С марта 2014 года было прекращено авиасообщение с полуостровом, поскольку Украина закрыла воздушное пространство. Далее возникли трудности с транспортным сообщением между Украиной и Крымом, а концу 2014 года прекратилось железнодорожное сообщение. Во второй половине 2015 года прерваны все торговые отношения. В ноябре 2015 Украина прекратила подачу электроэнергии в Крым, тем самым нанесла существенный социально-экономический удар по региону. По сути, фактически были прекращены экономические, финансовые, транспортные, иные отношения, утрачены гуманитарные связи жителей Крыма и Украины [3, с. 15].

Можно назвать и другие трудности, которые имели место в экономике Республики Крым: недостаточность природных и энергетических ресурсов, зависимость поставок сырья и комплектующих с материковой России, запрет экспорта в страны ЕС, а также импорта продукции из этих стран, недостаточность финансовых ресурсов и жесткие условия получения кредитов. Помимо этого часть предприятий и организаций, которые представляли материнские компании с Украины, прекратили свою деятельность. Снижение темпов развития промышленности в Республике

Крым можно считать важнейшим отрицательным фактором экономической безопасности.

Главный фактор – необходимость организовывать деятельность региона на основе стандартов и законов новой страны.

В.И. Срибный, осуществляя сравнительный анализ различных показателей Республики Крым и других регионов РФ в 2017 году, пришел к выводу о том, что уровень экономического развития региона гораздо ниже показателей других субъектов РФ. Так, приводятся следующие цифры: по среднемесячной номинальной начисленной зарплате регион находится на 65 месте по РФ; по ВРП в текущих ценах на душу населения – на 84 месте; по объему поставки произведенного товара – на 78 месте и т.д. [4, с. 1701].

Преодолеть указанные проблемы возможно посредством повышения темпов экономического роста, расширения производства, основываясь на цифровых технологиях, с помощью бюджетного инвестирования.

Для повышения производительности труда требуется рост трудового ресурса и развитие высококачественных технологий. На эти процессы значительное влияние имеют реформы, проводимые в сфере здравоохранения и образования. С целью технологического рывка необходимо успешное развитие науки и образования, обучение высокопрофессиональных кадров в информационной сфере [5].

С целью роста социально-экономического развития Республики Крым разработана Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [6], в которой сформулированы линии стратегического планирования, основные цели, задачи, главные направления развития, правовые механизмы и достаточное финансирование. Главными стратегическими целями являются достижение высокого уровня развития человеческого капитала, создание инновационной и инвестиционно-привлекательной экономики.

Фундамент экономики полуострова составляют три сферы деятельности: промышленность, сельское хозяйство, санаторно-курортная и туристическая сфера. В Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года указано, что для установления главных направлений развития экономики Республики Крым были учтены те сферы деятельности, которые можно считать локомотивом преобразований и позитивных изменений, а также те, которые имеют очень благоприятные условия для развития, учитывая природный и ресурсный потенциалы полуострова (туризм и санаторно-курортное лечение, агропромышленный

комплекс, производство композиционных материалов, судостроение и приборостроение, отрасли в области информационно-телекоммуникационных технологий, фармацевтика и т.д.).

В Стратегии названы основные риски развития Республики Крым и механизмы противодействия. Ключевыми группами рисков являются – экономические и социальные риски, а также риски государственного управления и безопасности. В частности, для противодействия основной опасности – усиление международной и геополитической изоляции региона, необходимы: полноценная экономическая интеграция Республики Крым в состав Российской Федерации за счет вхождения в регион крупных субъектов российской экономики, разработка и реализация комплекса инструментов стимулирования развития приоритетных отраслей экономики, углубление сотрудничества с другими регионами РФ, странами Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, разработка специальных мер стимулирования создания совместных с зарубежными партнерами высокотехнологичных предприятий и т.д.

Подводя итог, можно сказать, что существенной проблемой для экономического развития Республики Крым в целом и обеспечения экономической безопасности является слабая нормативная база, низкий уровень судебной деятельности. Целесообразно применять меры, обеспечивающие сферу экономической безопасности и, в первую очередь, реформирование государственной службы, формирования конкретного регламента деятельности государственных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экономическая безопасность. Экономико-правовое обеспечение: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / под общ. ред. А.С. Молчана, И.В. Петрова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 335 с. — (Серия «Экономика. Управление. Бизнес»). ISBN 978-5-238-03329-7.

2. Петров И.В Превентивное антикризисное управление в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Terra Economicus. - 2012. - Т. 10. - № 1-3. - С. 129-132.

3. Воробьев Ю.Н., Порицкий Д.В. Факторы и условия обеспечения финансово-экономической безопасности Республики Крым // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2016. - № 1. – С. 15.

4. Срибный В.И. Обеспечение экономической безопасности Республики Крым: угрозы и контрмеры // Экономические отношения. – 2019.- Том 9. - № 3. – С. 1701.

5. Маркарян В.Р. Роль этноэкономики региона в социально-экономическом развитии Республики Крым // Региональная экономика и управление. – 2020. - № 1 (61).

6. Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. - 2017. - № 1

Петров Игорь Валентинович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической безопасности
Кубанского государственного технологического
университета; профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Южного института менеджмента

Petrov Igor Valentinovich,
Doctor of Economics ' Professor. Professor of the
Department of economic security of the Kuban state
technological University; Professor of the Department of civil
and legal disciplines of the southern Institute of management ;

Дементеева Ирина Ильинична,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России

Dementieva Irina Ilinichna,
Candidate of law, associate Professor. Professor of the
Department of civil law and procedure of the Krasnodar
University of the Ministry of internal Affairs of Russia

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

LEGAL ENFORCEMENT OF ECONOMIC SECURITY IN DIGITAL TRANSFORMATION

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции развития цифровой экономики, угрозы экономической безопасности в условиях цифровой трансформации, вопросы предотвращения и устранения рисков для цифровой экономики.

Abstract: the article discusses the main trends in the development of the digital economy, threats to economic security in the context of digital transformation, issues of preventing and eliminating risks for the digital economy.

Развитие экономики в современном мире, основано на использовании новейших цифровых технологий. Цифровая трансформация означает процесс системных изменений под влиянием информатизации общества. Этот процесс проявляется в усложнении объектов, когда в экономической деятельности превалирует информационный обмен (уровень которого глобальный, а не региональный) над обменом физическими объектами; приоритет в качестве экономического ресурса приобретают знания (интеллектуальный капитал), а не деньги. Основным средством массовых коммуникаций является телекоммуникационная сеть «Интернет», организационная структура означает сетевую организацию, а не иерархию, происходит изменение взаимосвязей участников гражданского оборота (перенос в виртуальное пространство), развитие цифровых компетенций у населения.

При этом, внедрение новейших технологий влечет за собой и негативные проявления. Так, при значительном увеличении денежного потока путем компьютерных систем денежные транзакции и финансовые организации могут служить целям злоумышленников. Растет количество кибератак на российские банки, происходит нарушение конфиденциальности сведений, разглашение коммерческой тайны, промышленный шпионаж и т.д. Отсутствует защита, так называемых удаленных устройств, например, при работе сотрудников в домашних условиях либо в случаях применения корпоративных гаджетов в публичных WiFi. Причиной слабой киберзащиты организаций можно назвать и низкую зарплату ИТ-персонала, что влечет за собой отсутствие высококвалифицированных специалистов.

Расширение цифрового сервиса создает угрозу мошенничества. Риски потери информации свидетельствуют о необходимости повышения уровня защиты электронных систем.

Существенную угрозу создают атаки на публичные размещения акций (ICO) компаний в блокчейн-пространстве, хищение электронных кошельков, паролей и т.п.

Можно отметить активное внедрение в экономическую деятельность технологий блокчейн. Единое определение данной технологии отсутствует. Суть различных позиций сводится к тому, что данная технология означает выстроенную по специальным правилам непрерывную последовательную цепочку блоков, каждый из которых содержит определенную информацию. Это база данных, у которой устройства хранения не подключены к общему серверу. Основное требование технологии – невозможность

внесения изменения в данную систему лицами, которые не имеют к ней санкционированного доступа. Блокчейн представляет собой не только площадку для создания и оборота криптовалюты. Данную технологию в последние годы стали внедрять в своей деятельности многие предприятия, организации, включая банковский сектор. Она оказывает воздействие на продвижение товара на рынок в сфере электронной торговли.

В сфере государственного управления информационная среда подвергается воздействию вредоносных хакерских программ, что вынуждает службы безопасности развиваться и находить «противоядие» угрозам проникновений.

В настоящее время высокотехнологичная преступность устремилась в сферу экономики. Посредством использования информационных технологий в России совершаются: хищения чужого имущества; ведется торговля наркотиками, оружием, людьми; распространяется экстремистская литература, вербуются новые члены террористических группировок; мошенничества с использованием сотовой связи, а также средств IP-телефонии; кража персональных данных в больших объемах и их продажа.

Начало деятельности по организации борьбы с правонарушениями в сфере информационных технологий относится к концу 90-х годов прошлого века. Подразделение по борьбе с преступлениями в этой сфере в МВД России образовано в 1998 году. С января 2002 года осуществляет свою деятельность подразделение «К» МВД России. В МВД России 1 ноября 2019 года принято решение о создании в структуре Министерства подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий. Такие подразделения уже появились, как сообщили 7 февраля «РИА Новости» со ссылкой на пресс-службу МВД России.

Переход к цифровой экономике связан с необходимостью развития правового механизма по эффективному встраиванию экономики государства в цифровую трансформацию. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 [1] цифровая экономика определяется как хозяйственная деятельность, в которой главным фактором производства считаются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» был утвержден протоколом заседания президиума Совета при

Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [2].

Программа реализуется по следующим видам деятельности:

- формирование новой регуляторной среды отношений граждан, бизнеса и государства, возникающих с развитием цифровой экономики;
- создание современной высокоскоростной инфраструктуры хранения, обработки и передачи данных;
- обеспечение устойчивости и безопасности её функционирования;
- формирование системы подготовки кадров для цифровой экономики;
- поддержка развития перспективных «сквозных» цифровых технологий и проектов по их внедрению;
- повышение эффективности государственного управления и оказания государственных услуг посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений.

Инновационная политика направлена, прежде всего, на идентификацию ключевых технологий, на проведение соответствующих научно-исследовательских работ и внедрение полученных результатов. Для этого требуется создание инновационной инфраструктуры, направленной на создание нового продукта, использование новой технологии производства, новых материальных, финансовых, иных ресурсов, открытие новых рынков.

В Распоряжении Правительства Российской Федерации «Распределение иных внебюджетных трансфертов из федерального бюджета в 2019 году бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»[3] бюджетам субъектов Российской Федерации при реализации региональных проектов были выделены соответствующие денежные средства.

При этом, в Стратегии подчеркивается, что информационная составляющая экономики меняет весь характер хозяйственной деятельности. При этом обработка больших объемов информации вызывают потребность повышенного внимания к обеспечению безопасности. Программа должна обеспечить перевод в цифровую трансформацию экономики, бизнеса, социальной сферы, государственного управления.

Центральным банком РФ вырабатываются требования по информационной безопасности в финансовых организациях и платежных системах. Во введении к Стандарту Банка России «Обеспечение информационной

безопасности организаций банковской системы Российской Федерации» [4] сказано, что негативные последствия сбоев в работе отдельных организаций могут привести к быстрому развитию системного кризиса платежной системы РФ, нанести ущерб интересам собственников и клиентов. Для противостояния таким угрозам и обеспечения эффективности мероприятий по ликвидации неблагоприятных последствий инцидентов информационной безопасности в организациях Банка России необходимо обеспечить высокий уровень информационной безопасности.

Угрозы реализуются через их источники природного, техногенного и антропогенного характера (п. 5.1).

Развитие и контроль информационной безопасности всей банковской системы, взаимодействие со службами безопасности различных банков проводит центр кибербезопасности Центрального Банка РФ. Однако далеко не все организации банковской системы имеют потенциал для создания моделей угроз, разработки политики информационной безопасности. В данной деятельности возникает множество причин: недостаточное наличие защитного оборудования, программного обеспечения и т.д.

Российская Ассоциация компаний интернет-торговли создала программу защиты интересов граждан России от угроз интернет-услуг и продажи товаров. Данная программа устанавливает меры по обеспечению нормальных конкурентных условий для онлайн-ритейлеров [5, с. 15].

В настоящее время принят закон о защите российского сегмента сети Интернет от внешних угроз [6]. Оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к сети Интернет, обязан обеспечивать установку в своей сети связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России сети Интернет и сети связи общего пользования, передавать сведения в Роскомнадзор о фактическом месте установки технических средств и соблюдать технические условия их установки, требования к сетям связи. Установлена процедура управления сетями связи в ситуациях появления угроз функционирования сети Интернет и сети связи общего пользования, порядок обеспечения стабильного и безопасного использования в нашей стране доменных имен. При появлении угроз Роскомнадзором может осуществляться централизованное управление сетью связи общего пользования. При этом лица, участвующие в централизованном управлении, обязаны выполнять установленные правила маршрутизации сообщений электросвязи.

Минфином России в 2018 году подготовлен Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах», где сказано, что граждане мо-

гут покупать и продавать различные виды криптовалют только через торговые площадки, брокеров, дилеров, обладающих соответствующими лицензиями.

Подводя итог, подчеркнем, что в настоящее время существует острая потребность в разработке новых государственных методов регулирования киберпространства. Следует широко использовать сертификацию и лицензирование продукции и интернет-услуг, блокировать работу интернет-компаниям, нарушившим законодательство. Отдельной темой является совершенствование работы специальных государственных электронных подразделений МВД России. Предупреждение и устранение угроз цифровой экономики, обеспечение информационной среды является основой развития экономики страны и общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

2. Проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» был утвержден протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 // <https://digital.gov.ru>

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Распределение иных внебюджетных трансфертов из федерального бюджета в 2019 году бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 46. Ст. 6536.

4. «Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0-2014»: принят и введен в действие Распоряжением Банка России от 17.05.2014 № Р-399 // Вестник Банка России. 2014. № 48-49.

5. Удалов Д.В. Угрозы и вызовы цифровой экономики // Экономическая безопасность и качество. - 2018. - № 1 (30). - С. 12-18.

6. Федеральный закон от 01 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2214.

7. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России). – URL: <http://regulation.gov.ru/>

Петров Игорь Валентинович,
доктор экономических наук, профессор, профессор
кафедры экономической безопасности Кубанского
государственного технологического университета;
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Южного института менеджмента

Petrov Igor Valentinovich,
Doctor of Economics ' Professor. Professor of the
Department of economic security of the Kuban state
technological University; Professor of the Department of
civil and legal disciplines of the southern Institute of
management;

Филипчук Кристина Витальевна,
аспирант кафедры экономической безопасности
Кубанского государственного технологического
университета

Filipchuk Kristina Vitalievna,
Post-graduate student of the Department of economic
security of the Kuban state technological University

ХОЗЯЙСТВЕННО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОРПОРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF CORPORATION AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы экономической безопасности корпорации, ключевые хозяйственно-правовые особенности в обеспечении экономической безопасности корпорации, поскольку в современных условиях для ее успешной деятельности требуется определенная стратегия, система и соответствующая квалификация персонала.

Annotation. The article discusses of the issues of economic security of the corporation, key economics and legal features in ensuring the economic security of the corporation, because in modern conditions for its successful activity a certain strategy, system and appropriate qualification of personnel are required.

Одним из значимых достижений в развитии отечественного законодательства России в условиях рыночной экономики можно считать закрепление в главе 4 части первой Гражданского кодекса РФ общих положений корпоративного права. Корпорациями считаются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган (ст. 65.1 ГК РФ). Эффективная деятельность корпорации непосредственно связана с обеспечением экономической безопасности [1, с. 130].

Рассмотрение вопроса экономической безопасности корпорации (ЭБК) можно найти во многих работах исследователей. Так, академик МАИИ, доктор экономических наук Кайгородцев А.А. совместно с Искендеровой Ф.В. это понятие определяли, как разносторонняя защищенность потенциалов (кадрового, технического, технологического, производственного) от угрожающих извне и внутри факторов и возможность их функционирования во время применения всех ресурсов [2].

ЭБК выступает сложным понятием, объединяющим ряд важных факторов, возникающих внутри и извне и влияющих на функционирование компании. Многие корпорации формируют отдельные структурные отделы, работа которых направлена на обеспечение экономической безопасности.

Можно сказать, что экономическая безопасность корпорации – состояние, при котором продуктивно используются ресурсы компании, компания надежно защищена от влияний негативных факторов.

Если исследовать понятие экономической безопасности относительно большой корпорации, то в этом случае следует подразумевать полную защищенность ее научного, производственного, кадрового, иного потенциала от угрожающих факторов экономического характера [3].

Рассматривая вопрос обеспечения экономической безопасности корпорации, мы должны понимать, что корпорация может представлять объединения юридически оформленных производственных предприятий, которые размещены по регионам, имеют межнациональные, межрегиональные связи и объединяют разноплановые ресурсы: социальные, интеллектуальные, имущественные, производственные. Цель этих структурных единиц – обеспечить осуществление бизнес-миссии, формирование и функци-

онирование дополнительных предприятий и производств с применением научного технического, инновационного подхода.

Исходя из этого, ЭБК означает практическое применение главных принципов управления: оперативное реагирование на изменения в окружающей среде, внутреннем пространстве; объективное рассмотрение корпорации со всеми ее связями; ситуационное реагирование, то есть адекватная реакция и быстрая подстройка под изменившиеся условия функционирования рынка. Одновременно с этим, экономическая безопасность должна основываться на применении не только внутрикорпоративных ресурсов, но и дополнительных внешних.

Рассматривая концепции и подходы к исследуемым проблемам ученых, можно предложить такое понимание экономической безопасности корпорации: это состояние экономики определенной корпорации, которое влияет на обеспечение стабильности функционирования и планомерного достижения поставленных целей в условиях высокой конкуренции, уравновешенность корпоративных интересов и ожиданий внешних субъектов, уменьшение, сокращение влияния негативных непредвиденных условий внешней и внутренней среды путем применение ресурсов – административных, корпоративных и других.

При таких условиях понимания экономической безопасности мы видим, что субъект хозяйствования стремится успешно решить сложные, проблемные ситуации, ищет выход, рискует, несмотря на высокую конкуренцию, может предвидеть угрозы, ослабить или обезвредить.

Все внутренние и внешние ресурсы, которые имеет корпорация, например, капитал, потенциал работников, технологии, разработки, опыт сотрудников, используются не только для обеспечения безопасности и преодоления сложных ситуаций, но и для получения результата от развития бизнеса.

Одновременно с этим, процесс выявления и обезвреживания угроз внешнего и внутреннего характера, применение разноплановых ресурсов в непонятных, сложных ситуациях для предупреждения проявления невозместимого ущерба, противостояние конкурентам – это все формирует условия для того, чтобы стратегические цели компании было успешно достигнуты, корпорация была экономически независима, усиленно развивалась.

Мы сталкиваемся с тем, что в современных условиях большие корпорации и компании обязательно должны уделять внимание обеспечению экономической безопасности. Однако нередко наблюдается ситуация, в ко-

торой у компании нет для этого ни стратегии, ни системы, ни квалифицированных сотрудников для ее разработки.

Это говорит о том, что корпорации должны приложить максимум усилий для формирования системы безопасности, чтобы в последующем предотвратить риски и построить надежный, эффективный бизнес.

Стоит учитывать тот факт, что, несмотря на присутствие у корпорации более значимых ресурсов, нежели у отдельных компаний, потери и ущерб в неблагоприятных ситуациях у них чувствуются намного сильнее.

Из этого следует, что корпоративная безопасность положительно влияет на эффективность функционирования отдельной компании, повышение ее конкурентности на рынке, а также обеспечивает стабильный, положительный рост всей государственной экономики.

Экономическая безопасность корпорации рассматривается с нескольких сторон :

- присутствует интерес у заинтересованных лиц – работников, акционеров, управленцев и прочее;
- стойкость корпорации и ее подразделений;
- независимость внутриэкономических процессов корпорации от внешних негативных воздействий и необходимости привлечения дополнительного финансирования извне.

Корпорацию нельзя рассматривать односторонне, только как объединение неких зданий, производственных цехов, материального и сырьевого потенциала, персонала. Корпорация – это непростая экономическая, социальная структура, во время ее функционирования производится, продается товар, предоставляются услуги. В этом аспекте обязательно рассматриваются взаимоотношения и связи этой системы с окружающей средой и внутренними компонентами. Вся эта совокупность факторов должна в обязательном порядке учитываться, когда формируется корпоративная безопасность.

Под безопасностью корпорации понимают отсутствие или минимальное воздействие негативных факторов и опасностей, совокупность возможностей эффективного преодоления трудностей, недопущение возникновения ущерба, который будет выше критического значения [4]. Чтобы реализовать все вышеуказанное, потребуется приложить много усилий для организации эффективной работы службы безопасности корпорации, которая, совместно с другими структурными звеньями, обеспечивает нормальное функционирование корпорации, сохранность коммерческой тайны, имущества, интеллектуальной собственности, нивелирование убытков, предупреждение возникновения преступлений и прочее.

Самое действенное применение корпоративных ресурсов компании, которые нужны для осуществления деятельности, происходит путем достижения следующих целей экономической безопасности (рис. 2):

- Компания работает с высокой степенью финансовой эффективности.
- Обеспечена технологическая самостоятельность компании.
- Управленческое звено функционирует эффективно, хорошо организована структура компании.
- Сотрудники имеют высокую квалификацию и опыт.
- Хорошо построенная правовая защита всех сторон деятельности.
- Защищенность информации.
- Безопасность работников, имущества, капитала, коммерческих интересов компании.

Реализация всех вышеуказанных целей вступает главным фактором нормального развития и функционирования компании. Контролирование и разрабатывание модели целей экономической безопасности – сложный, но необходимый процесс, обеспечивающий деятельность всей системы экономической безопасности [5].

В рассматриваемой ситуации ресурсы корпорации, включающие потенциал работников, размер капитала, квалификацию управленцев, технологический потенциал, интеллектуальную собственность и прочее, применяются для развития бизнеса, а не лишь для сохранения стабильности или предотвращения рисков и опасностей.

Итак, противостояние конкурентам, выявление, обезвреживание опасных непредвиденных ситуаций, применение корпоративных ресурсов для того, чтобы не допустить возникновение невозмездимого ущерба – все это методы, с помощью которых создаются условия для реализации целей компании, формирования стойкого экономического развития, укрепления потенциала, экономической самостоятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров И.В. Превентивное антикризисное управление в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Terra Economicus. - 2012. - Т. 10. - № 1-3. - С. 129-132.

2. Кайгородцев А.А., Искандерова Ф.В. Система корпоративной безопасности. Вопросы теории, методологии, практики: Монография. – Усть-Каменогорск: КАСУ, 2014. –164 с.

3. Родионова Л.Н. Экономическая безопасность как фактор обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-bezopasnost-kak-faktor->

obespecheniya-konkurentosposobnosti-hozyaystvuyuschih-subektov (дата обращения 15.12.2019).

4. Экономическая безопасность. Экономико-правовое обеспечение: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / под общ. ред. А.С. Молчана, И.В. Петрова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 335 с. — (Серия «Экономика. Управление. Бизнес»). ISBN 978-5-238-03329-7.

5. Зайнуллин С.Б., Сорокин Н.Д. Особенности корпоративной безопасности российских предприятий // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 9, №6 (2017) <https://naukovedenie.ru/PDF/140EVN617.pdf> (дата обращения 12.12.2019).

Петухова Мария Руслановна,
адъюнкт ФПНПиНК Московского
университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Petukhova Maria Ruslanovna,
Adjunct of the 1st year of full-time
education Vpning FGKOU IN Moscow
University of the Ministry of internal
Affairs of the Russian Federation
named after Kikot by the Department of
Civil and Labor Law, Civil Procedure

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ

SPECIFICS OF LEGAL REGULATION OF THE ESCROW AGREEMENT

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию нового способа обеспечения обязательств – договору условного депонирования (эскроу). Институт эскроу все активнее привлекает внимание специалистов, так как представленная правовая конструкция является новеллой реформирования гражданского законодательства. В статье рассмотрена правовая природа условного депонирования, характеристика договорной конструкции и правовой статус субъектов по эскроу. Особое внимание уделя-

ется анализу особенностей нормативно – правового регулирования, как центрального элемента обеспечения эскроу – обязательств.

Annotation: The article is devoted to a comprehensive study of a new method of securing obligations – escrow (escrow) agreement. The escrow institute increasingly attracts specialists' attention, as the presented legal structure is a novelty of civil law reform. The article discusses the legal nature of escrow, the characteristics of the contractual structure and the legal status of escrow entities. Special attention is paid to the analysis of peculiarities of normative and legal regulation, as the central element of escrow provision – obligations.

Современное российское право динамично развивается в зависимости от складывающихся в нашем государстве политических и социально – экономических условий, учитывая в то же время практику применения правовых институтов зарубежных стран. Так, по опыту экономически развитых стран Европы и США российский законодатель решил легализовать такие способы обеспечения обязательств, как договор условного депонирования и договор счета эскроу, несмотря на то, что в гражданском праве уже использовались подобные конструкции. Но в силу новизны эскроу не был так востребован правоприменителями и не использовался в полном объеме, поэтому ряд положений требовалось законодательно обновить и дополнить [11, с. 29-36].

Российское гражданское законодательство предусматривает несколько видов обеспечения обязательств, часть из которых была дополнена новой реформой, в частности, в сфере обязательственного права. И в результате принятия Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 212 – ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в раздел IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) была включена новая глава – 47.1. «Условное депонирование (эскроу)» [4, с. 410].

Статья 926.1. ГК РФ закрепляет определение и содержание договора условного депонирования, в соответствии с которым депонент обязуется передать на депонирование эскроу – агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу — агент обязуется обеспечить сохранность такого имущества, и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований. То есть, по данному договору имущество, переданное от депонента эскроу – аген-

ту, депонируется до тех пор, пока обусловленные сторонами обязательства по договору не будут ими исполнены. Отсюда возникает главная особенность такой правовой конструкции – средства, находящиеся на депонированном счете, по факту являются заблокированными до наступления определенных оснований, что, с одной стороны, снижает риски субъектов гражданских правоотношений, а с другой стороны, ограничивает стороны договора в их использовании [3, с. 53-56].

Необходимо также отметить, что Закон не конкретизирует перечень оснований, которые должны быть соблюдены сторонами, но предполагается, что они будут взаимными. К таким двухсторонним условиям можно отнести, например, внесение или передачу денег со стороны покупателя, выполнение работ, оказание услуг или предоставление документов, подтверждающих возникновение оснований для передачи имущества выгодоприобретателю, именуемым в законе, как бенефициар. А если под основанием рассматривать наступление определенного события, то оно должно быть точно оговорено сторонами, и не иметь двойного смысла. Таким образом, эскроу – агент правомочен передать депонированное имущество бенефициару только в том случае, когда условия по договору будут выполнены, а обусловленное ими событие наступит в установленный срок. Данное правовое положение закреплено в п. 2. ст. 926.1. ГК РФ, в соответствии с которым при возникновении указанных в договоре эскроу оснований для передачи имущества бенефициару (в том числе, при совершении бенефициаром или третьим лицом предусмотренных договором действий, либо наступлении установленных договором срока или события) эскроу – агент обязан передать депонированное имущество бенефициару в соответствии с условиями договора эскроу; а п. 5. указанной выше статьи определяет, что обязательство депонента по передаче бенефициару имущества считается исполненным с момента передачи этого имущества эскроу – агенту. Следует заметить, что именно точное определение условий договора отражает правовую природу договора условного депонирования и характеризует правовой статус его субъектов [4, с. 410].

Рассматривая субъектный состав договора эскроу, а также правовой статус сторон, можно сделать вывод о том, что, во – первых, договор является трехсторонним, а значит предусматривает трехсторонние обязательства с каждой стороны: депонента, бенефициара и эскроу – агента, что подтверждается в абз. 2. п. 1. ст. 926.1. ГК РФ, а во – вторых, всех участвующих лиц депонированных правоотношений объединяет общая цель –

это гарантия в заключении будущего договора, которая позволяет минимизировать определенные риски по сделке, так как при несоблюдении условий даже одной из сторон, договор не будет считаться заключенным.

Так, например, главной обязанностью эскроу – агента, как связующего элемента взаимоотношений по договору эскроу, является принятие, учет и сохранение вверенной ему суммы депозита до момента возникновения указанных сторонами договора оснований. Действуя в интересах сторон, доверительное лицо в роли эскроу – агента выступает независимым гарантом соглашения и всех обязательств по нему, поэтому значение его деятельности в этом вопросе считается основополагающим, так как отношение сторон к эскроу – агенту строится, в первую очередь, на доверии. Согласно п. 3. ст. 926.3. ГК РФ эскроу – агент не вправе использовать переданное ему на депонирование имущество и распоряжаться им. Кроме того, на основании п. 2. ст. 926.5. ГК РФ эскроу – агент отвечает за утрату, недостачу или повреждение переданных ему на депонирование вещей, если не докажет, например, действие непреодолимой силы или обнаружение свойств, а также недостатков, о которых он не мог знать до принятия имущества на депонирование. В дополнение законом предусмотрено вознаграждение эскроу – агента в соответствии со ст. 926.2. ГК РФ, согласно которой стороны, как правило, солидарно оплачивают выполненные посредником услуги по договору эскроу, в соответствии с которым обеспечивается надлежащее исполнение их обязательства [4, с. 410].

Исходя из перечисленных особенностей правового статуса эскроу агента, можно сделать вывод о высоком уровне его ответственности, профессионализма, надежности и компетентности, однако, перечисленные характеристики законодательно не нашли отражение. Поэтому в целях эффективной организации деятельности эскроу – агента, а именно надежного осуществления правовых обязательств в рамках соглашения эскроу, целесообразно рассмотреть вопрос о законодательной регламентации требований, предъявляемых к агенту по эскроу, а также введении в законодательство таких правовых норм, которые смогли бы усилить обеспечительные меры и ответственность эскроу – агента перед депонентом и бенефициаром в целях ограничения возможных рисков всех участников эскроу – отношений [3, с. 53-56].

Изучая права и обязанности других участников эскроу – отношений, следует отметить, что содержание правового статуса депонента и бенефициара не такое объемное, как правовой статус эскроу – агента. Поскольку

основной обязанностью владельца счета является передача на депонирование эскроу – агенту имущества депонента для обеспечения обязательства в пользу бенефициара на основании п. 1. ст. 926.1. ГК РФ, а обязанность выгодоприобретателя заключается в подтверждении оснований для получения имущества путем предоставления эскроу – агенту документов, доказывающих правомерность таких оснований в соответствии с положением ст. 926.3. ГК РФ. Отличительной особенностью взаимных обязанностей указанных участников договора эскроу является то, что, являясь собственником имущества, депонент не вправе им распоряжаться до момента исполнения обязательств, то есть, до перехода права собственности к бенефициару. Также и бенефициар не вправе пользоваться активами депонированного имущества до наступления определенных сторонами оснований [11, с. 29-36].

Таким образом, двухсторонние обязательства между депонентом и бенефициаром не просто связаны независимым посредником в виде агента по эскроу, но и законодательно регламентируются, что значительно снижает возможные риски и со стороны покупателя, и со стороны продавца.

Нельзя не отметить такой элемент правового регулирования договора эскроу, как объект депонирования, регламентированный п. 3. ст. 926.1. ГК РФ, определяющий под ним движимые вещи, включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы, а также безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. По смыслу нормы закона объектом депонирования могут быть только движимые вещи, что в какой – то мере ограничивает сферу применения указанной правовой конструкции. Здесь же следует отметить еще одну имущественную особенность – не допускается обращение взыскания на депонированное имущество, арест такого имущества, а также принятие в отношении него обеспечительных мер по долгам либо эскроу – агента, либо депонента. Отсюда вытекает признак неприкосновенности вещей, переданных на депонирование агенту по эскроу, что добавляет надежности к договорной конструкции. Анализируя элемент имущества в данном вопросе, отмечу, что в практике российского законодателя институт эскроу, как правило, ограничивается сферой долевого строительства, а также некоторыми сделками по недвижимости, поэтому расширение объекта депонирования позволило бы расширить и практику применения договора эскроу, не ограничиваясь экономической и банковской сферами [11, с. 29-36].

Подводя итоги на основании рассмотренных характеристик эскроу – договора и особенностей его правового регулирования, можно сделать вывод, что новизна изучаемого института предполагает ряд правовых коллизий на практике, поэтому вопрос правового регулирования считается первостепенным. Появление главы 47.1. ГК РФ закрепляет относительно новые для российского права обеспечительные конструкции в виде договора условного депонирования. Особенностью и сложностью правового регулирования эскроу – отношений является многоуровневый статус участников депонированного соглашения, так как двухсторонние обязательства обеспечиваются третьим лицом, а сами правоотношения возникают на основании уже существующего обязательства.

Высокий уровень нормативного регулирования обеспечивает эффективное правоприменение договорных конструкции по эскроу, так как, договор условного депонирования, во – первых, учитывает интересы каждой из сторон договора эскроу, во – вторых, способствует надежному исполнению трехсторонних обязательств, в – третьих, гарантирует сохранение доверенного имущества, в – четвертых, нивелирует риски со стороны как депонента, так и со стороны бенефициара.

Таким образом, договор условного депонирования направлен в большей степени на снижение правовых и экономических рисков, возникающих из правоотношений по договору эскроу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батин В. В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования // Юридическая наука, 2014. № 2. С. 67-69.
2. Блинкова Е. В. Договор условного депонирования (эскроу) в российском гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2015. № 3 (104). С. 21-26.
3. Буркова А. Ю. Эскроу-счета: перспективы в российском законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика, 2009. № 1. С. 53-56.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собр. законодательства РФ, 1996. № 5. С. 410.
5. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М., 1994. Т. 2. С. 143-187.

6. Долинская В. В. Новеллы Гражданского кодекса РФ о финансовых сделках: обзор основных положений // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 6. С. 3-8.

7. Елисеенко А. Договор эскроу: условия, режим имущества, права и обязанности эскроу-агента // Юридическая работа в кредитной организации, 2018. № 3. С. 17-30.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть вторая (постатейный). 2-е издание/ под редакцией Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Сергеева А.П. и др. М.: Издательство Проспект, 2017. С. 245.

9. Коневина Ю. Л. Применение договора эскроу // Экономика. Налоги. Право, 2013. № 5. С. 145-149.

10. Руденко Е. Ю. Договор счета эскроу: перспективы применения отдельные правовые проблемы // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом, 2015. С. 1-10.

11. Рузакова О. А., Степкин С. П. Некоторые проблемы правового регулирования договорных отношений условного депонирования (эскроу) // Банковское право, 2018. № 2. С. 29-36.

12. Хаустов Д. В. Обзор нового законодательства и судебной практики // Экологическое право, 2017. № 5. С. 38-46.

Садков Виталий Андреевич,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградская академия МВД России
Sadkov Vitaliy Andreyevich,
Adjunct of the adjunct.
Volgograd Academy of the Ministry
of internal Affairs of the Russian
Federation

ЗНАЧЕНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

THE VALUE OF CRYPTOCURRENCY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Аннотация: в статье рассматривается феномен, обозначаемый термином «криптовалюта» с позиций элемента современного гражданского

оборота, его соотношение с другими правовыми конструкциями, характерными для цифровой экономики.

Abstract: the article considers the phenomenon referred to by the term «cryptocurrency» from the standpoint of an element of modern civil turnover, its relationship with other legal structures characteristic of the digital economy.

Обеспечение эффективного развития Российской Федерации в условиях цифровизации экономических процессов требует создания соответствующих институтов и инфраструктуры, обеспечивающих эффективное взаимодействие всех акторов (субъектов, участников) цифровой экономики [1]. Думается, что в качестве одного из таких институтов следует рассматривать феномен криптовалюты.

Реакцией российского законодателя на введение в гражданский оборот данного явления является законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [2]. В соответствии с текстом п. 2 ст. 1 данного законопроекта, подготовленного ко второму чтению в Государственной Думе РФ, под цифровыми финансовыми активами предлагается понимать цифровые права, включающие обязательственные и иные права, в том числе денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые закреплены в решении о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)», выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационной системе на основе распределенного реестра. Из содержания вышеуказанного законопроекта можно сделать вывод о том, что под цифровыми финансовыми активами предлагается понимать только определенный сегмент цифровых прав, которые выпускаются, учитываются и обращаются посредством совершения определенных записей в информационной системе на основании специального распределенного реестра.

Кроме того, в этой версии проекта Федерального закона № 419059-7 предлагается ввести в оборот такую категорию как «цифровые операционные знаки», под которыми понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), полученных по правилам информационных систем, которые не относятся к категории «цифровые финансовые активы». Примечательно, что выпуск и использование цифровых операционных знаков планируется осуществлять под контролем Банка России.

Обосновано предположить, что под термином «цифровые операционные знаки» авторы текста законопроекта № 419059-7, подготовленного ко второму чтению в Государственной Думе РФ, понимают то, что обычно называется криптовалютой. Несомненно, что такая интерпретация сущности криптовалюты вступает в серьезные противоречия с ее первоначальной идеей, как финансового инструмента, свободного от внешнего администрирования.

18 марта 2019 г. принимается Федеральный закон РФ № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в котором российский законодатель в перечень объектов гражданских прав в рамках категории «имущественные права», наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, включил такой специфический феномен как «цифровые права».

Вступившие в силу с 1 октября 2019 г. нормы ст. 141.1 ГК РФ определяют, что под цифровыми правами следует понимать обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых, определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, а осуществление, распоряжение и обременение цифрового права или ограничение распоряжения цифровыми правами возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Российский законодатель закрепляет правило, в соответствии с которым значимость цифровых прав, принадлежащих тому или иному субъекту, определяется их признанием другими участниками гражданского (хозяйственного) оборота взаимодействующими в электронной среде. А внешняя форма выражения такой стоимостной оценки чаще всего охватывается категорией «обменный курс», который показывает ценность того или иного имущественного права в перерасчете на рубли или единицы зарубежной валюты.

На наш взгляд цифровые права – это более широкая категория, которая является базовой для другой категории – цифровые финансовые активы. Думается, что при сопоставлении категорий «цифровые права», «цифровые финансовые активы» и «криптовалюта» следует соотносить их как общее с частным: цифровые финансовые активы являются одним из сегментов цифровых прав, а криптовалюта – разновидностью цифровых финансовых активов.

Возникает вопрос: «Можно ли приравнивать криптовалюту к деньгам?». Существует мнение, что деньги выступают средством выражения ценности любого нематериального или материального блага [3, с. 19]. А согласно институциональной теории денег, криптовалюту следует рассматривать в контексте «рыночного феномена». Ценность криптовалюты и денег формирует не государство, но именно оно решает, что является законным платежным средством. Согласно ст. 140 ГК РФ рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории РФ, а платежи на территории РФ осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, в то время как криптовалютой можно оплатить услуги и товары только при согласии контрагента.

На наш взгляд, современное общество является свидетелем трансформации понимания денег как средства платежа, вызванной слиянием реального и виртуального миров, а криптовалюту следует рассматривать, прежде всего, как универсальное договорное платежное (расчетное) средство, с децентрализованным учетом совершенных операций, свободное от внешнего администрирования, используемое контрагентами в электронной среде [4, с 44-50]. Однако, помимо вышеуказанного, криптовалюта может выступать и как электронные деньги (так называемая «официальная криптовалюта»), и как товар, и как средство накопления и инвестирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]: – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» (текст ко второму чтению) [Электронный ресурс]: URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz210319_2.rtf (дата обращения 20.12.2019).
3. Абрамова М.А. Обращение и регулирование электронной валюты в контексте экономической науки и практики // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: сб. материалов Международной научн.-практ. Конференции (2 июня 2016 г.). – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 19

4. Трифонова К.А., Садков В.А. О необходимости включения цифровых финансовых активов в конкурсную массу гражданина-должника // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. № 45. С. 44-50

Смагина Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
процессуального и трудового права
Южного федерального университета
Smagina Elena Sergeevna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of
Civil Procedure and Labor Law
Southern Federal University

**НОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА: РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ ИЛИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРЕМЕНЕНИЕ**

**NEW RESPONSIBILITIES OF PARTICIPANTS IN CIVIL
PROCEEDINGS: THE DEVELOPMENT OF PROCEDURAL ACTIVITY
OR ADDITIONAL BURDEN**

Принятие Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также - ФЗ № 451) ознаменовало очередной этап реформы гражданского процесса. Направления изменений оказались весьма разноплановыми, но в итоге объединенными одной общей центральной идеей оптимизации судебной нагрузки. Отдельной тенденцией стало возложение на участников судопроизводства ряда дополнительных обязанностей.

ФЗ № 451 установил для лиц, участвующих в деле, обязанности по раскрытию доказательств, их направлению другим лицам, подтверждению такого направления, указанию в исковом заявлении одного из идентификаторов ответчика, соблюдению досудебного порядка урегулирования спора.

Указанные изменения для гражданского процесса требуют оценки с точки зрения эффективности и наличия возможностей их исполнения.

1. Раскрытие доказательств. Институт раскрытия доказательств, как справедливо отмечается в литературе, даже при отсутствии прямой нормы не нов для российского гражданского процесса. При этом проблема эффективного применения названного института остается открытой, что заставляет всех исследователей обращаться к развернутому опыту его функционирования в зарубежном судопроизводстве.

Целевое предназначение раскрытия доказательств видится, прежде всего, в доступности и прозрачности доказательственной информации для сторон и суда, предотвращающих превращение правосудия в азартную игру и «бой вслепую», что в итоге снижает эффективность судебной системы.

И.В. Решетникова указывает, что раскрытие доказательств позволяет собрать все необходимые доказательства, обеспечить взаимную информированность сторон о собранных по делу доказательствах, исключить эффект неожиданности для сторон в процессе рассмотрения дела, подготовиться к слушанию дела, «символизирует активность сторон в процессе».

Выделяются две основные модели раскрытия доказательств в зарубежном законодательстве. Континентальная модель радикально не отличается от российской. Так, в Германии доказательства у стороны процесса или третьего лица могут быть истребованы судом по ходатайству заинтересованной стороны. При принятии решения об удовлетворении такого ходатайства или об отказе в его удовлетворении суд принимает во внимание как важность истребуемого документа для рассматриваемого дела, так и интересы стороны или третьего лица.

Англосаксонская модель имеет более развитую и глубокую структуру. В Англии Правила гражданского судопроизводства после реформы Вульфа предусматривают три вида раскрытия: стандартное (standard disclosure), ограниченное (limited disclosure) и специальное раскрытие документов (specific disclosure). При этом само раскрытие используется в правилах в двух значениях – уведомления других лиц о существовании конкретного документа, то есть раскрытие в узком смысле, и уведомление вкуче с предоставлением доступа к нему, то есть раскрытие в широком смысле. Решение о конкретной процедуре раскрытия принимается судьей на совещании со сторонами (case management conference).

В США до начала процесса обнаружения доказательств каждая из сторон обязана представить оппоненту первоначальный (примерный) список доказательств и свидетелей, которые сторона собирается использовать.

Затем каждая сторона может истребовать от другой стороны и третьих лиц собственно доказательства.

Стремление к развитию института раскрытия доказательств, следующее из новелл ФЗ № 451, должно, видимо, предполагать расширение объема и средств раскрытия в направлении, аналогичном представленному англосаксонской моделью. Однако на этом пути стоят препятствия объективного и субъективного характера. Объективно: на суд процессуальным законом возложена обязанность установления действительных обстоятельств дела. В этих условиях установление сколько-нибудь действенной санкции за нераскрытие доказательств (запрет ссылаться на них, признание фактов в интерпретации противоположной стороны, возложение бремени доказывания и др.) сделает затруднительным реализацию полномочий суда, а раскрытие доказательств оставит декларативным. Убедительное тому подтверждение – правовая позиция ВАС РФ, допустившая принятие и исследование арбитражными судами первой инстанции доказательств, не раскрытых до начала судебного заседания. Субъективно, передача процессуальному сопернику доказательств, подрывающих собственную правовую позицию, выглядит для многих совершенно неприемлемо. Это, однако, не означает неприменимости начал сотрудничества, добросовестного взаимодействия в процессе, а лишь свидетельствует о необходимости поэтапного внедрения таких основ не только в нормы, но и в сознание участников процесса.

Такое внедрение, как нам представляется, должно базироваться на дифференцированном подходе, учитывающем специфику субъектов, вступающих в материальные и процессуальные правоотношения. Обязанности по отысканию, обозначению и полноценному раскрытию содержания и даже оценки доказательств могут быть возложены на первом этапе на сторону, занимающую в материальных правоотношениях более сильную позицию (публично-правовые образования в лице их органов, а возможно – и организации). В литературе совершенно верно отмечается, что одной из важнейших составляющих принципа солидарности или сотрудничества является помощь «слабой» стороне правоотношения.

При предлагаемом подходе будут на практике отрабатываться принципы процессуальной добросовестности, сотрудничества. Наглядно продемонстрировав преимущества полноценного раскрытия доказательств, можно будет планомерно вводить его и для других участников процесса.

2. Направление копий процессуальных документов участникам процесса и приложение к заявлениям, направляемым в суд, доказательств такого направления. Заблаговременное направление копий документов участникам процесса является одним из способов раскрытия доказательств – усеченным и начальным. Вместе с тем, кардинально ФЗ № 451 ситуацию с раскрытием доказательств не меняет. Основные доказательства сторона может удержать, приложив лишь второстепенные. Познакомиться же с материалами дела лицо могло и по ранее действовавшему законодательству. Добавив к этому возможные трудности и злоупотребления, получаем весьма ограниченную меру по доведению процессуальной информации до участников процесса.

Выход видится нам в комплексном регулировании обязанности по раскрытию, включающей направление копий, на первом этапе «сильной» стороной. За этим должно следовать установление реального взаимодействия сторон в ходе подготовки дела под контролем суда и доведение до участников не только наличия, но и содержания всех, а не только приложенных к заявлению доказательств. Весьма удобен и перспективен тут электронный формат общения сторон.

3. Указание в исковом заявлении, заявлении о вынесении судебного приказа одного из идентификаторов ответчика. При введении этой новой обязанности законодатель изначально использовал разделяемый нами дифференцированный подход, оттолкнувшись от возможностей отдельных субъектов, хотя, как оказалось, не в достаточной степени. Для публично-правовых образований в лице их органов и юридических лиц указание идентификаторов было обязательно во всех случаях, для граждан указание было обязательно, только, если такие идентификаторы им известны. Вступление соответствующих норм ФЗ № 451 в силу было отложено изначально до 30.03.2020, затем ФЗ от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ приостановил их действие до 01.01.2021 в части указания одного из идентификаторов в заявлениях, подаваемых занятыми в сфере ЖКХ юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Препятствия в выяснении информации об индивидуальных номерах ответчиков оказались труднопреодолимыми как для граждан, так и для отдельных организаций, что опять возвращает нас к мысли о необходимости заблаговременного анализа реалий доступности информации для конкретных лиц и введении обязанностей только для тех, кто действительно способен их исполнять.

4. Соблюдение досудебного порядка урегулирования спора. Указанная обязанность существовала и ранее, но в редакции ФЗ № 451 для гражданского процесса получила новое содержание. Обязанность должна быть исполнена, если досудебный порядок предусмотрен федеральным законом для данной категории споров (ч. 4 ст. 3 ГПК РФ). Снятие необходимости соблюдать досудебный порядок, предусмотренный договором, это очевидное послабление и повышение доступности правосудия, в частности, для граждан. Для сравнения, ч. 5 ст. 4 АПК РФ сохранила требование о соблюдении досудебного порядка, предусмотренного федеральным законом или договором. Хотя, как нам представляется, для большей последовательности и синхронности норм ГПК РФ и АПК РФ, обязанность по соблюдению досудебного порядка, предусмотренного договором, можно было бы и в гражданском процессе сохранить для публично-правовых образований в лице их органов и организаций. Временные и иные затраты на досудебное решение спора вполне перевешиваются возможностью его урегулирования до суда.

Подытоживая, следует признать, что изменения ФЗ № 451 в рассматриваемой области действительно достаточно четко отражают курс на развитие состязательных начал, процессуальной активности участников процесса, принципов добросовестности, сотрудничества. Однако без надлежащего дальнейшего укрепления этих начал на основе дифференциации для отдельных субъектов новые обязанности так и останутся номинальными, в то время как реальное, полноценное их действие для отдельных субъектов вполне могло бы стать пилотным, демонстрирующим явные преимущества соответствующего поведения в процессе, позволило бы закреплиться новеллам для дальнейшего их распространения на иных лиц.

Становая Ольга Владимировна,
преподаватель кафедры правовых
дисциплин, Могилевский институт
МВД Республики Беларусь

Stanovaya Olga Vladimirovna,
Lecturer, Department of Legal
Disciplines, Mogilev Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Belarus;

Игнатенко Артем Юрьевич,
курсант 4 курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД
Республики Беларусь

Ignatenko Artem Yuryevich,
4-year student of the faculty of police,
Mogilev Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Republic of
Belarus

**СПОСОБЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРЕ
БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА**

**METHODS FOR TERMINATION OF LIABILITIES DURING
RESTRUCTURING OF THE DEBT IN THE PROCEDURE
OF BANKRATSA OF AN INDIVIDUAL**

Аннотация. В статье утверждается позиция о необходимости введения в национальное законодательство Республики Беларусь института банкротства физического лица, так как данный институт, применяемый во многих странах, считается благом для добросовестного гражданина и позволят освободиться от бремени долгов, предоставив свое имущество для расчета с кредиторами. Выбор способа расчетов между должником и кредиторами предполагает проведение процедуры реструктуризации долгов и выбора различных способов прекращения обязательств. В статье рассматриваются способы прекращения обязательств и основные условия их применения в процедуре реструктуризации долгов должника-физического лица. Автором делается вывод

Annotation. The article affirms the position that it is necessary to introduce the institution of bankruptcy of an individual in the national legislation of

the Republic of Belarus, since this institution, used in many countries, is considered a boon to a conscientious citizen and will allow it to be relieved of the debt burden by providing its property for settlement with creditors. The choice of a method of settlements between a debtor and creditors presupposes a process of restructuring debts and choosing various ways to terminate obligations. The article discusses how to terminate obligations and the basic conditions for their application in the process of restructuring the debts of an individual debtor. The author concludes

С развитием права частной собственности, а также с одновременным переходом национального законодательства Республики Беларусь на новые условия хозяйствования в 1990-х годах послужили причиной появления значительного количества субъектов хозяйствования, не способных удовлетворять принятые на себя гражданско-правовые денежные обязательства надлежащим образом.

Современный институт банкротства воплощает в себе нормы экономической, социальной, политической, нравственной жизни общества.

В настоящее время, большинство ученых сходятся во мнении о том, что на сегодня экономическая система просто не может существовать без достаточно оптимального закона, регулирующего экономическую несостоятельность (банкротство) физического лица. Однако, на сегодняшний день нет строгого и единообразного мнения о том, как же должен выглядеть данный закон, определяющий механизм правового регулирования института банкротства физического лица, какие цели данный закон должен преследовать в первую очередь.

Банкротство гражданина-должника имеет ряд специфических черт, которые не характерны для корпоративного банкротства (банкротства юридических лиц), в нем ключевая цель - восстановить социальную активность должника, т.е. приоритет социально-ориентированного и культурного элемента, что позволит экономически активным, добросовестным гражданам остаться вовлеченными в экономические процессы.

В целях совершенствования и устойчивого развития рыночной экономики Республики Беларусь в национальное законодательство Республики Беларусь необходимо ввести нормы, охраняющие экономический оборот от негативных последствий со стороны участников, а именно выражающиеся в не исполнении и ненадлежащем исполнении принятых на себя денежных обязательств.

Изменения в Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1], касающиеся банкротства физических лиц, в Российской Федерации приняты сравнительно недавно (в 2015 году), однако анализ показывает, что при всей своей сложности, данный институт является эффективным механизмом оказания помощи гражданину, попавшему в сложную финансовую ситуацию. Стоит отметить, что данный институт защищает интересы не только граждан-должников, но и интересы кредиторов от граждан-должников недобросовестно исполняющие свои обязательства.

Одной из ключевых процедур, применяемых в институте банкротства гражданина – реструктуризация долгов. Целью данной процедуры является восстановление платежеспособности должника и погашении задолженности перед кредиторами в полном объеме. В целях удовлетворения интересов кредиторов и восстановления финансовой активности должника, не способного удовлетворять требования кредиторов, необходимо произвести ряд комплексных мероприятий, направленных на достижение соглашения между субъектами и тем самым прекращение существующих правоотношения между данными сторонами, в связи с чем, особую значимость приобретают различные способы прекращения обязательств, которые возможно использовать в процедуре реструктуризации долгов должника – физического лица.

О.С. Иоффе под прекращением обязательства понимал отпадение правовой связанности его субъектов, утрачивающих вследствие этого субъективные права и обязанности, составляющие содержание обязательства [2, с. 185].

Наиболее распространенным способом прекращения обязательств между субъектами-участниками гражданского оборота является его надлежащее исполнение, которое, учитывая факт возбуждения процедуры банкротства физического лица, является невозможным. В таком случае, с целью достижения консенсуса между должником и кредитором в плане реструктуризации возможно применять иные способы прекращения правоотношений между кредитором и должником: соглашение о новации, зачете встречного требования, отступное.

Новация – соглашение о замене одного обязательства другим между должником и кредитором, предусматривающее иной предмет или способ исполнения [3, ст. 384]. Данный способ прекращения обязательств является одним из самых распространенных способов прекращения обязательств.

По своей правовой природе новация считается консенсуальной сделкой, то есть приобретает силу с момента достижения сторонами соглашения по всем существующим условиям новых обязательствам. При новации прекращаются все акцессорные обязательства, связанные с первоначальным обязательством, если иное не предусмотрено соглашением сторон, а также отпадают все возражения, которые можно было выдвинуть против него. Для заключения соглашения о новации необходимо волеизъявление сторон, которое должно прекратить старое обязательство и изменения должны касаться условий о предмете и способе исполнения обязательства. Следовательно, данное соглашение должно содержать явное и недвусмысленное выражение воли сторон о замене ранее существующего обязательства на новое.

Таким образом, новация заменяет первоначально обязательство, прекратившее свое действие на новое. Данная сделка имеет схожесть с изменением обязательств. Важным элементом при заключении соглашения о новации является волеизъявление сторон на прекращение ранее существующего обязательства. В каждом случае необходимо установить изменения характера правоотношений между существующими сторонами.

Зачет встречных требований – одна из форм исполнения обязательств, производимый на основании соглашений сторон или по одностороннему волеизъявлению, которое доведено до сведения другой стороне [3, ст. 381].

Для возможности осуществления зачета встречных требований необходимо наличие определенных условий: 1) данные требования должны быть встречными, однако могут быть исключения при уступке требования. 2) встречные требования должны быть однородными. 3) по данным требованиям должен наступить срок их исполнения.

Не является обязательным элементом однородность возникновения правовых оснований. Например, одно - из договора аренды, а другое - из договора купли-продажи.

Однако, в национальном законодательстве оговорены случаи ограничения допустимости использования зачета требования: 1) если по заявлению другой стороны к требованию подлежит применению срок исковой давности и этот срок истек; 2) о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; 3) о взыскании алиментов; 4) о пожизненном содержании; 5) в иных случаях, предусмотренных законодательством или договором. Стоит отметить, данный перечень не является исчерпывающим и могут вытекать из содержания статей гражданского законодательства Республики Беларусь.

Удовлетворении денежных обязательств перед кредиторами происходит в порядке очередности. В случае отсутствия необходимого количества, в установленной очередности имущество распределяется пропорционально заявленным требованиям кредиторов.

Подача заявления кредитором о зачете встречных требований наделено преимущественным характером, что в последствии нарушит порядок очередности. Следовательно, данная сделка является оспоримой, так как не соответствует целям конкурсного производства о равномерном и пропорциональном распределении имущества. Кроме того, необходимо учитывать, что данная сделка может повлечь за собой уменьшение конкурсной массы. Поэтому применение зачета встречного требования возможно лишь при строгом соблюдении установленных ограничений, а именно соблюдение порядка очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов.

Немало споров возникает по поводу классификации данной как двусторонней или односторонней сделки. На наш взгляд зачет является односторонней сделкой, так как необходимо волеизъявление одной стороны.

Предоставление в замен исполнения *отступного* [3, ст. 380] в некоторых случаях является единственным средством погашения долга. Если имущество обременено залогом, то оно не может быть предоставлено в качестве отступного. В случае, как и с зачетом встречного требования, применение отступного допускается с учетом соблюдения очередности и пропорциональности и заключается путем проведения собрания кредиторов.

В случае, если имущество, находящееся в залоге, не удалось реализовать в процессе проведения торгов, залоговому кредитору должно предоставляться право оставить указанное имущество за собой. По своему усмотрению кредитор вправе отказаться от данного имущества, так как это считается его правом, но не обязанностью.

Имущество должника может быть передано в качестве отступного только после проведения обязательных торгов, направленных на реализацию данного имущества. В случае, если данные торги не состоятся, то данное имущество может быть передано в качестве отступного. Однако должны предусматривать исключения, когда кредитор является единственным реестровым кредитором должника.

Необходимо урегулировать вопрос о возможности передачи кредитором отступного в меньшем размере, чем их установленные требования. С экономической позиции, в условиях экономической несостоятельности данной действие считается целесообразным, в случае получения одобрения кредиторов, включенных в конкурсное производство.

Необходимо разграничивать соглашение об отступном от новации по следующим признакам:

1) соглашение об отступном может возникать не только между кредитором и должником, но и также с третьими лицами;

2) в отличие от новации, отступное направлено на защиту кредитора, то есть носит охранительный характер. В свою очередь новая предполагает возможность инициирования не только кредитором, но и должником.

3) соглашение об отступном применяется только в случае просрочки исполнения, в то время как соглашение об отступном можно заключить на любой стадии заключения обязательств.

4) при соглашении об отступном происходит полное прекращение обязательств, возникших из первоначальных правоотношений. В свою очередь, при новации прекращаются существующие правовые связи и взамен их возникают новые.

Договор *перевода долга* [3, ст. 362] регулярно используется субъектами хозяйствования в гражданских правоотношениях. Обязательным условием для осуществления данной сделки является согласие кредитора. В случае появления нового должника, то он обладает правом выдвижения против требований кредитора на правоотношения, основанные между последним и первоначальным должником.

Таким образом, появление правового механизма, с помощью которого возможно признание должника, не способного удовлетворять требования кредиторов по принятым на себя денежным обязательствам, банкротом, окажет положительное влияние на развитие рыночной экономики. Данный институт позволит восстановить финансовую активность банкрота путем списания непосильного бремени долгов, а также обеспечит удовлетворение требований кредиторов в максимально возможном объеме.

В целях обеспечения баланса интересов участников дела о банкротстве, предполагается проведение процедуры реструктуризации долгов, в плане которой могут использоваться такие способы прекращения обязательств как новация, зачет встречных требований, предоставление отступного и перевод долга. Диспозитивность данных норм позволит участникам прийти к определенному консенсусу, обеспечить выбор наиболее подходящего варианта и удовлетворить интересы участников в максимальном объеме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Федер. закон, 26 окт. 202 г., № 127-ФЗ : в ред. Федер. Закона от 27.12.2019г. : с

изм. и доп. от 08 янв. 2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

2. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 мая 2019 г. № 185-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Тихий Роман Сергеевич,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России,
Tikhiy Roman Sergeevich,
Associate Professor, Department of Civil Law and
Procedure Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia;
Бескороваяная Елена Сергеевна,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России
Beskorovayna Elena Sergeevna,
deputy head of the department Civil Law and Process o
f the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

К ВОПРОСАМ О СООТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN ADMINISTRATIVE AND CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются вопросы соотношения административного судопроизводства и гражданского производства, которые являются основными способами судебной защиты прав и свобод граждан.

Именно административное судопроизводство и гражданское судопроизводство в целях обеспечения защиты прав граждан и юридических лиц стали самостоятельным видом судебного контроля, за исполнением должностными лицами органов исполнительной власти норм федерального и регионального законодательства, а также муниципальных правовых актов в РФ, при рассмотрении публично-правовых споров.

Принятие в 2015 году в Российской Федерации законодательства «Об административном судопроизводстве» (а именно, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), позволило решить проблему реформы административных судов в Российской Федерации и решить научную отраслевую проблему создания административной юстиции. При этом при реализации компетенции судов судебной системы РФ по рассмотрению споров, возникающих из публично-правовых отношений, все же на практике возникают сложности, поскольку отдельные виды производств регламентировались долгое время гражданским процессуальным законодательством РФ (Гражданским процессуальным кодексом РФ) и были из него исключены.

Для осуществления административного судопроизводства отдельно от гражданского судопроизводства необходима была как система норм законодательства, регламентирующая процессуальную процедуру рассмотрения споров, но и специализация судей по рассмотрению определенной категории дел.

Вышесказанное и обуславливает актуальность заявленной темы исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что авторами впервые на уровне комплексного анализа рассмотрены вопросы соотношения административного судопроизводства и гражданского судопроизводства в свете применения норм законодательства Российской Федерации «Об административном судопроизводстве» и гражданского процессуального законодательства Российской Федерации на современном этапе, с учетом материалов судебной практики.

Annotation. This scientific article discusses the relationship between administrative proceedings and civil proceedings, which are the main ways of judicial protection of citizens' rights and freedoms.

In order to ensure the protection of the rights of citizens and legal entities, administrative and civil proceedings have become an independent type of judicial control over the execution by officials of Executive authorities of Federal

and regional legislation, as well as municipal legal acts in the Russian Federation, when considering public law disputes.

The adoption in 2015 of the legislation "on administrative proceedings" in the Russian Federation (namely, the Code of administrative proceedings of the Russian Federation), allowed to solve the problem of reform of administrative courts in the Russian Federation and solve the scientific branch problem of creating administrative justice. At the same time, when implementing the competence of the courts of the judicial system of the Russian Federation to consider disputes arising from public law relations, there are still difficulties in practice, since certain types of proceedings were regulated for a long time by the civil procedure legislation of the Russian Federation (the Civil procedure code of the Russian Federation) and were excluded from it.

For the implementation of the administrative procedure separately from the civil proceedings were necessary as a system of norms regulating the procedural procedure for dispute resolution, but also specialization of judges in considering specific categories of cases.

The above conditions the relevance of the stated research topic.

Scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time at the level of a comprehensive analysis examines the correlation between administrative proceedings and civil proceedings in the light of application of norms of the legislation of the Russian Federation "On administrative proceedings" and the civil procedural legislation of the Russian Federation at the present stage, given the materials of judicial practice.

На сегодняшний день реализация процессуальных норм законодательства Российской Федерации с учетом нынешнего его состояния, нуждается в определенном механизме, который обеспечил бы эффективность их применения при осуществлении различных видов правосудия. В этой связи, вопрос о соотношении административного судопроизводства и гражданского судопроизводства становится одним из главных в системе судебных дел, возникающих из публично-правовых отношений, при которых происходит взаимодействие должностных лиц органов исполнительной власти с гражданами РФ, иностранными гражданами, лицами без гражданства и юридическими лицами.

На наш взгляд, рассмотрение вопросов соотношения административного судопроизводства и гражданского судопроизводства необходимо начать с исследования понятий «административно-правового спора» «гражданско-правового спора» и «процессуального производства».

В отечественной отраслевой юридической науке понятие «административно-правового спора» исследуется в различных научных источниках. Известными российскими учеными процессуальной научной теории разработаны различные подходы к понятию административно-правового спора, как вида юридического конфликта, приведем некоторые из них. Так, например, по мнению Н.Ю. Хаманевой, административно-правовые споры возникают в сфере государственного управления в процессе осуществления органами исполнительной власти управленческих функций [1, с. 36].

Другие ученые, например, Лупарев Е.Б. рассматривает административно-правовой спор как тип комплексного материально – процессуального административного правоотношения, который характеризуется наличием противоречий сторон, вызванных конфликтом интересов в сфере государственного управления или несовпадением взглядов на законность и обоснованность организационных действий органов и лиц, наделённых государственно-властными управленческими полномочиями [2, с. 44].

Административно-правовой спор рассматривается и как разновидность юридического конфликта по поводу неправильного применения норм административного права властным субъектом по отношению к невластному субъекту, который нарушает его права [3, с. 12].

Административно-правовой спор рассматривается системой судов, образующих административную юстицию и связан с рассмотрением жалоб, исковых заявлений и т.д.

На наш взгляд, административно-правовой спор – представляет собой виду публично-правового спора, возникающего по поводу нарушения должностными лицами органов исполнительной власти в процессе осуществления управленческих функций прав и свобод граждан в сфере государственного и муниципального управления, рассматриваемый в определенном процессуальном порядке системой специальных административных судов.

В отличие от административно-правового спора, гражданско-правовые споры являются разногласиями, возникающими между гражданами по поводу реализации гражданских прав и обязанностей. Здесь для гражданско-правового спора исключается характер публичности и применяется принцип диспозитивности (равенства) участников спорных правоотношений. Когда в административно-правовом споре обязательным участником является должностное лицо, наделенное властными полномочиями и связанное с исполнительно-распорядительными функциями.

Гражданские споры и гражданско-правовые споры понятия тождественные и применимы для участников гражданско-правовых отношений. Процедура рассмотрения гражданско-правовых споров и споров, возникающих из гражданско-правовых отношений, регламентируется гражданским процессуальным законодательством. Гражданские споры всегда связаны с имущественными отношениями, договорными обязательствами, причинением вреда и иными правоотношениями, которые регулируются материальными нормами гражданского права и законодательства.

Рассматривая понятие «процессуального производства» необходимо остановиться на анализе положений научной литературе, в которой приводится понятие процессуальной (юрисдикционной) процедуры. Именно процессуальная (юрисдикционная) процедура регламентирует порядок осуществления процессуального производства, посредством которой происходит рассмотрение различной категории споров.

Реализация юрисдикционной процедуры обеспечивается посредством юрисдикционного процесса, который является видом юридического процесса. Так, например, автор М.В. Максютин считает, что юрисдикционный процесс - это процедурные, процессуальные проявления права, нашедшие свое выражение в конкретных видах судопроизводства, известных правовой системе [4, с. 44].

Известный специалист отечественной административно-процессуальной правовой теории Салищева Н.Г., приводит понятие юрисдикционного процесса который собой собирательное научное понятие, который можно определить как форму превращения юридических моделей, содержащихся во внутреннем и международном законодательстве, в реальную систему правоотношений [5, с.2].

В данном случае речь идет об административном процессе и гражданском процессе как самостоятельных видах юрисдикционного процесса. Так, например, Панова И.В., трактует понятие «административной процедуры» - как составной части административного процесса, связанной с достижением юридически значимого результата (вынесением юридического акта, совершением юридически значимого действия) [6, с. 53].

Юрисдикционный процесс как вид юридического процесса всегда связан с рассмотрением определенной категории споров в рамках процессуальной процедуры, осуществляемой в системе процессуального производства.

Процессуальное производство реализуется путем юридического процесса, представляющего собой последовательность совершения определенных действий, связанных с разрешением правовых (юридических) споров. Вид процессуального производства зависит от конкретного спора и участника спорного правоотношения.

В Российской Федерации необходимость законодательного закрепления административного судопроизводства в отдельный вид судопроизводства, наряду с гражданским и уголовным, была связана с наличием конституционной нормы, содержащейся в части 2 статьи 118 Конституции РФ, принятой в 1993 году, согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [7].

Но в отдельный вид судопроизводства, административное судопроизводство было выделено в 2015 году в связи с принятием Кодекса РФ административного судопроизводства. До этого периода, вопрос разрешения публичных правовых споров, связанных с применением норм административного законодательства регламентировался Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ закрепил производство, возникающее из публично-правовых отношений (ст. 245-261.8 ГПК РФ) [8]. Так, например, ранее действующая статья 245 ГПК РФ, предусматривала положения, согласно которым суд рассматривает дела, возникающие из публичных правоотношений:

- по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, если рассмотрение этих заявлений не отнесено федеральным законом к компетенции иных судов;
- по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих;
- по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации;
- по заявлениям о помещении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащих депортации или передаче РФ иностранному государству в соответствии с международным договором РФ о реадмиссии, либо принимаемого РФ иностранного гражданина или лица без гражданства, переданных иностранным государством РФ в соответствии с

международным договором РФ о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в РФ (иностранный гражданин, подлежащий депортации или реадмиссии), в предназначенное для этого специальное учреждение, предусмотренное Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

В связи с принятием Федерального закона от 08.03.2015 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», данные статьи ГПК РФ были признаны утратившими силу с 15.09.2015 г. [9].

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ конкретизировал и дополнил категории дел, возникающие из публично-правовых отношений, которые ранее были закреплены в ГПК РФ (далее – КАС РФ), а также закрепил различные требования, предъявляемые к заявлениям по делам. К таковым категориям дел относятся [10]:

- административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего (гл. 22 КАС РФ);
- административные дела о защите избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан РФ (гл. 24 КАС РФ);
- административные дела об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости (гл. 25 КАС РФ);
- административные дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта (гл. 26 КАС РФ);
- административные дела об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (гл. 29 КАС РФ);
- административные дела о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке (гл. 31 КАС РФ);
- административные дела о взыскании обязательных платежей и санкций (гл. 32 КАС РФ) и другие.

Для рассмотрения данной категории дел необходимо было создание административных судов и специализация судей. В связи с чем, в Российской Федерации, в судах общей юрисдикции были созданы коллегии по административным делам.

Важной особенностью КАС РФ, является то, что для граждан, не имеющих высшего юридического образования, в нем предусмотрена возможность делегирования своих полномочий законному представителю. При личном участии в административном деле гражданин не лишается права на законного представителя (ст.54 КАС РФ). Полномочия представителя должны быть подтверждены документом, подтверждающим его статус.

Решение об удовлетворении требования административного истца либо в отказе таковых требований, принимается судом только после проведения судебного разбирательства, которое начинается после подачи административного иска и принятия его к производству [11].

Вместе с тем, вопросы разрешения публично-правовых споров с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей остается в системе регулирования арбитражного процессуального законодательства РФ. Так, например, Арбитражный процессуальный кодекс в разделе 3 закрепил производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений [12].

На наш взгляд, данный вид судопроизводства необходимо было включить в Кодекс административного судопроизводства РФ, поскольку в данном случае речь идет о разрешении административных дел и административно-правовых споров и рассматривать данные дела возможно арбитражными судами в судебных коллегиях по административным делам. Такая правовая регламентация не потребует каких то дополнительных финансовых затрат, но при этом позволит систематизировать и более кодифицировать административно-процессуальное законодательство РФ.

По нашему мнению соотношение административного судопроизводства и гражданского судопроизводства необходимо проводить по видам правовых споров и категорий дел. Это позволит выделить сходство и различие данных судопроизводств.

Основным отличием этих видов производств является то, что в административно-правовом споре обязательным участником является должностное лицо органа исполнительной власти, наделенное властными полномочиями. В гражданско-правовом споре имеет место диспозитивность

равенство участников гражданско-правовых отношений (независимо от того, орган власти, выступающие от имени юридического лица, само юридическое лицо, или граждан) являются участниками правового спора.

Сходство состоит в порядке разрешения правовых споров процедуре осуществления судопроизводства, как административного, так и гражданского, поскольку все эти виды производства реализуются в системе обычных судов общей юрисдикции, без создания специальной судебной системы.

По нашему мнению действующий КАС РФ не закрепляет весь перечень административных дел, которые могут возникать из административных правовых споров. Например, Вместе с тем действующий КАС РФ во многом дублирует ГПК и АПК РФ, что создает сложность в процессе осуществления правоприменительной практики. Часто обычные граждане лишаются возможность защитить свои права, поскольку между судами могут возникать сомнения, в каком судопроизводстве подлежит рассмотрение того или иного спора. Если суд придет к выводу, что требования поданы в неправильном порядке, он выносит определение об отказе в принятии иска или административного иска [13].

В ГПК РФ не предусмотрено, как должен действовать суд, если истец отказался от иска, поданного в защиту прав, свобод и интересов неограниченного круга лиц. По общему правилу ГПК РФ отказ от иска, принятый судом, влечет прекращение производства по делу. Исключением являются дела по оспариванию нормативных актов: после отказа от заявления производство по ним не прекращается.

Меры предварительной защиты по административному исковому заявлению (далее - меры предварительной защиты) согласно КАС РФ сходны с мерами по обеспечению иска в гражданском процессе.

В КАС РФ определены случаи, в которых суд может применить меры предварительной защиты. Одним из них может быть случай, когда защита прав, свобод и законных интересов административного истца невозможна или затруднительна без принятия таких мер.

Меры предварительной защиты согласно КАС РФ могут вводиться по заявлению административного истца или лица, обратившегося в суд для защиты прав других лиц или неопределенного круга лиц. Устанавливать такие меры самостоятельно суд не может.

В КАС РФ, как и в ГПК РФ, перечень мер предварительной защиты не является исчерпывающим. Ими могут быть, например:

- приостановление оспариваемого решения полностью или в части;

- запрет на совершение определенных действий.

В КАС РФ, как и в ГПК РФ, перечень мер предварительной защиты не является исчерпывающим. Ими могут быть, например:

- приостановление оспариваемого решения полностью или в части;
- запрет на совершение определенных действий [14].

Но при этом по подведомственности дел имеются акты толкования материалов судебной практики.

Так, например, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», Верховный суд РФ приводит толкование о том, что не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда [15].

Не подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном Кодексом, экономические споры и другие дела, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и отнесены законом к компетенции арбитражных судов.

На наш взгляд, административные дела, возникающие из реализации социальных, жилищных прав граждан, также оспариванию ненормативных правовых актов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления также следовало бы включить в КАС РФ, и дополнить Кодекс административными делами, возникающими из публичных правоотношений с участием организаций и индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, следует вывод, что соотношение административного судопроизводства и гражданского производства состоит в процедуре осуществления правосудия, а основное отличие состоит в процессуальной форме и в категории правовых споров и дел. Для совершенствования административного судопроизводства и гражданского производства необходим анализ правоприменительной и судебной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хаманева Н.Ю. Административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта //Труды Института государства и права РАН. 2009. - № 3. - С. 36.
2. Лупарев Е.Б. Административно-правовые споры: Диссертация доктора юрид. наук. - Воронеж, 2003. - С. 44.
3. Соколов И.А. Административная юстиция: материальные и процессуальные аспекты: автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 12.
4. Максютин М.В. Юрисдикционный процесс (вопросы общей теории): Диссертация канд. Юрид. наук. - М.: 2002. - С. 44.
5. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. - М., 1964. - С. 2.
6. Панова. И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды / И. В. Панова // Правоведение. 2000. - № 2. - С. 53.
7. Информационно-справочная правовая система «Гарант».
8. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
9. Российская газета. - 2015. - 13 мая.
10. Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.
11. Особенности административного судопроизводства – URL: <https://pravovedus.ru/practical-law/administrative/osobennosti-administrativnogo-sudoproizvodstva/>(дата обращения 05.07.2020).
12. Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. - Ст. 3012.
13. ГПК или КАС: почему суды ошибаются в подведомственности. – URL: <https://pravo.ru/story/200551/> (дата обращения 05.07.2020).
14. Разъяснения положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.– URL: <https://mozhaisky.mos.ru/presscenter/news-on-main/detail/3177528.html> (дата обращения 05.07.2020).
15. Информационно-справочная правовая система «Гарант».

Федосеев Петр Сергеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России
Fedoseev Petr Sergeevich,
Associate Professor of the Department of civil law
disciplines. Candidate of law, associate Professor

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА ПРИ ПОДАЧЕ
ГРУППОВЫХ ИСКОВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ**

**IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO SUE WHEN FILING CLASS
ACTIONS IN RUSSIAN CIVIL PROCEDURE LAW**

Аннотация: статья посвящена вопросам правового регулирования реализации права на предъявление группового иска и процессуальным проблемам, возникающим при этом. В частности, автор указывает на недостаточное регулирование вопросов нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, связанных с наделением полномочиями лица, защищающего права участников группового иска.

Abstract: the article is devoted to the issues of legal regulation of the implementation of the right to file a class action and procedural problems that arise in this case. In particular, the author points to insufficient regulation of issues by the norms of the Civil procedure code of the Russian Federation related to the empowerment of a person who protects the rights of participants in a class action.

Вступивший в силу в октябре 2019 года Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 191-ФЗ, внес ряд существенных изменений в правовое регулирование искового производства, в частности, предоставил возможность подавать групповые иски в гражданском процессе[1].

Новеллы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) позволили гражданам России реализовывать право на судебную защиту посредством подачи групповых исков, ранее предусматривавшееся исключительно нормами материального права[2]. Так, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, содержит главу 28.2, позволяющую подавать иски в защиту прав и законных ин-

тересов группы лиц[3]. Кроме того, нормы статьи 46 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» предусматривают возможность предъявления иска в защиту неопределенного круга потребителей[4]. Также возможность подачи группового иска установлена статьей 40 Кодекса административного производства Российской Федерации.

Очевидна объективная полезность включения норм о групповых исках в ГПК РФ, поскольку случаи массового нарушения прав граждан и организаций стали довольно распространенным нарушением в современной России.

Вместе с тем, исследователи науки гражданского процесса справедливо критикуют положения Федерального закона от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности инкорпорация института групповых исков в отечественное гражданское процессуальное право сравнивается с необдуманном заимствованием чуждого российской правовой системе института без надлежащей подготовки. Как известно, групповые иски давно и с разной степенью успешности применяются в Китае, Швейцарии, где исследуемая разновидность исков получила красноречивое название «красивая машина без двигателя»[5]. Возникли групповые иски в римском праве, а наибольшее распространение получили в странах англо-саксонской правовой семьи.

В России групповые иски, явление, несомненно, новое, вызывающее массу вопросов, как у ученых-процессуалистов, так и у юристов-практиков, поэтому целью настоящей статьи станет попытка установления преимуществ и недостатков групповых исков как способа защиты прав граждан и их объединений в части выражения воли и ее процессуального оформления при подаче групповых исков.

Как известно, материальное право на иск следует отличать от процессуального права на предъявление иска[6,С.89]. Разница очевидна и состоит в том, что право на исковую защиту является одной из форм реализации юрисдикционных полномочий обладателя субъективного права. В состав субъективного права, входит право на защиту, в том числе и посредством обращения в судебные органы. В свою очередь, право на предъявление иска является способом выражения воли на защиту права в судебной инстанции в порядке и форме, установленной нормами процессуального права. Достаточно подробно дискуссия о соотношении права на иск и

права на предъявление иска проанализирована в работе М.А. Гурвича «Право на иск».

Процессуальное право на предъявление иска состоит из права на инициирование процесса и поддержания его движения вплоть до достижения ожидаемого правового результата – рассмотрения дела судом и принятия решения, разрешающего правовой спор.

Поскольку традиция предъявления групповых исков заимствована из англосаксонской системы права, то наибольшее развитие исследуемый институт получил в странах прецедентного права. В контексте нашего исследования, с учетом высказанного выше понимания права на предъявление иска, выражение его происходит двумя способами – opt-in и opt-out.

Первый способ, распространен преимущественно в Великобритании, и предполагает участие в групповом иске только в том случае, если истец выразит волю на участие в разбирательстве по иску. Во втором случае, opt-out, участие в групповом иске презюмируется для всех лиц, которым причинен вред действием, ставшим фактическим основанием иска. Если участник не желает поддерживать исковые требования, то он обязан специально заявить об этом и выйти из группового иска[7].

ГПК РФ избрал британскую модель, следовательно, для участия в разбирательстве по групповому иску необходимо заявить об этом представителю предусмотренным законом способом. Следовательно, законодатель придерживается в вопросе о групповых исках традиционной для отечественного права концепции волеизъявления на совершение юридически значимых действий, как процессуальных, так и относящихся к материально-правовой сфере регулирования.

Как справедливо отмечает Д. Примаков, избранная британская модель предъявления групповых исков, фактически, нивелирует юридическую значимость исследуемой формы защиты[5]. Объяснение этому явлению, по нашему мнению, заключается в том, что присоединение к исковым требованиям осуществляется посредством прямого волеизъявления лица, чьи права были нарушены в результате масштабного деликта.

Очевидно, что гораздо эффективнее предъявить иск от неограниченной группы лиц, права которой были нарушены, а волеизъявление на их защиту предполагается переданным представителю, обратившемуся с исковыми требованиями в суд. При использовании подобной модели групповых исков значительную роль в правозащитной деятельности приобретают юридические организации, такие как адвокатские коллегии, партнерства и

инные формы юридических лиц, основным видом деятельности которых являются юридические услуги. Необходимо отметить, что именно оказание юридической помощи в рамках предъявленного группового иска наибольший эффект приобретает при работе нескольких адвокатов по одному иску, в связи с масштабами консультативной и правозащитной деятельности.

Вместе с тем, в настоящее время, юридические услуги адвокатских образований компенсируются судами крайне экономно, в размерах гораздо меньших, чем в США или Великобритании. В США, например, на размер исковых требований, предъявленных по групповому иску, влияют так называемые «штрафные убытки», то есть сумма, исчисляемая с годового оборота фирмы – ответчика. При этом законность взыскания убытков справедливо мотивируется получением прибыли за счет недобросовестной деятельности корпорации, ставшей предметом судебного разбирательства[5].

Тем не менее, в России подобного правила нет, и убытки, причиненные, например, необоснованным повышением платы за товары, работы или услуги, предоставляемые естественными монополиями, персонально для каждого потребителя могут составлять незначительные суммы, порой исчисляемые десятками рублей в год. Таким образом, преградой для индивидуального волеизъявления истца о присоединении к групповому иску может стать банальное нежелание «связываться» с судебным процессом.

Кроме того, возникает вопрос о том, как следует реализовать право на иск в составе группы лиц, в то время как требования к правовому статусу самой группы в статье 244.20 ГПК РФ изложены достаточно абстрактно. Вместе с тем, законодатель акцентирует внимание в тексте нормы именно на том, что субъектом права на предъявление группового иска является именно группа лиц, отвечающих совокупности условий, установленных п. 1 статьи 244.20.

В частности, не понятно, какую организационно-правовую форму должна иметь указанная в статье группа лиц, интересы которой защищаются путем подачи группового иска. Если группа ассоциируется с двадцатью и более лицами, имеющими общие иски требования, объединенные в единый иск в защиту общего интереса, то чем групповая форма защиты прав по групповому иску отличается от процессуального соучастия? Если речь идет о специально сформированной общности, лиц, объединенных тождественными требованиями к ответчику, то, на наш взгляд, необ-

ходимо в нормах ГПК РФ детализировать порядок создания исследуемой группы.

Не очевидна возможность членов группы, указанных в исковом заявлении, и не являющихся судебными представителями от имени группы в суде, участвовать в заседании и осуществлять права истца при рассмотрении группового иска. Исходя из положений статьи 244.23 ГПК РФ, у лица, присоединившегося к иску, есть права исключительно технического характера, такие как снимать копии с материалов дела, а также заявлять ходатайства о замене лица, представляющего интересы группы лиц либо выйти из состава группы лиц, предъявивших и поддерживающих иски. В то же время, лицо, вышедшее из состава группы, фактически лишается права самостоятельной и своевременной защиты нарушенных прав в стандартном исковом производстве.

Вызывает вопросы и обязанность несения судебных расходов при рассмотрении группового иска лицом, указанным в качестве представителя группы истцов. Вопрос заключается в порядке распределения расходов на ведение группового иска между членами группы и компенсация их представителю. В частности, из каких источников будут оплачены услуги уполномоченного от имени группы представителя, если он также является заинтересованным участником процесса.

Полагаем, что лакуны в нормах, касающихся материальной стороны ведения группового иска, не будут способствовать скорейшему рассмотрению и разрешению гражданского дела, возбужденного по предъявленному групповому иску.

На наш взгляд, целесообразно в статьях главы 22.3 ГПК РФ подробнее отразить порядок формирования прав и обязанностей группы лиц, предъявляющих иски, а также детализировать правовой статус лица, выступающего представителем группы лиц – истцов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 22.07.2019, № 29 (часть I), ст. 3858
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ// «Парламентская газета», № 140-141, 27.07.2002;

4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»// «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 140;

5. Примаков Д. Подводные камни групповых исков [Электронный ресурс]:<https://legal.report/podvodnye-kamni-grupповых-iskov/> (Дата обращения: 07.02.2020)

6. Право на иск [Текст] / д-р юрид. наук М. А. Гурвич ; Акад. наук СССР. Ин-т права. - Москва ; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Москва). - 216 с.;

7. Scott Dodson An Opt-in Option for Class Actions//Michigan Law Review. Volume 115. Issue 2. p. 184-186.[Электронный ресурс]: [https:// www.repository.law.umich.edu](https://www.repository.law.umich.edu) (Дата обращения: 07.02.2020)

Хоролец Анна Андреевна,
курсант взвода 0117

Краснодарский университет МВД России

Khorolets Anna Andreevna,
cadet of platoon 0117

Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia;

Герасимов Александр Владимирович,
начальник кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент,

Краснодарский университет МВД России

Gerasimov Alexander Vladimirovich,
candidate of jurisprudence, associate professor,
chief of department of civil law and process of the
Krasnodar university Ministry of Internal Affairs
of Russia

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ

LEGAL FRAMEWORK FOR STATE REGULATION OF SECURITIES

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы государственного регулирования ценных бумаг, высказывается авторское видение их решения, делается акцент на избыточной централизации регулятивных полномочий органов государственной власти в этой сфере.

Ключевые слова: государственное регулирование, рынок, ценные бумаги, бездокументарные ценные бумаги, эмиссия.

Annotation: the article examines the problems of state regulation of securities, expresses the author's vision of their solution, emphasizes the excessive centralization of the regulatory powers of state authorities in this area.

Key words: government regulation, market, securities, book-entry securities, emission.

Регулирование финансового рынка, эмиссии ценных бумаг, можно считать стратегически важной и очень значимой задачей государства. В современном мире в сфере финансов, должна существовать такая политика, которая была бы целесообразно продумана уполномоченными на то специальными органами, их должностными лицами.

Движение, распределение, перераспределение свободных денежных средств выступают основными элементами правовой регламентации ценных бумаг. Поэтому доля ценных бумаг, их финансовая составляющая, широко используется в различных сферах: торговли, выполнения работ, оказания услуг. На обращение и правовое регулирование ценных бумаг оказывает непосредственно состояние самого финансового рынка.

В настоящее время в России правовое регулирование ценных бумаг не имеет достаточно сбалансированной нормативной базы, что объясняет необходимость научного исследования данной проблематики.

Для рассмотрения названных аспектов следует, прежде всего, определить понятийный аппарат. Основы регулирования рынка ценных бумаг закреплены в ст. 38 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [1], где сказано, что государственное регулирование рынка ценных бумаг производится посредством:

- установления обязательных требований к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и ее стандартов;
- государственной регистрации выпусков (дополнительных выпусков) эмиссионных ценных бумаг и проспектов ценных бумаг и контроля за соблюдением эмитентами условий и обязательств, предусмотренных в них;
- лицензирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг;
- создания системы защиты прав владельцев и контроля за соблюдением их прав эмитентами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг;

- запрещения и пресечения деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на рынке ценных бумаг без соответствующей лицензии.

В общих чертах под государственным регулированием рынка ценных бумаг следует понимать регулирование этой сферы со стороны органов государственной власти, к числу основных относятся Президент РФ, Правительство РФ, Банк России, Министерство финансов РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 142 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] ценные бумаги - это документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги).

Однако ценные бумаги могут быть и бездокументарными, которым посвящены нормы § 3 главы 7 ГК РФ. Исходя из положений ст. 142 ГК РФ ценная бумага – это документ, а бездокументарные ценные бумаги - обязательственные права, например, право участия в корпорации.

В настоящее время с расширением возможностей бездокументарной формы фиксации информации (ее закрепления на магнитных, электронных носителях) получают все большее распространение бездокументарные ценные бумаги. Они существуют в форме записей на лицевом счете, открытом ее владельцу в системе реестра владельцев ценных бумаг, или на специальном счете (счете депо) в депозитарии (ст. 28 Закона о рынке ценных бумаг).

Нельзя не упомянуть, что длительное время в отечественной доктрине существовало две концепции понятия ценных бумаг. Первая - документарная или законодательная, которая основана на трудах германских цивилистов [3]. Так, Е.А. Суханов обращает внимание на то, что ценные бумаги выступают в роли особых документов, что определяется их содержанием. В его понимании документарность является основным признаком, то есть официально составленная запись уполномоченным на то лицом в соответствии со всеми реквизитами, а также имеющее значение в правовом регулировании [4].

Вторая позиция понимания ценных бумаг, то есть бездокументарная – концепция, которая осуществляет правовое регулирование ценных бумаг как совокупность имущественных прав. Данная позиция отражается в законодательной политике государства и закреплена в Федеральном законе

«О рынке ценных бумаг», который определяет эмиссионную ценную бумагу как совокупность имущественных и неимущественных прав, а также законодательно определяет выпуск ценных бумаг в бездокументарной форме (ст. 28).

Однако в настоящее время существует дуалистическая концепция, которая в равной мере признает ценной бумагой, как документарные ценные бумаги, так и бездокументарные, поскольку законодатель официально обособил в 2013 г. в ГК РФ бездокументарные ценные бумаги.

Ценные бумаги обеспечивают более простое и оперативное распределение и передачу прав на материальные блага, которые также удобны в функционировании коммерческих субъектов. В их числе могут выступать акции, также они могут быть кредитными – облигации, векселя, либо чеки, которые выступают в качестве платежных средств.

Если рассматривать правовую природу ценных бумаг, то они выступают как движимое имущество и указывают нам на имущественные права данных бумаг. С экономической точки зрения ценная бумага выступает как представитель капитала. Экономическая категория ценных бумаг означает право на долю капитала, который получен в результате первичного размещения бумаг и распределение прибыли, которую дает капитал. Именно такой капитал имеет свою материальную форму и свойства.

Государственное регулирование в сфере управления экономикой в стране и рынок ценных бумаг состоит в достижении цели, то есть стимулирования и поддержание экономической активности. Решением проблем, которые возникают в совершенствовании правового регулирования механизмов рынка ценных бумаг, а также целесообразного использования властных полномочий, должно стать правильное выражение регламентации норм в сфере экономики рынка ценных бумаг. Это позволит повысить эффективность качества государственного управления [5].

Сложность правового регулирования ценных бумаг проявляется в том, что в регулировании общественных отношений существует метод власти и подчинения. Способы правового регулирования включают в себя средства, которые определяют положение субъектов. Правоотношения осуществляются на основе предписаний и юридических мер воздействия. Содержание средств правового регулирования наиболее ярко проявляется в формуле основанной на предписаниях, запретах и дозволениях.

Лицам, которые участвуют в области обращения ценных бумаг, в некоторых случаях, предоставляется возможность самостоятельного регу-

лирования данной деятельности. Поэтому с помощью создания специально коллегиального органа по регулированию ценных бумаг и передачи некоторых полномочий, которые закреплены за органом исполнительной власти в области финансового рынка, сфера правового регулирования возможно бы стала действовать более эффективно. Это позволило бы данному органу оказывать влияние на организации, которые самостоятельно регулируют процесс выпуска и обращения ценных бумаг.

Заметим, что в ноябре 2013 года при Службе Банка России по финансовым рынкам был создан Экспертный совет по коллективным инвестициям. В его состав вошли представители управляющих компаний, негосударственных пенсионных фондов, профильных сообществ и объединений, а также признанные эксперты этого сегмента рынка. Его основными задачами являются формирование рекомендаций по стратегии и определению политики Службы Банка России по финансовым рынкам в сфере развития, регулирования, надзора и мониторинга рынка коллективных инвестиций, а также разработка экспертно-консультационных предложений по вопросам функционирования, направлений развития и решения отдельных вопросов нормативного правового регулирования в сфере коллективного инвестирования.

Можно заметить, что роль государственного регулирования в сфере ценных бумаг значительно возросла и тем самым возникают проблемы правильной работы всего механизма регулирования рынка ценных бумаг. Это обусловлено тем, что отсутствует конкретная нормативная база в данной сфере.

В современном обществе необходимо повышение эффективности правового регулирования в области ценных бумаг, так как именно эта сфера является одним из важнейших элементов экономики развитых стран и поэтому именно рынок ценных бумаг может выступать одним из причин кризиса.

Подводя итог, хочется отметить, что основной проблемой в сфере государственного регулирования рынка ценных бумаг выступает слабая нормативная база, а она является важным элементом в любой сфере деятельности. Государственное регулирование проявляется в избыточной централизации регулятивных полномочий. Также в современных условиях финансового рынка актуальной проблемой становится создание новой эффективной системы и работы регулирования выпуска и обращения ценных бумаг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Нерсесов Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве – М.: Статут, 1998.- 286 с.
4. Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова. – Т. 1. – М.: Статут, 2010. – 956 с.
5. Степанов Д. Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хозяйство и право. – 2002. - № 4. – С. 73-85.

Черемушкина Елена Эдемовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России
Cheremushkina Elena Edemovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil
Law and Procedure, Krasnodar University,
Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COLLISIONAL NORMS IN FAMILY LAW

Аннотация: В данной статье рассматриваются отношения с участием иностранных граждан, которые являются одними из самых сложных среди коллизионных норм международного частного права. Указывается на присутствие разнообразных норм и неосуществимость их полного совпадения, а также на существующие не только коллизионные проблемы, но и материально-правовые и процессуальные вопросы.

Annotation: This article discusses relations with the participation of foreign citizens, which are one of the most complex among the conflict of laws rules of private international law. The presence of various norms and the impracticability of their full coincidence, as well as the existing not only conflict problems, but also substantive and procedural issues are indicated.

Отношения, возникающие в семье, где одной из сторон является иностранный гражданин на сегодняшний день представляют проблемы в области коллизионных норм международного частного права, ведь как видно из практики семейные отношения, (где супруги граждане разных государств, а соответственно возможно и правопорядков) один из супругов граждан одного государства, а другой другого государства, которые в семейных правоотношениях по-разному решают возникающие проблемы, в этом и кроется на сегодняшний день проблемы правового регулирования. Полагая, что на лицо разнообразие норм и неосуществимость их полного совпадения. Существуют не только коллизионные проблемы, а также проблемы по материальной и процессуальной стороне вопроса (такие как условия вступления в брак, порядок заключения и расторжения брака, признание брака недействительным, усыновление и др.).

Так, на территории Российской Федерации законодательство допускает заключение брака между гражданами принадлежащими к разным государствам, а также допускается заключение брака между иностранным гражданином и гражданином России и как это не парадоксально число таких браков не уменьшается, несмотря на наличие различных проблем в этой сфере, и прежде всего в области международного права при разрешении коллизий.

Нельзя не согласиться, с мнением С.П. Гришаева, который обращает внимание на то, что: «Причины по которым граждане покидают свою страну и переезжают для постоянного жительства в другую различны, среди них вступление в брак с гражданами иного государства, а также возможность трудоустроиться в другой стране, и как следствие желание повысить уровень жизни за границей т.к. многие понимают, что в развитых странах больше для этого возможностей» [4, С.5].

Здесь следует подчеркнуть, что именно семейное право, в отличие от других областей правового регулирования имеет больше всего отличий, причем порой существенных, так как сталкиваются порой не только различные государства, но и правопорядки. Эти отличия объясняются, разли-

чием стран как по национальному критерию и менталитету, а в некоторых странах еще удельным весом обычаев и традиций [4, С.5].

Считаем, что в цивилизованном мире различным правовым системам известны две формы заключения брака - гражданская и религиозная. Как правило, брак допускается заключать в гражданской форме, т.е. в органах ЗАГС. Так, в нашей стране часто подменяют понятие гражданский брак, когда имеют в виду «сожитительство», что с позиции нормы права неверно. Что же касается религиозного брака, то он может выступать, как основным, так и дополнительным с обязательной предшествующей регистрацией в органах ЗАГС.

В этой связи следует привести примеры, в которых можно увидеть, что в одних государствах будет признаваться законным заключение брака в государственных органах (Россия, Франция, Германия и др.), а в некоторых странах браки, заключенные в церкви будут также считаться и защищаться со стороны государств, т.е. иметь правовые последствия (Австралия, Великобритания и др.).

Следует отметить, что в некоторых странах существуют определенные ограничения в отношении женщин при вступлении в повторный брак, так вступить в брак можно только по прошествии установленного срока после развода или смерти супруга, но такая особенность свойственна ограниченному числу стран (Турция, Мозамбик, ОАЭ и др.).

Семейное право некоторых государств устанавливает верховенство мужа в семье, так неравенство между мужем и женой, для ряда стран является нормой жизни в семье. Законы в этих государствах закрепили брачный договор, и он должен быть заключен до брака и призван регулировать и защищать, прежде всего интересы мужа в семье (Саудовская Аравия и др.).

На сегодняшний день многие страны придерживаются принципа моногамии, так страны мусульманской правовой системы живут отличной от иных правовых систем особенностью в создании семьи, так в этих странах разрешается иметь несколько жен, т.е. полигамия (Египет, Иордания и др.).

Как отмечает М.М. Богуславский страны Азии и Африки поддерживают многоженство, и в частности придерживаются таких обычаев, как плата за невесту, а также существует очень низкий возраст для невесты. До сегодняшнего дня сохранены и расовые и по вероисповеданию ограничения для вступления в брак [2, С. 402 - 403].

Разделяем мнение М.М. Богуславского который подчеркивает, что: «Такие ограничения показывают, как различно законодательство в реше-

нии семейных правоотношений, и соответственно при заключении брака гражданами различных государств, где на лицо то, что коллизионные вопросы имеют существенное значение» [2, С. 404].

Как отмечает Д.С. Борминская: «Сама норма права в мусульманском мире в области семейных отношений не пользуется известностью, однако вопросы семьи и брака решаются нормами ислама» [3, С. 4].

Структура коллизионной нормы отличается от обычных правовых норм. Коллизионные нормы состоят из объема и привязки. Объем указывает на отношения, подлежащие регулированию, а привязка указывает на правовой порядок, который необходимо применять для регулирования этих отношений [1, С. 319].

В частности, может использоваться либо по закону места заключения брака, либо по закону как общего для супругов гражданства, так и по гражданству одного из супругов; возможно и по закону страны, где супруги совместного проживания; либо по закону страны, где последний раз проживали супруги; по закону страны, выбранный по соглашению супругов; по закону страны, где постоянно проживал ребенок и др.

В этой связи заслуживает внимания, мнение О.А. Ищенко, которая в своей работе отмечает, что: «Такие хрупкие, по сути семейные отношения, обращают внимание законодателя на осторожность в их регулировании, так когда нужно выбрать ту или иную привязку, в частности если это касается личности» [5, С. 44].

Если же рассматривать регулирование коллизий, то можно увидеть, что одни страны включили такие нормы во вновь принятые нормативные акты международного частного права (Венгрия, Турция, и др.), а другие включили их, либо в семейный, либо в гражданский кодексы.

Так, в России с 1 марта 1996 г. действует новый Семейный кодекс, принятый в 1995 г., где содержится разд. VII "Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства", там изложены коллизионные нормы по всем ключевым вопросам семьи и брака (например, заключение брака и расторжение брака, признание его недействительным, усыновление и др.).

Вместе с Семейным кодексом нормы регулирующие сферу семейных отношений, можно увидеть в следующих нормативных правовых актах от 15 ноября 1997 г. "Об актах гражданского состояния", от 31 мая 2002 г. "О гражданстве Российской Федерации", а также в Положении о Консульском

учреждении Российской Федерации, которое утверждено Указом Президента Российской Федерации 5 ноября 1998 г.

Немаловажную роль в семейном праве обладают международные договоры. Так, рассматривая семейно-правовые отношения, где присутствуют граждане СНГ, особо следует отметить Минскую конвенцию 1993 г. и Протокол к ней 1997 г. Конвенция в третьей части Семейные дела, регулирует такие значимые вопросы семьи и брака, как правила подлежащие применению при заключении брака и расторжении брака, признанию его недействительным, отношения отцовства, материнства, усыновление, и опеку попечительство. Значимость этой Конвенции неопределима, так как помимо того, что она применяется в странах СНГ, так без нее многие семьи с распадом Советского Союза оказавшихся на территориях разных стран, попали бы в правовую яму. Следующая редакция Конвенции была принята в Кишиневе 7 октября 2002 г.

По нашему мнению, несмотря на наличие широкого спектра регулирования семейно-правовых международных отношений, ряд проблем до сегодняшнего дня так и не решен. Так, нередко в СМИ поднимались вопросы дискриминации прав русских женщин, вступающих в брак с иностранными гражданами, а также проблемы опеки и воспитания детей и др.

Мы считаем, что следует подвергнуть критике положение, которое заложено в ст. 158 СК РФ, так данная норма права гарантирует признание браков, заключенных за рубежом по правилам той страны, в которой они были совершены. Получается, что законодатель, разрешает все то, что у нас считается безнравственным, аморальным, выходящим за рамки правового поля нашей страны, думается, что это может негативно сказаться на формировании правосознания и соответственно правовой культуры в обществе.

В этой связи, обращает внимание проблема легализации однополых браков, которые признаются в отдельных странах. Получается, что статья 158 СК РФ признает такие браки, т.е. гарантирует браки, заключенные за рубежом по тем правилам, которые узаконены той страной. Следует отметить, что подобная неадекватность нашего законодательства побуждала обращаться в Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека [6].

Полагаем, что данное упущение необходимо восполнить путем законодательного закрепления в ч. 1 ст. 158 СК РФ положением о том, что: «Браки между гражданами Российской Федерации и браки между гражда-

нами Российской Федерации и иностранными без гражданами, которые были заключены не на территории Российской Федерации, но с при соблюдении законодательства страны, где они были заключены, они будут признаны действительными на территории Российской Федерации, при условии, если были соблюдены такие императивных нормы Семейного кодекса России, как обстоятельства, препятствующие к заключению брака (ст. 14 СК РФ), а также не нарушены условия вступления в брак (ст. 12, 13 СК РФ)».

Таким образом, считаем, что на сегодняшний день применение коллизионных норм в семейном праве России, требует детальной доработки и внимательного отношения законодателя, в целях недопущения дальнейшего подрыва морально-нравственной основы в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева О.Г., Заец Л.В., Звягинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / под общ. ред. С.А. Степанова. – Москва: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2018 г. – 352 с.
2. Богуславский М.М. Международное частное право. Учебник - М.: Юрист, 2005. — 604 с.
3. Борминская Д.С. Новые тенденции в развитии мусульманского семейного права на примере Семейного кодекса Королевства Марокко 2004 г. // Семейное и жилищное право. - М.: Юрист, 2009, № 3. С. 3-14.
4. Гришаев С.П. Поиск спутника жизни за границей обязывает знать зарубежное семейное право // Семейные правоотношения с участием иностранных граждан. Библиотечка "Российской газеты". 2010. Вып. 4. С. 2-4.
5. Ищенко О.А. Проблемы применения коллизионных норм в семейном праве // Современная наука. № 1. – 2016. С. 43 - 45.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 5.

Содержание

Айбатулина А.К. К вопросу о сроках обращения в суд по жилищным спорам государственных служащих и членов их семей.....	3
Бескоровайная Е.С. Особенности гражданско-правового регулирования заключения договоров на оказание платных услуг с участием государственных учреждений.....	10
Бондарь О.О. Стрельцов В.В. Участие прокурора в гражданском процессе.....	17
Брагин К.С. Возмещение вреда при ДТП (гражданско-правовой аспект).....	23
Галас Е.М. Гражданско-правовой смысл решений третейского арбитража.....	28
Герасимов А.В. Негосударственный пенсионный фонд как участник инвестиционных отношений.....	34
Голубева Е.А., Герасимов А.В. О некоторых условиях работы в условиях коронавируса.....	40
Данилов Д.Б. Судебная защита цифровых прав: реальность или фикция.....	47
Доев В.А., Павлюк В.А. К вопросу о субсидиарной ответственности.....	52
Жукова Н.В. Особенности механизма гражданско-правовой ответственности за совершение сделки с использованием обмана...	57
Завьялова Н.Ю. Особенности гражданских правоотношений с участием социальных общностей.....	61
Захарова Г.С. К вопросу о новом объекте гражданских правоотношений.....	67
Зубович М.М. Принцип диспозитивности и его прямое закрепление в гражданском процессуальном праве.....	72
Иваненко А.В., Шавешов Г.А. Формирование института квалифицированной юридической помощи в России.....	77
Игбаева Г.Р., Шакирова З.Р. Тенденции гражданско-правового регулирования в условиях цифровой экономики.....	88
Казанцева Е.В. Государственная регистрация сделок: вопросы правового регулирования.....	92
Лазутина Л.Ф. Информатизация и цифровизация	98

в гражданском процессе как путь повышения открытости судебной деятельности.....	
Малышева Н.А. Историческое развитие правоотношений по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов, и их современное состояние.....	103
Мельник С.В., Ломовская А.В. Межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.....	109
Петров И.В., Балабанов А.А. Проблемы правового обеспечения экономической безопасности республики Крым.....	113
Петров И.В., Дементеева И.И. Правовое обеспечение экономической безопасности в условиях цифровой трансформации...	118
Петров И.В., Филипчук К.В. Хозяйственно-правовые аспекты обеспечения экономической безопасности корпорации на современном этапе.....	124
Петухова М.Р. Особенности правового регулирования договора условного депонирования.....	129
Садков В.А. Значение криптовалюты в условиях цифровизации экономики.....	135
Смагина Е.С. Новые обязанности участников гражданского судопроизводства: развитие процессуальной активности или дополнительное обременение.....	139
Становая О.В., Игнатенко А.Ю. Способы прекращения обязательств при реструктуризации задолженности в процедуре банкротства физического лица.....	144
Тихий Р.С., Бескоровайная Е.С. К вопросам о соотношении административного судопроизводства и гражданского судопроизводства.....	150
Федосеев П.С. Реализация права на предъявление иска при подаче групповых исков в российском гражданском процессуальном праве.....	161
Хоролец А.А., Герасимов А.В. Правовые основы государственного регулирования ценных бум.....	166
Черемушкина Е.Э. Проблемы правового регулирования коллизионных норм в семейном праве.....	171

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

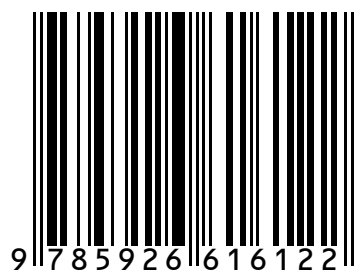
Материалы
VII Международной научно-практической конференции

(20 февраля 2020 г.)

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1612-2

Подписано в печать 20.04.2020. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 150 экз. Заказ 28.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.